ЖЕНЩИНА В РАЗВЕДКЕ

НАША СОЮЗНИЦА – НОЧЬ

АННА СТАРИНОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1964 году были изданы воспоминания полковника Ильи Григорьевича Старинова, человека по-настоящему легендарного в истории разведки. В его книге рассказывалось о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов.

Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека.

Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний Анны Корниловны Стариновой. Мемуары этой легендарной женщины охватывают временной период с ноября 1936-го до апреля 1939-го. Автор рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Знаменитый российский историк и публицист Александр Дюков провел сложнейшую работу по подготовке текста к печати, дополнил книгу предисловием и подробными комментариями.

- Анна Старинова
  - Предисловие
  - Впереди Испания
  - На испанской земле
  - Чемодан с минами
  - Первые вылазки в тыл мятежников
  - Валенсийские будни
  - Впереди Андалузия
  - Партизаны действуют
  - Партизанская разведка
  - Вести из Севильи
  - Перес Салас
  - Минеры могут ошибаться не один раз
  - Иван Хариш – Хуан Пекеньо
  - База в тылу мятежников
  - Батальон «Эспесиаль»
  - Рубио и другие
  - Матадор
  - Андухарская трагедия

- Встреча в Пособланко
- Не помогло и соседство с монастырем
- Незабываемые встречи
- Мина с магнитом
- Осиное гнездо
- На новой базе
- Каратели
- Вынужденное купанье
- Один в тылу врага
- Диверсанты бывают разные
- В Валенсии
- Девять суток в море
- В Наркомпросе
- Надежда Константиновна Крупская
- Снова с испанцами
- Вести издалека

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

Анна Старинова
Наша союзница – ночь

Предисловие

Пятьдесят лет назад, в 1964 году, Военное издательство Министерства обороны СССР выпустило в серии «Военные мемуары» небольшую книгу. Имя ее автора мало что говорило читателю, а указанное на титульном листе звание – полковник – смотрелось очень и очень скромно. Тем не менее, книга мгновенно стала библиографической редкостью – ведь в воспоминаниях полковника Ильи Григорьевича Старинова рассказывалось о вещах сенсационных: о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов. После распада Советского Союза стало известно, что полковник Старинов – фигура по-настоящему легендарная, «дед советского спецназа». Его воспоминания стали своеобразной классикой мемуарного жанра и неоднократно переиздавались.

Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека. Анна Корниловна никогда не стремилась к публичности, однако, тем не менее оставила после себя весьма интересные воспоминания. Как это ни парадоксально, но на русском языке из этих воспоминаний опубликованы лишь отрывки[1]; относительно полная публикация была предпринята в 1995 году – но в переводе на английский язык и потому для отечественного читателя осталась абсолютно неизвестной[2].

Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний А.К. Стариновой. Хотя эти воспоминания и охватывают небольшой временной период – с ноября 1936-го до апреля 1939-го, они чрезвычайно интересны. Анна Корниловна вспоминает те же события, которые описал в своих воспоминаниях И.Г. Старинов – однако ее воспоминания более подробны и красочны. Там, где И.Г. Старинов ограничивается сухим описанием событий, А.К. Старинова рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Эта красочность воспоминаний об «общественных» событиях контрастирует со скупостью воспоминаний «личных». Отношения со своим будущим мужем Старинова набрасывает редкими штрихами, практически намеками:

Начальник вернулся поздно вечером и с ним пополнение.

– В нашем полку прибыло. Теперь у нас будут и братья-славяне: поляки, югославы, болгарин, чехи и словаки, будут немцы и австрийцы, итальянцы, американец, финны и французы. А два югослава прилично знают испанский язык и могут объясняться по-русски. Теперь тебе будет легче, – довольным тоном сказал мне Рудольфо.

– Может быть! – ответила я, обидевшись. И про себя подумала: «Вот какое он получил пополнение… Теперь я не нужна ему». Вот, думаю, ошиблась, что не осталась в Валенсии.

– Вижу, чем-то недовольна? Что тебя, Луиза, обеспокоило? – ласково спросил Рудольфо.

– Почему ты не сказал мне в Валенсии о своем намерении? И на что я тебе теперь? – ответила я и отвернулась.

– Мы с тобой советские люди, нас вместе послали, вместе и будем работать. Ты теперь сможешь мне больше помогать. Мы будем действовать перед полосой южного фронта на большом протяжении, и мне одному не под силу справиться, а у тебя уже есть опыт, и при твоем знании языка и народа ты сможешь во многом заменять меня. Придется самостоятельно перебрасывать группы.

С художественной точки зрения зарисовка, кстати говоря, просто великолепная: буквально в нескольких абзацах рассказано и о чувствах автора воспоминаний, и о характере И.Г. Старинова. В дальнейшем своих чувств Старинова касается только несколько раз (точно так же, намеками), а о своем замужестве сообщает в двух скупых строчках:

Работая в Наркомпросе, я превратилась из Обручевой в Старинову. Проработав в Наркомпросе десять месяцев, я по совету врачей вынуждена была оставить работу.

Ситуация парадоксальная: Старинова достаточно откровенно рассказывает о вещах сов. секретных, связанных с разведывательно-диверсионными операциями, однако, как только речь касается личного, – замолкает. Обычно в воспоминаниях личность автора находится в центре событий; читателю же воспоминаний Стариновой образ автора приходится собирать по рассеянным то тут, то там «проговоркам». Еще чаще проговорок нет вообще. На первой же странице воспоминаний читатель узнает, что у автора есть маленькая дочь. Но почему она уезжает от дочери в Испанию? Растит ли она дочь одна – или у нее есть

муж? Ни намека на ответ в воспоминаниях не найдется.

Если бы я был просто историком, мне пришлось бы остановиться на этой констатации. Однако Анна Корниловна была моей прабабушкой; я сам (пусть и смутно) помню ее, а также имею возможность дополнить этот образ семейными рассказами. И потому знаю, что осталось за пределами мемуаров.

Моя прабабушка родилась в декабре 1900 года в селе Дорогорское Мезенского района Архангельской области, что на правом берегу реки Мезень. Места это северные, суровые и холодные. Матерью Анны была местная жительница, Ольга Степановна, а вот отец, Корнилий Дерягин, был пришлый. Говорили, что он пришел из Финляндии – хоть до Мезени от Финляндии расстояние и изрядное. Как вспоминала прабабушка, был Корнилий человеком религиозным, почти целыми днями молился, организовал в деревне кружок по изучению Библии. В дом к нему приходили желающие, Корнилий читал вслух Библию, разъяснял, если что было непонятно. Жила семья бедно, вся домашняя работа лежала на плечах жены. Детей в семье было четверо: Валентина, Анна, Николай и Александра. Как вспоминала прабабушка,

Жили бедно. Дети спали на одной кровати. Зимой темнело рано. Окна избы по северному обычаю располагались высоко, и снег доходил до самых окон. Утром рано не хотелось вставать из-под тёплого одеяла в нетопленную комнату. Мать будила по-простому, лопатой по ногам. И начинался трудовой день: мы помогали матери, которой было очень трудно. Колоть дрова, носить воду, топить печь…

Учились дети в сельской церковно-приходской школе, занятия в которой вёл местный священник, награждённый медалью за русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Преподавал Закон Божий, как мог – знакомил с русской литературой. Учил священник, по всей видимости, хорошо: в старости Анна Корниловна с удивлением говорила, что до сих пор помнит «молитвы и тропари, неизвестно зачем».

Впрочем, учеба была недолгой – надо было работать. Жизнь была тяжелой – что до революции, что после. В начале 20-х годов приходилось заниматься даже заготовкой леса и сплавом его по Мезени. Эти работы запомнились прапрабабушке как кошмар: тяжелая работа, холод, мокрые ноги. Работала она в артели далеко от родной деревни. После работы сушили одежду, отдыхали в бараке, в котором стоял запах табака, потной одежды. «Было душно, – вспоминала Анна Корниловна, – хоть топор

вешай». Из-за тяжёлой работы, недоедания, недосыпания, плохой одежды, холода она заболела туберкулёзом. Этот кошмар она вспоминала всю свою жизнь. Выбравшись из Мезени, она никогда больше туда не возвращалась. В 60-е годы ее звали приехать – но она не хотела возвращаться туда, где ей когда-то было так плохо. Единственное, что связывало ее с малой родиной – северные песни, которые Анна Корниловна даже в старости пела с удовольствием.

Однако советская власть все-таки обеспечивала возможность повысить свое социальное положение. Свою дальнейшую судьбу Анна Корниловна обозначала пунктиром:

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в [Северном краевом] комвузе и в Ленинградском восточном институте имени Енукидзе, где изучала английский и испанский языки.

Как обычно, ни слова о личном; а между тем, в 1926 году, она вышла замуж за приехавшего в Архангельск из Ленинграда партийного агитатора Федора Семеновича Обручева – человека видного и образованного. Зимой 1927 года у супругов родилась дочь Ольга, моя бабушка. Когда ребенку не было и года, Федор с Анной уехали в Ленинград. Надо было лечиться от туберкулеза, устраивать свою жизнь. Дочь оставили в деревне на попечении младшей сестры Анны – Александры. В Ленинграде Анна Корниловна поступила в Восточный институт им. Енукидзе, изучала испанский язык. Федор Семенович очень ей помогал, так как сам знал несколько языков. Когда жизнь более-менее наладилась, привезли из деревни дочь. Переехали в Москву, жили на Гоголевском бульваре; Федор Семенович работал в Главлите цензором, Анна Корниловна – переводчицей в Международной ленинской школе. Покоя, однако, не было.

Федор Семенович на всё имел своё принципиальное мнение и всегда его высказывал. Его то исключали из партии, то восстанавливали опять… Середина 30-х… Тогда была очень нервная обстановка в семье.

От семейных проблем Анна Корниловна и поехала в Испанию.

Испания произвела на нее огромное впечатление. Много лет

спустя Анна Корниловна рассказывала об апельсиновых рощах, о красоте испанской природы. Часто повторяла: «Quien no ha visto Sevilla, no ha visto maravilla» – «Кто не видел Севилью, тот не видел чудо». Возможно, именно для того, чтобы воскресить те прекрасные ощущения, она в 60-х годах и взялась за написание мемуаров.

Работа переводчицей при советнике по диверсионным делам Илье Григорьевиче Старинове оказалась нелегкой – приходилось и ходить в тыл к противнику, и самой преподавать испанцам диверсионное дело, и даже заниматься организацией разведки в тылу противника.

Мне было легче переводить на занятиях по разведке, чем по минно-подрывному делу. Работая в Ленинской школе, мне уже довелось заниматься вопросами конспирации, тайнописи, организации связи в условиях нелегальной работы. И тут все пригодилось…

Прибыв в Хаен и установив контакт с Франсиско Кастильо, Рудольфо и Д. Унгрия начали организовывать разведывательную службу. Разведывательная работа так меня захлестнула, что мне пришлось выезжать на встречи, собирать и обрабатывать материалы, а позже – ставить задачи разведчикам.

Заместителем командира по разведке и начальником разведывательной службы был Агустин Фабрегас, наиопытнейший подпольщик, прекрасный организатор и замечательный товарищ. Ему было около 60 лет, и он часто болел, приходилось мне не только помогать ему, но иногда и замещать его.

– Луиза! – говорил он сокрушенно, когда надо было составлять сводку или донесение. – Вы знаете, что интересует Рудольфо, а что Кольмана, разберитесь и составьте донесения.

Со всеми этими специфическими задачами Анна Корниловна справлялась отлично, была награждена орденом Красной Звезды и представлена к ордену Красного Знамени. Однако представление это сгорело в топке советского корабля, остановленного для досмотра франкистами.

Казалось, что дальнейшая судьба Анны Корниловны, как и судьба многих других побывавших в Испании советских переводчиц, будет связана с работой в военной разведке или разведке НКВД.

Однако по этому пути Анна Корниловна не пошла. После возвращения из Испании она устроилась в Наркомат просвещения, работала начальником управления спецшкол и детских домов, а потом в Интернациональном детском доме в

Иваново, куда прибывали дети испанских республиканцев.

В 1938 году она развелась с мужем, Федором Семеновичем Обручевым, и вышла замуж за своего испанского начальника – полковника Илью Григорьевича Старинова. Он был далеко не единственным из советских «испанцев», ухаживавших за Анной Корниловной, – но выбрала она именно его.

В дальнейшем Старинова никогда не выходила из роли жены-домохозяйки, воспитывавшей двух детей – дочь Ольгу от первого брака и сына Владимира от второго. Выйдя замуж второй раз, она стала вполне счастлива. Дома супруги часто говорили по-испански, своего мужа она любила называть на испанский манер – «Люсито». Ее внучка, моя мама, вспоминала:

У дедушки и бабушки была забавная привычка: они решили, что каждый день надо радоваться чему-нибудь обязательно. «Ни дня без шутки» – это было их правило. Они прожили вместе всю жизнь, до её смерти в 1984 году.

О большей части из этого Анна Корниловна не сочла нужным писать в своих воспоминаниях. Она предпочла рассказывать не о своей жизни, а о том, что видела во время гражданской войны в Испании. Возможно, она была права: рассказ этот оказался чрезвычайно интересен и познавателен.

Александр Дюков

Впереди Испания

Москва, 16 ноября 1936 года.

Состав Москва – Столбцы давно подан.

Нетерпеливо пыхтит паровоз, как бы напоминая многочисленным провожающим, что пора прощаться.

Слышатся последние восклицанья, добрые напутствия, и поезд тихо трогается точно по расписанию.

– Как много провожающих, – подумала я, глядя в окно.

…Только не было среди них только моей восьмилетней дочки.

Вспоминаются последние минуты расставания с ней.

Я стою у раскрытого, еще утром уложенного чемодана, проверяя, все ли приготовлено в дорогу, а Оля, суетясь вокруг меня и пытаясь мне помочь, старательно подкладывает в него вовсе ненужные в дорогу вещи, засыпая меня при этом градом вопросов.

Занятая своими мыслями, взволнованная и расстроенная предстоящей разлукой, забываю ей отвечать или делаю это настолько невпопад, что Оля чувствует что-то неладное. Девочка становится вдруг очень серьезной, затем неожиданно начинает жалобно и тихонько плакать:

– Мамочка! Возьми меня с собой на вокзал, ну возьми, пожалуйста, возьми, возьми… и… и! – всхлипывает она.

Чувствую, что могу не выдержать… Защелкиваю запоры чемодана, ласково, очень ласково обнимаю и крепко целую Олю, затем быстро выхожу из комнаты, оставляя дочь с моей сестрой, приехавшей из Мезени в Москву по моей просьбе.

Я стояла у окна, глядя на огни удаляющейся столицы, и думала о дочери. Когда-то теперь доведется встретиться… Затем немного успокоилась и вошла в купе.

Мой начальник Александр Порохняк[3] – невольный свидетель моих переживаний – попытался было приступить к изучению испанского языка, но из этого у нас ничего не получилось. Мне было не до того…

Мой попутчик, пожелав спокойной ночи, забрался на верхнюю полку и, видимо, заснул.

Поезд шел быстро, вагон плавно покачивало, было далеко за полночь, и все располагало к отдыху, а мне не спалось.

Сбылась моя мечта: еду в Испанию, к которой прикованы

взоры всего мира…

Вдруг нахлынули воспоминания из моего детства…

Прошло двадцать лет после окончания мной церковно-приходской школы в затерявшемся на реке Мезени селе Дорогорском, известном лишь тем, что до Октября туда ссылали политических. В память прочно врезались слова отца, сказанные им еще в 1915 году:

– Ну, Анютка, ты, слава богу, выучилась читать, да и писать умеешь. Девчонке в солдаты не идти, пора за работу браться.

– Помогай, доченька, родителям… – добавила мать. – Хлеба на семь ртов до Рождества не хватает!

И определили меня нянькой в семью местного купца вначале за харчи, а потом – за целковый в месяц.

Но служила я у него недолго. Весной двухлетняя дочка купца залезла на подоконник, а я так увлеклась книгой, что и не заметила, как девочка упала на улицу… Хорошо, что все обошлось благополучно: обе отделались испугом. Но финал был печальным – узнали хозяева, выругали и прогнали. Родители опечалились.

С той поры пошла я батрачить. Но от книг не отвыкла, часто недосыпая, умудрялась читать.

За 10 лет батрачества пришлось работать у многих хозяев-богатеев, чтобы заработать себе на пропитание и одежонку, да и по возможности – помогать родителям.

Довелось батрачить и у богатого оленевода. Много сотен оленей было у него, и тяжело мне доставалось. Но была молода и труда не боялась.

– Анна! – не раз говаривал мне захмелевший хозяин, – выдадим тебя замуж за богатого ижемца[4], будут у тебя стада оленей и станешь ходить в длинной малице[5] с сююмой[6], будут у тебя батраки.

К счастью, этого не случилось – пришла Советская власть и в наши края. Все коренным образом изменилось в моей судьбе.

Нехотя пошел хозяин на первое общее собрание и, вернувшись, зло сказал, показывая на своих батраков:

– Теперь они будут править, но недолго!..

Для меня началась новая жизнь. Сходки, собрания, беседы, антирелигиозная пропаганда, заготовка леса.

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной Комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в Комвузе[7] и в

Ленинградском восточном институте имени Енукидзе[8], где изучала английский и испанский языки. В 1935 году стала переводчицей Международной ленинской школы при Коминтерне[9].

И вот теперь – международный вагон на пути в далекую, загадочную Испанию…

Сильно утомившись, не заметила, как уснула.

У пограничной станции «Негорелое» проснулась и вышла в коридор. Вблизи нашего купе у окна стоял в добротном костюме хорошо сложенный, симпатичный молодой человек. Когда вышел Порохняк, незнакомец окинул его взглядом с ног до головы. Мой начальник осторожно тронул меня за руку, и мы ушли в купе.

– Видела?

– По одежде вроде свой, а там кто его разберет…

– Будь внимательна и осторожна, – наставлял меня Порохняк.

На станции Негорелое пограничники и таможенники внимательно осмотрели все в вагоне и тщательно проверили наши документы.

Поезд тронулся.

Границу пересекли без остановки. На восточном берегу речки остались родные советские пограничники в зеленых фуражках, на западном – уже стояли белопольские.

Через несколько минут поезд остановился на станции Столбцы. Непонятные для меня надписи, высокие жандармы, крикливые носильщики и первые, режущие ухо слова: «пан» и «пани».

Порохняк заметно изменился, как-то сгорбился и, как я потом узнала, не без оснований: он почти десять лет работал в войсках Украинского военного округа, около трех лет занимался вопросом партизанской борьбы и боялся, что его узнают и не пропустят через Польшу, поскольку у польских панов к нему были свои счеты[10].

Жандарм просмотрел мой паспорт, мило улыбнулся и вернул его мне, затем взял паспорт моего начальника, внимательно и долго его разглядывал, иногда внезапно переводя взгляд на его владельца.

– Прошу, пан Порохняк! – наконец, изрек жандарм, возвращая паспорт.

Таможенники так внимательно «изучали» содержимое наших чемоданов, словно те были начинены алмазами или валютой, но изъяли только советские газеты и журналы.

Порохняк наблюдал за тем, как таможенники осматривают

вещи других пассажиров.

Когда стали проверять вещи ехавшего с нами в одном купе незнакомца, Порохняк весь превратился во внимание.

– Наш! Свой! И, возможно, едем по одному маршруту, – шепнул мне начальник.

И действительно, он оказался таким же, как и мы, добровольцем. В пути мы узнали, что был он танкистом и звали его Павлом.

Порохняк накупил целый ворох газет и начал их читать.

– Ну и брешут! – сказал он. – Если им верить, то мы уже опоздали. В республиканской Испании полная анархия, мятежники на окраине Мадрида, а их главарь – генерал Франко готовится к параду в столице.

В газетах было много фотографий из Испании. Тут и марокканские солдаты, и сам генерал Франсиско Франко. Вот он со свитой наблюдает в бинокль за ходом боя, на другом снимке – дети преподносят мятежному генералу цветы. Газета была за шестое ноября 1936 года.

– Одно меня успокаивает, – сказал Порохняк, – давно знаю, как брешут газеты панской Польши. – И стал читать вторую – за 16 ноября.

– И эта – врет, но не предсказывает скорого падения республики, – сказал он.

– Мы еще успеем… – заметил Павел.

Просматривая газеты, я невольно вспомнила начало фашистского мятежа.

Вспомнила, как вечером 18 июля 1936 года слушала испанского лектора Международной Ленинской школы, где я работала переводчицей. Вернулась домой усталая и, как обычно, включила радиоприемник. На этот раз вместо ожидаемой музыки услышала неожиданную и печальную новость: в Испании начался фашистский мятеж, поднятый реакционными генералами.

Как только мы ни выражали своего возмущения, как только ни ругали организаторов мятежа испанские товарищи! Доставалось и другим руководителям республиканского правительства.

– Вот что получается, если вовремя не пресечь контрреволюцию! – заметил добродушный и жизнерадостный партийный работник из Андалузии – Филиппе.

На следующий день ничего угрожающего о положении в Испании в газетах не было. Но слушатели испанского сектора Ленинской школы волновались, как встревоженный улей. Из Мадрида радио вещало не веселую музыку, не репортажи о бое быков, а призывы к борьбе против фашистских мятежников,

призывы к защите Республики, и уже передавались сводки о ликвидации отдельных очагов мятежа.

Народ встал на защиту своих завоеваний и, вопреки победным реляциям мятежников и их зарубежных вдохновителей, одерживал победу за победой.

Следующие дни принесли известия о разгроме мятежников в Мадриде, Барселоне и во многих других городах. Но на помощь внутренней реакции пришли итальянские фашисты. Они стали открыто помогать мятежным генералам, нарушая все общепризнанные нормы международного права. Началась фашистская интервенция.

Стало известно, что утром 20 июля, при взлете с аэродрома под Лиссабоном потерпел аварию самолет, на котором в Испанию летел глава мятежников генерал Санхурхо. Но генералов у них было много, и на его место вступил ставленник германских фашистов – Франсиско Франко.

Прославившись своей жестокостью в борьбе против марокканских повстанцев под предводительством Абдель Карима, за кровавые злодеяния в 1926 году Франко был произведен в генералы.

В 1934 году Франко принимал участие в расправе над астурийскими горняками и был назначен начальником генштаба, а после победы Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года, вопреки требованиям коммунистов, этого матерого фашиста не посадили за решетку, а послали военным губернатором на Канарские острова.

Между тем события в Испании развивались быстро и совсем не так, как нам хотелось. На долю трудового народа выпала нелегкая задача – подавить мятеж и отразить нашествие итало-германских полчищ, посланных в помощь Франко.

Но республиканская Испания не имела ни современного вооружения, ни преданных ей командных кадров. В то же время мятежники беспрепятственно получали из Италии и Германии самолеты, боеприпасы, оружие, целые войсковые части. Мятежникам также помогали и англо-американские нефтяные короли, снабжая горючим.

На защиту республиканской Испании встало массовое антифашистское движение во многих странах мира. Движимые чувством пролетарского интернационализма, в Испанию поехали добровольцы-антифашисты. Многие из них хорошо понимали, что над миром нависла грозная опасность.

В советской печати не было тогда сообщений о нашей военной помощи сражающейся Испании, но никто не сомневался, что СССР помогает не только испанским детям. Речь шла об

отражении фашистской угрозы. И советские люди не могли стоять в стороне.

Август 1936 года был месяцем надежд и тревог, тяжелым месяцем для свободолюбивых испанцев. Жестокие расправы происходили над антифашистами в захваченных мятежниками городах и селах. Все прогрессивное человечество было возмущено злодеянием фашистов над населением Бадахоса, Балеарских островов, зверской расправой с великим поэтом Испании Фредерико Гарсиа Лоркой, расстрелянным в овраге под Гранадой в ночь на 19 августа.

В поезде, уносящем нас на Запад, я вспомнила и о том, как начался и мой путь в Испанию.

Вскоре после начала фашистского мятежа в Испании туда стали уезжать наши слушатели – испанцы, с которыми мне довелось работать. На прощание они приглашали нас приехать к ним.

Первым уехал мой однокурсник по институту Николай Андреев. Узнав об этом, и у меня зародилась мечта попасть в Испанию.

Я решила, что надо действовать по принципу «Не жди, пока пошлют, а сама добивайся». И я стала добиваться направления меня в Испанию в качестве переводчицы, как знающую английский и испанский языки.

Долго я добивалась осуществления своей мечты. Мое непосредственное начальство не обещало, но и не отказывало в моей просьбе. Наконец, я встретилась с ректором Международной ленинской школы Клавдией Ивановной Кирсановой[11].

Еще до прихода в школу я много хорошего знала о ее ректоре. Ну а потом не раз слушала ее яркие речи на собраниях и совещаниях, восхищалась обаянием и простотой ректора, энергией и общительностью. Это был настоящий руководитель ленинской закалки. Ректор пользовалась большим авторитетом и всеобщим уважением.

Клавдия Ивановна всегда была во главе коллектива школы и вместе с ним. На субботниках, во время демонстраций она была впереди. На всех вечерах она вместе со слушателями танцевала и пела.

Как сейчас помню, ректор идет мне навстречу. Здороваемся. На красивом, смуглом русском лице загадочная улыбка. Справляется о здоровье, работе и семейных делах. Разговариваем о событиях в Испании, о нашей помощи испанскому народу.

– Вы проситесь в Испанию, а как с дочерью? – неожиданно спросила она.

– Я уже пригласила сестру. Она возьмет на себя заботы о дочери, а в случае, если не вернусь, то при Советской власти не пропадет, вырастит, выучит и воспитает.

– Ну а если бы вам предложили поехать в длительную командировку? – неожиданно спрашивает она.

– Всегда готова! – отвечаю.

– Хорошо, товарищ Обручева, учтем! Но пока все между нами, – с улыбкой говорит Клавдия Ивановна.

Шли дни. События в Испании широко освещались советской печатью. Я читала корреспонденции Михаила Кольцова[12], поражаясь мужеству испанцев и отваге автора.

И вот внезапно ко мне на квартиру приходит незнакомая женщина.

Представилась: Урванцева – и предупредила, что все, о чем пойдет речь, я не должна разглашать.

Вскоре она пригласила меня к себе на службу и попросила заполнить большую анкету.

Урванцева внимательно прочла ее, ничего не сказала, но я уже догадалась, что это связано с возможной командировкой в Испанию.

Через несколько дней она вновь зашла ко мне и довольная сообщила:

– Ну вот и хорошо, что застала вас дома. Собирайтесь, пойдемте к товарищам, которые хотят с вами побеседовать.

Это было так неожиданно, что я немного растерялась, но, глянув на полную, добродушную и улыбающуюся Урванцеву, успокоилась.

Через полчаса я очутилась в большом учреждении, недалеко от моей квартиры на Гоголевском бульваре[13].

Разговаривал со мной высокий, статный, с крупными чертами лица и густой шевелюрой военный, как я потом узнала – Г.Л. Туманян[14]. Перед ним лежала моя анкета.

– Значит, вы готовы выехать в длительную командировку? – спросил он и ласково, по-дружески посмотрел на меня.

– Готова!

– А дочь?

– Устрою и дочь, родные и друзья присмотрят!

Недолго продолжалась наша беседа.

Гай Лазаревич был немногословен, но чувствовалось, что он уже многое обо мне знал, все было просто и ясно. Мы с ним тепло распрощались, и я поняла, что это не последняя встреча.

Меня опять предупредили, чтобы я никому ничего не говорила.

Прошло некоторое время, и я точно в назначенный час вновь была в кабинете Туманяна, где находился еще один незнакомец.

Нас познакомили, и я узнала, что меня назначают его переводчицей.

– Надеюсь, вы довольны, товарищ Порохняк? – спросил незнакомца Гай Лазаревич.

– Да, да!.. конечно, – как-то по-военному выпрямясь и избегая моих глаз, ответил тот.

Глядя на своего будущего начальника, я еще не понимала, чем он будет заниматься в Испании.

Порохняк был в новом штатском костюме, и было заметно, что он его стесняет – в нем угадывался военный. Это, видимо, заметил и Гай Лазаревич.

– Вы теперь не военинженер 3-го ранга, – сказал он, – а гражданин… Александр Порохняк.

Вскоре нас, вместе с другими отъезжающими в Испанию, принимал комкор С. П. Урицкий[15].

Семен Петрович предупреждал, что впереди много трудностей, опасностей, но мы должны обязательно оправдать оказанное нам высокое доверие.

Он вспоминал о больших испытаниях, которые наш народ перенес в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов в 1918–1920 годах.

Заканчивая беседу, Урицкий сказал:

– Надеюсь, вы сделаете все, чтобы помочь испанскому народу защитить свободу и демократию в борьбе против фашистских мятежников и интервентов!

Переночевали в Варшаве, проехали через Чехословакию, в Вену. На следующий день экспрессом прибыли в Париж. Нас встретили и помогли ознакомиться со столицей Франции. Вечером 22 ноября мы наконец выехали в Испанию.

На испанской земле

О положении в Испании мы имели самые превратные понятия и очень смутно представляли обстановку, в которой там окажемся.

Рано утром поезд вынырнул из тоннеля, и мы увидели безбрежное Средиземное море, озаренное первыми лучами солнца. Оно медленно поднималось из-за горизонта, и на склонах гор уже были видны сады с мандариновыми деревьями и яркие красные цветы около домиков.

– Это в ноябре! – заметил Порохняк. – А каково здесь летом?..

За окном простиралась страна, которую я изучала в Институте, с людьми которой я уже была знакома по работе в Международной ленинской школе, а в вагоне уже слышалась испанская речь.

Поезд остановился. Маленький перрон заполнен встречающими.

– Салуд камарадас!

– Вива Руссиа! Вива эл френте популяр!

Цветы, много цветов, радостные возгласы приветствий, крепкие рукопожатия. Все волновало и трогало до слез.

На испанской земле я почувствовала себя как дома. Теплая встреча с народом, давшим первый вооруженный отпор наглому фашизму, сроднила нас.

Но не все здесь радовались прибытию добровольцев. На перроне я заметила человека с тоненькими усиками и черно-красной повязкой на шее. На ремне через плечо у него висел огромный пистолет, а лицо выражало не то недовольство, не то злобу. Это был один из многочисленных каталонских анархистов. Но тогда я еще не представляла, какой вред они наносят делу борьбы против фашистских агрессоров.

Городок Портбоу с северо-запада и востока прикрыт горами. На их склонах трудолюбивые крестьяне возделывали цитрусовые и виноград.

В ожидании поезда мы гуляли по городу, любовались бескрайним синеватым Средиземным морем. На горизонте, словно игрушечные, маячили неизвестно чьи суда. Из далекой Африки тянул теплый ветерок.

Если бы не люди с винтовками, не лозунги и призывы на стенах, не возгласы маленьких продавцов газет о первых победах над фашистами, трудно было бы поверить, что совсем недалеко идут бои, что Испанская Республика в смертельной опасности, а мятежные генералы пытаются огнем и мечом поставить на колени

свободолюбивый испанский народ, установить в стране свою диктатуру. Предсказания буржуазной печати о скором падении Республиканской Испании, о быстрой победе мятежников не сбылись. Испанский народ не покорился, не сдался на милость мятежников и интервентов, в упорной борьбе неся тяжелые потери, отстаивал свободу.

Вскоре мы покинули гостеприимный Портбоу.

Море скрылось. Поезд шел в горы.

Сады, виноградники, рощи, цветы. На станциях флаги и знамена. Лозунги со стен призывают к борьбе с фашизмом.

Вечером мы приехали в испанскую жемчужину Средиземного моря – Барселону, столицу Каталонии.

Величественны ее зеленые бульвары, красивы площади и проспекты. Впечатляют большие заводы, длинные набережные и крупный порт.

Повсюду федеральные флаги Каталонии, алые полотнища Объединенной социалистической партии Каталонии, единой партии коммунистов и социалистов, черно-красные знамена анархистов и, куда реже, государственные флаги Испании.

В неповторимо красивом большом городе с миллионным населением жизнь била ключом. Все люди казались жизнерадостными. На улицах много зелени, цветов, музыки, слышны песни.

Город заполонили автомобили: десятками они стояли у кафе, баров, неистово сигналя, сновали по улицам. На большинстве машин были флажки анархистов с надписью «FAI–CNT»[16]. Эти надписи пестрели на многих автомашинах, намалеванные сзади, спереди и по бокам. Меньше было машин с красными флажками и еще меньше – с государственными.

Здесь мы распрощались с Павлом-танкистом. В дороге мы так сдружились, будто были давно знакомы.

– Живы будем, обязательно встретимся! – сказал Павел, прощаясь.

– Встретимся, – подтвердила я, хотя в то время отнюдь не была уверена, когда это произойдет.

Мы действительно встретились, но об этом впереди.

В Барселоне мы заночевали. Администратор гостиницы нас предупредил:

– У нас очень строго со светомаскировкой, соблюдайте ее. Прежде чем включить свет, хорошенько зашторьте окна. Будьте осторожны и внимательны. – И, лукаво посмотрев на нас, добавил: – Если заметят свет, могут обстрелять.

Мне не спалось: с улиц доносились звуки сирен автомашин, музыка, пение, одиночные выстрелы и временами перестрелка.

Я вышла из номера.

Пожилая дежурная по этажу производила уборку.

– Сеньора, кто это стреляет? – спросила я.

– Возможно, пятая колонна[17]. Их люди иногда, особенно ночью, выползают из своих нор и нападают на народную милицию, а может быть, милицианос анархистас – для храбрости, – ответила та невозмутимо.

Вернулась в номер, не включая свет, приподняла штору и была поражена: по улицам, нарушая светомаскировку, двигались взад-вперед автомашины.

Поезд в Валенсию уходил после обеда, и мы еще раз вышли в город.

Барселона раскинулась амфитеатром по побережью бухты. Шла война, и в огромном порту было мало судов, хотя до мятежа их здесь бывало до пяти тысяч в год.

В старой Барселоне дома четырех-пятиэтажные, и даже двух-трехэтажные, с многочисленными балконами, кривые узкие улицы, где трудно, а иногда и просто невозможно разминуться и двум машинам.

В Новом городе – широкие улицы, красивые здания, аллеи и парки, много кафе, цветов и музыки.

Что меня особенно поражало в Барселоне – на многих зданиях, занимаемых комитетами анархистов, – огромные, художественно выполненные портреты Бакунина и Кропоткина.

Треть города – «красное кольцо» – рабочие пригороды.

На некоторых улицах, у ряда предприятий на окраинах еще оставались баррикады из мешков с песком, из камней разобранных мостовых и даже в одном месте – из бутылок и бутылей.

На улицах было людно, но и тут война давала о себе знать. Продавцы газет напоминали о ней, выкрикивая сводки о положении на фронтах, заголовки очерков о боевых делах и подвигах; слышались песни о силе народа, о варварстве фашистов, о баррикадных боях прошлого. Теперь «красное кольцо» было хозяином всего, но черно-красные галстуки анархистов настораживали. Они выкрикивали много революционных и еще больше провокационных лозунгов.

– Иначе я себе представлял войну в Испании, – сказал мне однажды Порохняк, проходя мимо столиков кафе, вынесенных на улицу, где многочисленные военные с оружием и молодые люди

спокойно и весело попивали кофе и вино и возбужденно разговаривали. Из музыкального автомата лились «Марсельеза», а потом – танго и фокстроты. Создавалось впечатление, что угроза миновала, что враг разбит.

В действительности шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Об этом мы знали еще до прибытия в Испанию, это подтверждали республиканские газеты и призывы на красных полотнищах.

На фронтах мужественный испанский народ с величайшей отвагой отражал фашистское нашествие, а в тылу самоотверженно работал на предприятиях, в сельском хозяйстве, стараясь обеспечить войска всем необходимым.

– В эти тревожные дни на фронте солдаты страдают от непогоды, голодают и умирают от ран, а тут в тылу – льется вино и звучит музыка. Многие забыли о тех, кто сражается, – заметил Порохняк.

Республиканское правительство находилось в Валенсии, там были и военные власти, и наши советники, к которым мы должны были явиться.

После полудня мы выехали дальше к цели командировки. Справа виднелись горы, покрытые зелеными деревьями и садами, слева – сине-голубое Средиземное море. Местами железная дорога проходила по самому его берегу.

Поезд часто останавливался на станциях, и только поздно вечером, преодолев 350 километров, мы прибыли в Валенсию.

Несмотря на поздний час, добровольцев встречали представители организаций Народного фронта. Объятия, цветы, приветствия. В отличие от встречи в Портбоу, здесь меньше было черно-красных повязок и галстуков – опознавательных знаков анархистов.

Город был погружен во тьму, слышались приглушенные гудки автомашин.

По пути в гостиницу мы воочию ощутили войну. Увидели ее последствия: повозки и тележки беженцев из занятых мятежниками районов, запряженные мулами или осликами с бедным скарбом, и самих беженцев с детьми; семьи батраков, рабочих, крестьян и интеллигентов, спасающихся от фашистского варварства.

Внезапно завыла сирена, предупреждая о приближении вражеских самолетов, прозвучали тревожные сигналы автомашин.

Для нас это была первая воздушная тревога, встреча с врагом.

Движение на улицах замерло. Одиночные машины с затемненными фарами, отчаянно сигналя, пробегали по

опустевшим улицам. Мы остановились у подъезда массивного темного здания. Ночь была теплая, звездная. Издали доносились раскаты взрывов. Наконец послышались длинные гудки отбоя, и улица стала оживать.

В ту ночь фашистские самолеты сбросили бомбы на окраины города. А солнечным утром продавцы газет, однако, кричали о победах республиканских войск. На площади торговали цветами, на многолюдных улицах слышалась музыка. Народ торжествовал: еще одно «наступление» мятежников на Мадрид отбито с большими для них потерями. Фашисты опять потерпели наудачу. «Но пасаран!» («Они не пройдут!») звучало не только как призыв, но и как уверенность в окончательной победе.

Радовался «успеху» испанский народ, радовались вместе с ним и мы. Я переводила Порохняку фронтовые сводки, опубликованные в республиканских газетах. И тут он вспомнил, как польские буржуазные писаки из кожи вон лезли, доказывая, что дни республиканской Испании сочтены. Ложь и клевета, напечатанные крупными буквами, да еще с иллюстрациями, производили впечатление на неискушенных. Но все увиденное нами в Испании убедительно показывало, что буржуазная печать не только необъективна в информации, но – лжива и коварна, что ложь преподносится систематически.

Обрадованные новым поражением врага люди, может быть, забывали о том, что правительство Ларго Кабальеро не делало всего необходимого, чтобы завоевать победу, что международная реакция всячески срывала помощь республиканской Испании и помогала мятежникам и фашистским агрессорам, прикрываясь фальшивым лозунгом о невмешательстве.

Но в тот день все эти невзгоды не могли затмить победу героических защитников Мадрида. Всякая победа воодушевляет, но эта победа над разрекламированным реакционной печатью наступлением мятежников, как мы видели и слышали, вызвала ликование народа и укрепила его уверенность в окончательной победе над силами фашизма.

На следующий день нас с Порохняком принял старший военный советник, которого все ласково называли «стариком», хотя было ему немного более сорока лет.

В дороге Порохняк много рассказывал о ленинце, мужественном воине и талантливом разведчике – Яне Карловиче Берзине[18], но я волновалась, идя на прием к нему, – и, как оказалось, напрасно. Все было проще, чем предполагала.

Порохняк просился в Мадрид.

– Не выйдет! Обстановка изменилась. Оставляю вас здесь… Придется начинать с малого… – сказал «старик». Потом он говорил о потерях фашистов под Мадридом, о неприступности обороны столицы.

– Для вас важно то, что сплошной линии фронта на других участках нет, – заметил, улыбаясь, Ян Карлович.

В это время вошел помощник и доложил, что прибыли еще двое, назвав из фамилии.

– Очень удачно! – приветливо встречая их, сказал старший советник. – Знакомьтесь: Порохняк, Обручева, а это – Спрогис[19] и Цитрон[20]. Товарищ Порохняк, помогите Спрогису минами, их можно сделать на месте из подручных материалов, как обучали вы партизан в наших школах.

На прощание Берзин сказал:

– Народ испанский – очень хороший народ, ему надо помочь отстоять свободу и независимость. Пойдете к генералу Ивону, он все оформит.

По дороге Порохняк рассказывал мне о том, как Петр Кюзис (так в действительности звали Я.К. Берзина) весной 1906 года участвовал в налете с целью реквизиции средств для партийных нужд. Об этих операциях в латышском крае положительно отзывался В.И. Ленин. Во время этой операции Берзин был ранен и схвачен полицией. Тогда ему не было еще и семнадцати, и это спасло его от расстрела, но его запрятали в тюрьму.

Выйдя из заточения, Кюзис активно работал в Риге, сочиняя антиправительственные листовки и распространяя их. Его подпольная партийная работа была прервана новым арестом и высылкой в Иркутскую губернию. Началась первая мировая война. Петр Кюзис достал поддельные документы, превратился в Яна Карловича Берзина и бежал в Ригу, где продолжал работу в большевистском партийном подполье, участвовал в Великой Октябрьской революции, в вооруженной защите Советской власти.

Порохняк рассказывал о своих встречах с Берзиным в начале тридцатых годов.

– Берзин произвел на меня сильное впечатление. Что-то в нем было искреннее, обаятельное и в то же время такое решительное, что нельзя было забыть.

Когда позже мы узнали о подвиге Зорге, мне стала понятна и роль Яна Карловича в становлении этого героя-разведчика.

Вопреки нашим ожиданиям, генерал Ивон оказался советским человеком[21]. Он сделал все, чтобы Порохняк, как и сказал Берзин, сразу начал заниматься с небольшой группой

партизан и превратил Порохняка в Рудольфа Вольфа, а меня – в Луизу Куртинг. К сожалению, позже нам эта конспирация часто не только не помогала, но даже и мешала… Испанцы знали, что мы русские, и удивлялись тому, что мы не Иван и Мария, а Вольф и Луиза.

На следующий день мы с новоиспеченным Рудольфом спускались в холл гостиницы. День обещал быть жарким, и я надела шляпу. Перед входом в холл меня остановил охранник и вежливо сказал:

– Сеньорита, разрешите вам дать добрый совет. Снимите и оставьте здесь головной убор. Послушайте меня! А то, чего доброго, анархисты примут вас за шашистку, и тогда не оберётесь неприятностей.

Я вернулась – и раз и навсегда оставила шляпу. Надела черный берет.

Чемодан с минами

Позавтракав, выехали в расположение группы на окраину Валенсии и целый день занимались незнакомыми мне тогда ещё партизанскими делами: делали какие-то «замыкатели» и «взрыватели», потом ставили их. Занимались каждодневно будничным, многотрудным партизанским делом, обучая людей диверсиям в тылу врага.

В институте и в Ленинской школе мне не приходилось разговаривать на партизанские темы, тем более о минах, взрывателях, взрывчатых веществах. Я часто не могла быть точной в переводе, не было необходимого лексикона. Рудольф, видя, что обучаемые не делают того, что он ожидал, поправлял их, а когда те опять делали не так, как надо, сердился на меня. Я и сама нервничала, а потому получалось еще хуже. Еле дотянула до вечера. Возвратилась усталая и разочарованная. Думала: «Вот уж не повезет, так не повезет». Было заметно, что и Рудольф переживал, и не только потому, что я не знала многих военных и специальных технических терминов, но и потому, что все начинали с нуля, на голом месте.

На следующий день опять занятия, опять с чемоданчиками, полными взрывчатки и разных взрывателей и мин, которые Рудольф делал вечерами.

В штабе нам дали испанское наставление по минно-подрывным работам, но в нем не было многих слов и понятий, которые употреблял Рудольф. Не было ни о минах и замыкателях, ни тем более о зажигательных и других диверсионных средствах.

Наставление было написано казенным языком, с большим количеством непонятных для меня слов. Специального военного словаря не было, я тратила много времени, чтобы вместе с обучаемыми разобраться в этом новом для меня занятии, часто путала слова и понятия. Особенно трудно было, когда ставили мины с настоящими капсюлями. Такие маленькие, тоненькие медные трубочки, а как они сильно взрывались, дробя камни, перебивая доски; а головые шашки, величиной всего с кусок детского мыла, перебивали рельсы.

– Поставил и ушел. Наедет машина или поезд – и подорвется, – доказывал Рудольф.

Ученики в возрасте почти 50 лет вначале весьма недоверчиво относились к минам Рудольфа, но когда взорвался запал в макете мины при подходе автомашины, полный и уже с проседью Антонио восторженно воскликнул:

– Формидавле! (Замечательно!)

И первый ученик, понявший значение и возможности мин, стал убедительно доказывать другим, в чем суть дела.

Постепенно обучаемые увлеклись минами, а Рудольф показывал все новые и новые.

Особенно заинтересовались минами двое: электромонтер Сальвадор и автослесарь Антонио, работавший до мятежа в Толедо. Высокий, худощавый, с сильно морщинистым лицом, в кожаной куртке и широких синих брюках, Сальвадор внимательно смотрел, слушал и спрашивал, когда что-либо не понимал. Он первый изготовил мину с кнопочным замыкателем, умело использовав спичечную коробку. На мине не было предохранителя, и Рудольф посоветовал ему обязательно вмонтировать надежный предохранитель.

Антонио на занятия приходил в своем потертом комбинезоне. Это он первый воскликнул «формидавле», когда мина сработала на учениях.

Вообще в группе были хорошие люди, горевшие желанием бороться против фашистских интервентов в их тылу, но и по возрасту, и по состоянию своего здоровья они были мало пригодны для действий в тылу врага в составе диверсионных групп, как предполагал Рудольф, которого испанцы стали называть Рудольфо.

В первое время в штабах нас не признавали. В уставах и наставлениях испанской армии партизанская борьба не предусматривалась, а потому и на довольствие наших людей не ставили. Наши пожилые ученики рассчитывали, что их перебросят в тыл мятежников тайно, с документами, что они будут работать там строго конспиративно, в глубоком подполье. Рудольфо эти мечты заметно обеспокоили, однако тогда он ничего определенного о способах переброски диверсантов в тыл мятежников не сказал. Он только учил их устройству мин, делал эти мины сам, и делали их будущие партизаны.

Я переводила уже более уверенно. Обучаемые ставили мины, отходили в безопасное место и по команде при появлении «противника» производили взрыв капсюля.

Сумочка и маленький чемоданчик, которые приходилось возить с собой, с разными капсюлями-детонаторами, взрывателями, вначале как бы жгли мне руки. Казалось, что они способны взорваться от толчка внезапно остановившегося трамвая, что нас могут задержать и найти у нас взрывчатку, а наши документы ни от чего нас не предохраняли. Но все шло благополучно. Взрыватели и замыкатели работали только там, где их устанавливали, и нас никто нигде не задерживал. Было трудно с материальными средствами. Группе деньги отпускались

только на питание. Нам выдали зарплату, и на нее мы приобретали необходимые детали для изготовления замыкателей, взрывателей и зажигательных средств. Некоторые детали приносили обучаемые. Машины для выезда за город на практические занятия у нас не было. Обычно ехали до конца трамваем, а затем километра три шли пешком.

В свое время, по окончании Ленинградского института иностранных языков им. Енукидзе, мне очень нравилась профессия переводчицы. Работать приходилось с испанцами, а также латиноамериканцами, находившимися в Советском Союзе. Эти коммунисты, активные борцы против реакции, еще молодые, но уже закаленные в классовых боях. С ними интересно было работать, и моих знаний языка вполне хватало, чтобы переводить на политические и бытовые темы.

Совсем иначе сложилась моя работа в Испании. Рудольфо занимался партизанской подготовкой. Целые дни, а потом и в ночное время проводились практические занятия в поле. Главное – никаких конспектов у Рудольфо не было, не было и возможности заранее подготовиться к занятиям, посмотреть в словаре, записать новые слова. Рудольфо составлял заранее только план занятий, обычно на одной странице. Пособий у него не было. Все было в голове, но у него, как я увидела, был большой опыт преподавания, и он на память знал то, чему надо учить. Я узнала, что он обучал партизан и минеров уже более 15 лет, будучи начальником подрывной команды, учил партизан в спецшколах, учил слушателей в институте инженеров транспорта. Поэтому ему было легко, а мне трудно.

Встречаясь с переводчицами других советников, я им завидовала. Они работали в войсках общепризнанных и узаконенных, у них не было таких трудностей, как у нас. Они не ездили в трамваях с чемоданчиками, начиненными взрывчаткой, капсюлями и взрывателями. Рудольфо тоже переживал, ходил к генералу Ивону, но тот не мог ничем конкретно помочь.

Генерала Ивона не надо было убеждать в возможностях диверсий в тылу Франко. Он это понимал прекрасно, но это нужно было доказать командованию Испанской Республиканской армии, которая только еще создавалась в ходе тяжелой войны.

Не сидели сложа руки и наши ученики. Поняв, в чем дело, они изложили наши нужды секретарю Валенсийского провинциального комитета Коммунистической партии Испании Антонио Урибесу. Тот пригласил нас для беседы.

Когда мы с Рудольфо вошли в кабинет Урибеса, там было несколько человек. Один из них – Мартнес – вскочил со стула,

подбежал ко мне, обнял и, похлопывая по спине, восклицал:

– Анна! Ола! Кеталь? (Такими возгласами в Испании здороваются с хорошими друзьями).

Рудольфо стоял в недоумении, потом я ему объяснила, и он понял, в чем дело. Я знала так бурно приветствовавшего меня Мартинеса с 1935 г. по Международной ленинской школе, где он учился, а я работала переводчицей.

Таких встреч в Испании у меня было несколько.

Несмотря на звонки и заметную усталость, товарищ Урибес в беседе с нами выяснил наши возможности и нужды.

– Курсы, настоящие курсы и мастерскую нужно: мы сможем делать и применять новое и самое дешевое оружие для подрыва поездов, машин, самолетов, – убеждал Рудольфо.

– Все будет, обязательно будет! Будет у нас и хорошая регулярная армия, будут и партизаны, – перевела я слова Урибеса.

Урибес и Мартинес напомнили нам о сложной обстановке в республиканской Испании.

– Промышленность Каталонии способна обеспечить всю республиканскую армию боеприпасами и в значительной мере оружием. Но работает она далеко не на полную мощность, – сказал Уриес и после небольшой паузы добавил: – Буржуазные республиканцы, возглавляющие местное каталонское правительство, так называемые Хенералидад, не хотят по-настоящему, по-военному, делиться богатствами Каталонии с остальной Испанией. Особо большой вред приносят анархисты, выдвигая требования, невыполнимые в военное время, вроде соблюдения 8-часового рабочего дня. Сопротивляются они и созданию сильной регулярной армии. Среди анархистских лидеров много демагогов, есть и явные враги. Некоторые командиры анархистских отрядов занимаются даже созданием тайных складов, перехватывают транспорты с оружием и боеприпасами, направляемыми на фронт. Крича об анархии и неподчинении, анархистские вожди в своих отрядах проводят террор по отношению к тем, кто начинает прозревать и видеть необходимость сплачивания всех антифашистских сил.

– Есть среди анархистов и смелые люди, но и они часто действуют себе во вред, – вставил Мартинес. – Так, в Барселоне нашелся такой анархист, который в годы реакции, во время забастовки трамвайщиков, с небольшой группой проник в трамвайный парк, расположенный на холме, выключил тормоза нескольких трамваев, поджег их и пустил вниз. Паника поднялась большая, пользы не было, а вред колоссальный. Реакция закричала о бандитизме восставших рабочих.

Партийный комитет дал нам еще несколько человек и помещение в пригороде Валенсии Бенемамин, где нами была организована школа для подготовки кадров. Впоследствии эта школа стала нашей базой и своеобразным домом отдыха, куда могли приехать наши диверсанты после выполнения боевых заданий в тылу мятежников.

На следующий день нас с Рудольфо приняли в Центральном комитете партии, который охранялся в связи с действиями остатков пятой колонны и провокациями анархистов.

Когда мы вошли, Хосе Диас встал из-за стола и вышел навстречу. Крепко пожал мне руку. Я представилась, представила и Рудольфо. Диас пригласил нас сесть. Выглядел он усталым, но бодрым.

Рудольфо начал излагать свои соображения и предложения, возникшие при подготовке группы. Диас внимательно слушал мой перевод. Отвечал медленно, и мне было легко переводить. Иногда в знак согласия он кивал головой или говорил:

– Си, камарадас!

Во время беседы неожиданно вошла статная женщина в черном платье. До этой встречи мы не раз видели на фотографиях и сразу узнали Пасионарию. Рудольфо прервал свой доклад. Хосе Диас представил нас Долорес Ибаррури. Она приняла активное участие в нашей беседе. Говорила она быстро, и я не успевала всего переводить Рудольфо. Из беседы с руководителями Коммунистической партии Испании мы поняли, что ее Центральный комитет ведет большую работу по развертыванию партизанской борьбы в тылу мятежников.

– Впереди много трудностей, – говорил Хосе Диас, – их нелегко преодолеть, но на то мы и коммунисты, чтобы не отступать перед ними.

На следующий день для школы отпустили необходимые средства. А главное – прибыли 12 человек под командой капитана Доминго Унгрия. Они приехали на трех легковых машинах и грузовике.

И тут я вспомнила слова Рудольфо, сказанные им в первые дни занятий с группой:

– Все будет. Будут и машины, и не одна. Машин в Испании много. Хватит и нам.

С прибытием группы Доминго прибавилось забот и работы. Опять учеба, практические занятия. Но мне было уже легче, да и Рудольфо так не нервничал. Теперь у него были помощники. Устройству и применению диверсионной техники помогали обучать вновь прибывших наши «старички» – наши «падрес» («папаши»).

Теперь мы выезжали на практические занятия на своих машинах и проводили их прямо на автомобильных и железных дорогах.

Был декабрь, а в «маленькой испанской Африке», как называли испанцы узкую полосу низменности Леванта (провинции Валенсия и Аликанте), примыкавшей к Средиземному морю и отделенной горами от остальных районов в стране, где даже ночью было тепло, а иногда – прямо-таки жарко.

Ясное голубое небо, жаркое солнце, и только изредка, после полудня, на большой высоте появлялись белые клочки облачков.

Стояла пора сбора апельсинов. Урожай отличный, но экспортировать фрукты было трудно – сказывалась блокада интервентов. Цены на апельсины были низкими, много плодов оставалось под деревьями, устилая землю золотистым ковром. В перерывах между занятиями мы могли наслаждаться свежими, ароматными и вкусными, приятно пахнущими фруктами.

Под Валенсией мы любовались замечательной оросительной системой, построенной в течение сотен лет.

По каналам, питаемым горной рекой Турией, спокойно текла прохладная, живительная влага, которой орошались сады и огороды. Каналы виднелись и вдоль дороги, они расходились по полям и садам, а кое-где дорога проходила под каналами. В одном месте убирали кукурузу, а рядом сеяли пшеницу. Всего в 150 километрах южнее Валенсии, под городом Эльче, мы оказались в настоящих субтропиках.

– Как в Африке! – восхищался Доминго, любуясь красивыми, высокими пальмами.

И тут он не удержался от желания просветить меня и Рудольфо:

– Первые водохранилища и каналы построили еще мавры, завоевавшие Испанию. Потом систему полива и орошения стали развивать и испанцы. Климат в Испании самый различный: в горах на высоте более двух тысяч метров – снег, а внизу, в долинах – жара, но не хватает влаги, засуха. Вот если землю поливать, то в долинах, защищенных с севера высокими горами, при поливе можно получать два и даже три урожая.

Доминго остановился и обождал, пока я перевела сказанное Рудольфу, а затем продолжал:

– Одно дело построить водохранилища и каналы, а другое – распределять собранную воду. Каждый стремится побольше получить воды из каналов. Вот тут-то и был создан трибунал де агуас – «водный суд». Один на всю страну. Состоял он из 7 судей, которые разбирали все споры и распределяли воду. Решения

этого трибунала были окончательные и обжалованию не подлежали.

– А где заседал трибунал? – поинтересовалась я.

– Заседал в Мадриде, в Соборе один раз каждую неделю, и так продолжалось пять или шесть веков.

Итак, любуясь каналами, рощами мандаринов и апельсинов, мы приехали к месту занятий. Но вместо занятий Доминго, посмотрев на часы, громко сказал:

– Есель темпо пара камида!

Что по-русски значило – «надо обедать».

Где бы нас ни заставала обеденная пора, чем бы мы ни занимались, испанцы в два часа пополудни обязательно напоминали о еде.

– Продолжим после обеда! – говорили они.

Как правило, выезжая на занятия, мы брали с собой и всё нужное к обеду.

Когда не было ночных занятий, к вечеру мы возвращались в Валенсию. Несмотря на тяжелую войну, на блокаду, третий по величине город Испании (перед мятежом его население составляло около 350 тысяч, а с эвакуированными из занятых противником районов и из Мадрида достигало до полумиллиона) вечерами не замирал: работали кинотеатры, варьете и бары, полны были кафе, где тоже звучала музыка. Утром город просыпался рано. Продавцы газет выкрикивали новости, шумел базар, и на улицах продавали много свежих, ярких и ароматных цветов. Работали многочисленные заводы и мастерские, многие из которых уже переключались на производство всего необходимого для нужд республиканских войск. Только в порту, втором по величине в Испании после Барселоны, у длинных причалов было мало судов.

В воскресные дни наши ученики показывали нам (мне и Рудольфо) достопримечательности Валенсии. Мы любовались зданием университета, основанного еще в 1500 году, в музее – картинами Гойи, Веласкеса и других испанских мастеров.

Красива и незабываема Валенсия! Но далеко не всем были доступны прелести этого благодатного края.

Однажды на занятиях на окраине города мы заметили торчащие из земли трубы, доски и среди них – ребятишек.

– Что это за пещерные люди? – спросила я Доминго.

– Рабочие. Они не смогли снять квартиру даже в полуподвале. Многие уже переехали в благоустроенные дома, реквизированные у фашистов, но не все успели. Прибыло много беженцев.

В один из солнечных, теплых дней я зашла в одну из таких «квартир»-землянок. В ней было мрачно, сыро и душно. Тонкий луч солнца пробивался через единственное окно в потолке. Убогая мебель, если так можно назвать старый стул, врытый в землю, самодельный стол и две скамейки да шкаф, дверца которого упорно не закрывалась. Хозяин квартиры ушел в народную милицию бороться за то, чтобы рабочие никогда больше не жили в землянках, где голые каменные стены и вместо двери вход, закрытый фанерой, обитой старым половиком.

Молодая худощавая хозяйка встретила меня очень приветливо:

– Садитесь, пожалуйста! – Точно оправдываясь, она добавила: – Нет возможности иметь другое жилье! Городские квартиры нам не по карману, а обзавестись своим маленьким домиком мы не смогли. Муж рабочий, им мало платили, а налоги – и с земли, и с каждого окна и двери. Разобьем фашистов, переедем в хорошие дома, – уверенно говорила она.

Наше стрельбище Паттерну нельзя забыть. Как-то рано утром приехали мы туда на занятия и увидели около земляного вала мишени и трупы убитых людей. Среди них и старые, и молодые, хорошо одетые мужчины и женщины, дети и старики, с мозолями на руках – бедняки.

– Что это такое? – спросила я в ужасе у Доминго.

– Негодяи, жалкие трусы и убийцы! Это работа анархистов!

– Неужели на них нет управы? – спросил Рудольфо.

Доминго своеобразно махнул рукой и ответил:

– Нет! Правительство бессильно обеспечить соблюдение законов, а этим пользуются бандиты из анархистских колонн, да и пятая колонна.

И когда позже, вечером и ночью, я слышала выстрелы, мне казалось, что это опять анархистские бандиты делают свое грязное дело. Эти убийства не имели ничего общего с расстрелом контрреволюционеров, которые заслужили того своими делами. Этот бандитизм был на руку реакции. Ее печать могла кричать о зверствах и беззакониях в тылу республиканцев. По требованию коммунистической партии позже правительство положило конец злодеяниям черно-красных бандитов.

Паттерна была предназначена для обучения стрельбе. Мы изредка, при подготовке минеров, производили там взрывы небольших зарядов, мин и ручных гранат, учили и стрельбе из винтовок и пистолетов.

И тут мне очень помогла та военная подготовка, которую я получила в Ленинградском восточном институте им. Енукидзе, где я училась на латиноамериканском отделении историко-

экономического факультета. Тогда я не представляла себе, что мое увлечение стрелковым делом мне так пригодится в будущем.

– Опять в яблочко! – восхищался Доминго, осматривая мишени. – Учитесь стрелять, как стреляют русские женщины! – добавлял он, обращаясь к своим диверсантам.

Стреляли мы и в ночное время, для чего приходилось наводить светящиеся точки на мушку и прицел.

Особенно увлекались ночной стрельбой Рубио (что значит белокурый) и Маркес, отличавшийся способностью видеть цель в темноте и уменьем быстро стрелять. Пробовали применять ночью подсвечивание, но признали, что это сильно демаскирует. Больше того, для маскировки придумывали разные способы уменьшения звука и пламени при выстреле, и тут на помощь пришли опытные водители машин Рубио и Пепе. Они сделали пистолетные и винтовочные глушители, но получились они больше самих пистолетов, и потому диверсанты редко брали их с собой, а потом и вовсе забросили.

– Лучше взять пару гранат замедленного действия, – говорил Маркес, – чем эту громадину.

Однако поклонники бесшумной стрельбы считали, что такими приборами можно незаметно снимать часовых.

Я пробовала стрелять с приставкой для бесшумной стрельбы, но у меня пропадала меткость, и вместо яблочка пуля часто уходила, как говорили, «за молоком».

Наряду с боевой партизанской подготовкой всех людей обучали оказывать первую медицинскую помощь при ранении или отравлении.

Первые занятия проводили врач, потом фельдшер, присланные Валенсийским комитетом коммунистической партии.

Я им помогала.

– Вы, товарищ Луиза, какие медицинские курсы окончили? – спросил меня врач.

– Училась в кружке РОКК, то есть Российского Общества Красного Креста, на курсах волостных женорганизаторов в Архангельске.

– Хорошо вас учили, – заметил доктор.

– Многое уже позабыла, это было давно, – ответила я.

Вскоре врач и фельдшер уехали на фронт, но наши занятия не прекратились.

Перед отъездом доктор вручил мне довольно полное и для меня вполне доступное пособие по оказанию первой помощи пострадавшим. Необходимые медикаменты у нас уже имелись, но первое самостоятельное занятие проводить было трудно. Приходилось много готовиться и часто обращаться к конспекту.

И все же занятия в кружке РОКК мне очень пригодились.

С прибытием группы Доминго Рудольфо больше стал заниматься тактикой действий в тылу противника.

Первые наши ученики освоили технику, рвались на работу в тыл мятежников, но на тактических занятиях некоторые из них задыхались при быстрой ходьбе, не только при подъемах в гору, но даже на ровной местности. Для вылазок в тыл врага «наши папаши», как их звали вновь прибывшие, явно не годились, и ЦК КПИ решил использовать ветеранов в качестве инструкторов.

В середине декабря Рудольфо и Доминго неожиданно вызвали в главный штаб и предложили готовиться к участию в операции по освобождению Теруэля.

Ликвидация Теруэльского выступа могла устранить угрозу выхода мятежников к Средиземному морю и расчленение территории, занимаемой республиканскими войсками, на две части. Занятие Теруэля привело бы к уменьшению линии фронта и к обеспечению надежных коммуникаций между Валенсией и Каталонией.

Нам было известно, что мятежники занимали только населенные пункты, расположенные вдоль железной и автомобильной дорог, связывающих Теруэль с тылом мятежников и интервентов. Республиканские войска к северу от Теруэля удерживали другие параллельные автомагистрали. Сплошная линия фронта была только непосредственно под Теруэлем.

Рудольфо и Доминго много сидели над картами, наносили по сводкам расположение войск мятежников, и я видела, что между кружками и полосочками оставались никем не занятые леса и горы.

Работая над планом действий, Доминго ругался иногда так, что было ясно и без перевода.

– Анархисты могут подвести. Эти бандитос никогда серьезно не воевали, а только вооружаются за счет республики, на которую они могут напасть с тыла, – сердито и громко говорил капитан под одобрение своих ближайших помощников Рубио и Буйтраго.

Рубио, опытный шофер, сильный, всегда в хорошем настроении, в республиканской униформе, с большим пистолетом за поясом, словно влюбленный ухаживает за своей «испано-суизой». Рудольфо, как правило, садится рядом с водителем, а мы с Доминго сзади. По городу Рубио ведет машину осторожно, но при малейшей возможности набирает скорость, а за городом любит обгонять.

Нередко Доминго брал с собой на занятия восьмилетнего

сына Антонио. Мать сердилась, ворчала, но Антонио упрашивал, не прибегая к слезам. Я не видела, чтобы мальчик когда-либо плакал.

Антонио-младший, как прозвали в отряде сына Доминго, органически вошел в отряд.

Как сын кавалериста, он умело ездил верхом, и мать – полная, дородная и добродушная женщина – опасалась, чтобы ребенок не упал и не попал под копыта коня, а когда Доминго стал заниматься диверсионными делами, мать однажды из карманов сына извлекла запалы и даже патроны с желеобразной массой.

– Динамит! – прочитала она на патроне. – Динамит! Боже мой, да он себя на куски разорвет! До чего проклятые фашисты могут довести людей, что и дети с динамитом играют, как с куклой, – возмущалась мать.

– Оставь в покое мальчика! У него только макеты! Динамита нам и для диверсий мало, – убеждал капитан Унгрия свою жену.

Тридцативосьмилетний капитан Доминго худощав. Среднего роста, черноволосый и смуглый, он весьма вспыльчив, но исключительно энергичен и заботлив и, как я позже убедилась, очень смел. Он быстро подружился с Рудольфо, но технику осваивал медленно и вопросы задавал в основном по тактике. Техникой он вначале поручил заниматься другим, но советник все же сумел заставить самого капитана минировать дороги и мосты. И тот скоро освоил эту науку.

Командир отряда, горячась, иногда даже напрасно, обижал своих людей, но те быстро забывали обиды и любили его за смелость, заботу о них, за то, что он мог достать то, чего не могли получить другие, что он никогда не давал своих людей в обиду, даже за его требовательность и строгость. Прощали ему даже вспыльчивость и прочие недостатки.

Помощник Доминго – Антонио Буйтраго. Ему минул 21 год. Богатырского телосложения, сильный, красивый и смелый, он уже не раз совершал вылазки в тыл противника. Недавно женился. Жена красива и ревнива.

Вместе с Антонио воюет его младший брат Педро, ему лишь восемнадцать, но у него, как и у старшего брата, пистолет с колодкой.

На занятиях присутствуют и все водители машин. Среди них двадцатитрехлетний Хуан с густой шевелюрой, небольшими усиками, которые не портят, но и не украшают его красивое лицо. Хуан весьма внимателен и аккуратен. Он вступил в ряды народной милиции вместе со своим «пежо». Другой водитель – Пепе. Низенький, кажется очень хрупким, но он классически

водит свой «форд». Пепе, как это ни странно для испанца, не пьет вина и не курит, но зато ровно в 14.00 всегда показывает на часы и напоминает об обеде.

Вспоминается мне и черноволосый Маркес. Для испанца он излишне флегматичен. На занятиях он весь превращается во внимание, все хочет не только узнать, но и сделать сам.

Маркес внимательно слушал рассказы Рудольфо о партизанах.

– Вот это здорово! Три гранаты – и целый батальон под откосом! – восхищался он действиями сибирских партизан в тылу Колчака, о которых рассказывал Рудольфо.

– Научимся и мы! – вставлял свою реплику Рубио.

Мне приходилось много переводить вечерами. К счастью, на занятиях Рудольфо старался меньше говорить, а больше показывать, больше практиковать людей на дороге, в саду и в мастерской. Особенное внимание обращал на безопасность работ. Из инженерного склада он получил динамит. Пробовал в него стрелять – взрывается. Рудольфо стал его разбавлять машинным маслом и селитрой. Опять пробовали стрелять. От пули не взрывается, но действует слабее. Да и не всегда взрывался от капсюля-детонатора.

Первые вылазки в тыл мятежников

Наконец все приготовления закончились, и 13-го декабря 1936 г., после завтрака, когда солнце уже по-южному согревало землю, группа Доминго на трех легковых машинах и на одном грузовике выехала из Валенсии на Теруэльский фронт. Мы с Доминго и Рудольфо на машине Пепе, в багажнике два ящика динамита, столько же тротила положили на грузовик вместе с продуктами.

Проехав контрольно-пропускной пункт, Доминго задержал колонну, еще раз проинструктировал водителей. Проезжая через железную дорогу, Рудольфо предложил еще раз потренировать людей. Доминго согласился, и мне пришлось открывать свой чемодан с учебными минами. Они были быстро установлены, и машинист их не заметил. Никто не видел и слабых вспышек запалов в балласте. Закончив тренировку, мы по извилистой дороге поднимались все выше в горы. Солнце все так же ярко светило, но в тени уже было прохладно.

Чем дальше мы уезжали от побережья Средиземного моря в горы, тем становилось прохладней, тем меньше было садов, а когда мы перевалили через горы Сьерра де Гудар, оказались словно в другой стране. Никаких субтропиков, скудная растительность, на которой паслись стада овец.

Мы обогнали упряжку мулов. Два мула, шедших друг за другом, тащили высокий, груженый дровами фургон. Старый возница, увидев машины, перестал погонять животных, откинулся назад и, подложив деревянные тормозные колодки, приветствовал ехавших воинов. На его морщинистом лице расплылась радостная улыбка.

Под Теруэль прибыли к вечеру и расположились, согласно приказу, в селе Альфамбра, находившемся, как и Теруэль, примерно на километровой высоте над уровнем моря. Дома в селе толстостенные, каменные, но в них нет печей, а камины не дают нужного тепла и поэтому внутри прохладно и даже холодно.

В селе было много бойцов других частей, которые должны были принять участие в штурме Теруэля. Бедно одетые крестьяне и крестьянки радушно принимали прибывших воинов, дети с любопытством рассматривали машины. Люди радовались, надеясь, что республиканцы скоро освободят Теруэль.

После захода солнца быстро похолодало, и все разошлись. Наша группа расположилась в доме бедняка. Пол каменный, потолок низкий, окна маленькие, а в середине, у внутренней

стены закопченный камин. Ставни закрыты, в комнате холодно и мрачно. Хозяйка принесла немного дров, но мы не стали пользоваться камином, умылись и легли спать, выставив часовых.

Ночью я проснулась, услышав завывание ветра, потеплее укрылась и обрадовалась, что еще темно и можно полежать под пальто и грубым одеялом.

Утром завыла сирена воздушной тревоги. Скопившиеся в селе машины стали выезжать. Не растерялись и наши Пепе и Эмилио. Они быстро завели моторы и вывезли взрывчатку в поле.

Фашистские стервятники сбросили бомбы с большой высоты и промахнулись. Доминго сообразил, что при таком скоплении войск, как в Альфамбре, вражеские самолеты могут еще не раз бомбить, и после разведки мы передислоцировались в деревню Ориос, а оттуда, оставив группу, поехали к командующему войсками Теруэльского участка.

Командующий – анархист Бенедито – принял нас в присутствии других командиров. Выслушав Доминго, он косо посмотрел на меня и Рудольфо и небрежно поздоровался. Разговор был коротким. Командующий поставил задачу: быть готовым захватить «языков» и разрушить связь. Доминго предложил провести диверсии на железной и автомобильных дорогах, по которым гарнизону Теруэля могли на помощь прийти войска. Бенедито согласился, но при условии, что будет разрушена связь.

На Теруэльском фронте я встретила знакомую мне по работе в Международной ленинской школе Нору Чегодаеву[22]. Она работала переводчицей у советника – инспектора артиллерии республиканской армии – Вольтера (будущего главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова[23]).

Нора Чегодаева была весьма квалифицированной переводчицей. Она хорошо знала испанский, французский и немецкий языки, что ей в Испании очень пригодилось, так как в интернациональных бригадах многие командиры не знали испанского языка.

Позиции республиканцев под Теруэлем расположены в горах. Небо безоблачное – настоящее испанское, напоминающее кисловодское. Зимой на солнце тепло, даже жарко, ночью холодно. Валенсийцам это не нравится.

– Холодно! – говорил Доминго. – Это не в моем вкусе.

Чегодаевой, вместе с советником, приходилось много бывать на переднем крае, в горах, где ветер был особенно пронизывающим, было трудно работать вообще, а под Теруэлем эти трудности дополнялись еще холодом. Я тоже при выезде оказалась одетой по-летнему, а здесь уже была зима, и на

вершинах лежал снег.

Доминго пришлось посылать машину в Валенсию за теплыми вещами, апельсинами и другими продуктами.

Я вполне разделяла сетования валенсийцев и андалузцев на природу под Теруэлем, а Рудольфо, точно назло, восторгался ландшафтом.

– Здесь благоприятные условия для первых вылазок, – говорил он испанским товарищам, которые сидели у камина, спасаясь от холода, – плоскогорье без крутых гор, сплошного фронта нет, население редкое, есть леса, еще не все листья опали с деревьев, а что Теруэльская провинция одна из самых отсталых и бедных в Испании, то это даже для нас в данное время выгодно: у врага всего одна железнодорожная и одна автомобильная магистраль и населенные пункты по ним редки.

– Но хуже другое, – возразил Доминго. – Под Теруэлем отряды милиции в большинстве под командованием и влиянием анархистов, и мне еще не удалось найти нужных нам проводников, а из наших людей никто не знает местности.

Действительно, подыскать проводников было трудно. При беседах с кандидатами надо было соблюдать конспирацию и не говорить о цели наших вылазок. Проводники были нужны надежные, которые бы не струсили, не отказались от работы в последний момент и не продали нас противнику.

Только через сутки удалось найти двух проводников-анархистов, знакомых с местностью и не раз ходивших в тыл врага.

Утром 16 декабря в расположение нашей группы на запыленном «пежо» приехал нарочный от командующего. Низенький, черноволосый, чубастый анархист с большим пистолетом в деревянной колодке без стука вошел в комнату, где Доминго с Рудольфо и с проводниками обсуждали возможные варианты выхода в тыл мятежников.

– Салуд камарадас! – поздоровался он и продолжал: – Капитан Унгрия, немедленно поедем к командующему – товарищу Бенедито.

Доминго спокойно встал, как-то лукаво посмотрел на прибывшего и сказал:

– Хорошо. Сейчас поеду!

Он тут же вызвал Рубио, и мы вместе с ним поехали в штаб командующего Теруэльским участком. При первой возможности Рубио обогнал «пежо» нарочного, и скоро тот безнадежно отстал.

К командующему Доминго вошел вместе с нами.

На этот раз Бенедито был в приподнятом настроении, встретил нас приветливо и даже предложил сесть.

Он тихо, точно опасаясь, что его услышат посторонние, спросил Доминго:

– Вы готовы к вылазке в тыл врага?

– Вполне готовы! – также тихо ответил Доминго.

Командующий пристально посмотрел на капитана, наклонился к нему поближе и уже почти шепотом сказал:

– Сегодня выступаете и завтра к четырем утра выводите из строя линии связи, идущие вдоль автомобильной и железной дорог в 20–25 км севернее Теруэля. Столбы подорвать, а провода перерезать, обе дороги закрыть.

Доминго хотел что-то сказать, но командующий на него так посмотрел, что тот остановился на слове: «Ми…»

– Главное – разрушьте связь! – потребовал Бенедито и пожелал успеха, давая понять, что все указания даны и мы должны уходить.

Через полчаса мы уже были в Ориосе. Рудольфо и Доминго решили в первую вылазку взять 12 человек, остальных оставить в резерве. Назначенные в поход приступили к подготовке. Я увидела, что и Рудольфо стал переобуваться в свои альпаргатас (полуботинки с матерчатым верхом и подошвой из веревки).

– Тоже собираешься идти? – спросила я своего начальника.

– Да! – ответил Рудольфо, продолжая прилаживать альпаргатас, точно речь шла об очередном выезде на занятия.

– А почему не предупредил? Неужели думаешь пойти без меня? – обиженно сказала я. – Ведь ты без меня точно глухонемой: слышишь, но не понимаешь, что говорят испанцы, им можешь говорить, а они тебя не поймут. Без меня, да еще ночью, группе от тебя пользы не будет.

Рудольфо не ожидал такого оборота дела и ничего не мог сказать в оправдание…

– Я твоя переводчица и пойду с тобой, – заявила я и стала переобуваться в свои альпаргатас.

Когда я уже была готова к походу, ко мне подошел Доминго и начал очень ласково:

– Луиза, не ходите с нами. Это неженское дело. Моя Росалия не думает ходить.

– Слушай, Доминго, я ехала в Испанию не на пляже купаться, и ты уже знаешь, – ходить ночью для меня дело привычное. Выросла я на севере, приходилось много ездить по лесным дорогам и ходить пешком по лесу, иногда одной и без оружия, а тут у нас пистолеты.

– Но здесь нас могут заметить мятежники.

– Надо так ходить, чтобы не заметили. Две недели тренировались в своем тылу, а теперь будем сдавать экзамены на

зрелость. А мятежников и интервентов я тоже видела. В 1918 году в наших краях вместе с белыми, то есть мятежниками, появились и английские интервенты. Я тогда батрачкой работала. Богатеи радовались, помогали им, а беднота, сколько ни пугали ее зверствами красных, не пошла за белыми.

– Пошли в Красную Армию или в партизаны? – спросил Доминго.

– В нашем селе партизан не было, не было и боев, англичане, как начинало темнеть, сидели по домам и близко никого не подпускали, а охраняли их белые, которые с ними были, да и те ночью из деревни никуда не выходили.

– Значит, боялись ночи. Это очень хорошо, – согласился капитан.

Мое участие в походе доставило много неприятностей Доминго: никто не хотел оставаться на базе.

– Женщина идет, а мы что… – говорил Сальвадор.

По пути заехали в штаб узнать обстановку. Тут нас в походном виде заметили командующий и советник Колев[24].

Колев отозвал Рудольфо и меня в сторону.

– А вы зачем сами идете? – спросил он Вольфа.

– Первый раз обязательно надо.

– Ну а если вас захватят мятежники?

– Фронта сплошного нет. Преследовать по следу не дадим. Есть гранаты замедленного действия, а к утру вернемся, – ответил Рудольфо.

– Не собираетесь ли и вы, Луиза, с ними идти, что так оделись? – спросил меня Колев.

– Как видите, собралась! Рудольфо без меня что глухонемой!

– Ну и дали вам хозяина, – посочувствовал Колев.

На прощание он пожал нам руки, пожелав успеха.

С Владимиром Яковлевичем и его переводчицей Лялей Константиновской[25] на Теруэльском фронте я встречалась не раз.

Когда я ей однажды пожаловалась на холод в помещении, где мы расположились, Константиновская ответила:

– Холод – это плохо, но от холода можно укрыться, а вот мне приходится со своим «неистовым» советником днем по бригадам ездить, а ночью над планами вместе с испанскими командирами сидеть. До того недавно доработалась, что пришлось разрезать боты, так от переутомления распухли ноги!

Меня поражало, сколько энергии и мужества в этой маленький, такой еще молоденькой девушке, какой она оставалась бодрой при большой перегрузке в работе и неудачах на фронте, совсем такой же, как неутомимый Колпакчи.

Мы ехали машиной на участок, откуда должны были идти на операцию. Я была полна раздумий и очень далека от оптимистических настроений.

Все случилось внезапно. Готовили людей, но никогда с Рудольфо не было даже разговора, что мы пойдем вместе с испанцами в тыл мятежников. Я знала, что он был в тылу у Деникина, в окружении, пробирался в свою часть пять суток и чуть было не влип при переходе через линию фронта, переодевшись под местного крестьянина; знала, что он обучал партизан диверсиям еще до Академии; но в тыл противника, да еще в чужой стране, он шел впервые.

Правда, у него нет семьи, и сирот не останется.

Рудольфо говорил, что, хотя не родился в рубашке, но уверен в успехе, так как «наша союзница – ночь». Я тогда не знала, что ему много раз доводилось перебрасывать разведчиков через границу.

Незаметно мы прибыли к штабу батальона. Тут Доминго и Рудольфо, с участием проводников, договорились с комбатом и направились к позициям роты, откуда нам предстояло идти в тыл мятежников.

Передний край оказался совсем иным, чем я представляла по военной подготовке в институте… Никаких окопов. Солдаты размещались в одинокой пустой избе пастуха. Вдали, по направлению к мятежникам, лес и… неизвестность, но командир роты утверждает, что фашистский заслон находится в другой пастушьей избе, километрах в двух западнее, и можно пройти незаметно даже в светлое время.

– Выделите ваших проводников, – попросил Доминго статного на вид, чисто выбритого командира роты с черно-красным галстуком.

– Нет приказа! – коротко ответил анархист, дымя сигаретой, и проводников не дал. Капитан выругался и приказал людям перекурить.

Вместе с командиром роты и нашими проводниками мы несколько минут осматривали местность в бинокль.

Впереди виднелся казавшийся густым темный лес. Перед ним на плоскогорье только редкие маленькие кустики, когда-то объеденные овцами.

– Засветло можно незаметно пройти по сухому руслу ручья до самого леса, – перевела я Рудольфо слова одного из проводников.

– Можно и засветло, – согласился Рудольфо. – Надо только договориться с командиром роты.

Анархист обещал обеспечить безопасность нашего выхода с

позиции его роты.

До наступления темноты оставалось еще более часа, когда мы покинули пастушью избушку, где находилось небольшое подразделение анархистов.

Шли, пригнувшись, по сухому руслу ручья. Впереди проводники и два наших разведчика, за ними капитан Унгрия, Рудольфо и я, за мною Рубио с ручным пулеметом, а в хвосте колонны высокий Антонио Буйтраго.

На спине у каждого белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками, чтобы ночью сзади идущим были видны те, кто шел впереди. Пистолетами и ножами вооружены все, но у большинства еще и карабины.

Посредине высохшего, извилистого ручья кем-то была протоптана настоящая тропинка. Изредка присаживались, чтобы нас не было видно, а разведчики и Доминго с Рудольфо просматривали местность.

– Все хорошо, – сказал Рудольфо, опуская бинокль. – Теперь многое зависит от надежности проводников. Эти малограмотные крестьяне гордились своей принадлежностью к ФАИ – Федерации анархистов Иберии. Больше того, они агитировали наших людей… переходить в анархисты.

– Нам нужны проводники, хорошо знающие местность и обстановку в тылу врага, не будем их агитировать, чтобы ушли от нас, – говорил Доминго Буйтраго, который рьяно взялся за воспитание проводников. – Если надо, разведчиков одевают в форму противника. Они ратуют за черно-красные повязки, так пусть некоторые наши люди их наденут, пусть анархисты считают, что их агитация имела успех, – наставлял капитан своего помощника.

Ко времени выхода в тыл мятежников Маркес первым делом надел черно-красный галстук и сталь пользоваться полным доверием проводников-анархистов.

Короткие сумерки и темная, безлунная ночь, да и звезд не было видно.

С наступлением ночи лес, к которому мы шли, растворился во тьме. Продвигались все медленнее, чтобы ничем не выдать себя. Но вот проводники остановились.

– Опасно! Близко лес! Там может быть враг! Надо выходить из долины. Перед лесом может быть ловушка, – прошептал один из проводников. Другой его поддержал. Я перевела сказанное Рудольфо.

– И что они предлагают? – спросил тот.

– Надо выйти из долины ручья и идти осторожно по самому краю берега и, как только начнет подниматься в небо вражеская

осветительная ракета, сваливаться на землю и там замирать, пока не погаснет, – перевела я предостережение старшего проводника.

Идти вдоль ручья оказалось труднее. Тут уже не было нахоженной тропинки, встречались многочисленные промоины и другие неровности. Шли медленно, осторожно ступая, но нет-нет, да кто-нибудь попадет в углубление или заденет за обнаженный корень и даже упадет. А каждый шум мог нас выдать противнику.

Скоро мы должны были войти в таинственный лес. Напряжение усиливалось. Мне казалось, да и, видимо, другим, вот-вот может взвиться предательская ракета, и что тогда делать небольшой группе вдали от своих войск?

– Наконец мы в лесу! – шепнул мне Рудольфо и впервые крепко пожал мне руку. Наверное понял, что, не зная языка, он без меня был бы действительно подобен глухонемому.

– Передай капитану, чтобы остановился на минутку, – попросил он меня.

На опушке всё точно замерло. В ночной тишине слышался шорох высохших, но не опавших еще листьев. Возможно, где-то близко – посты врага. Еще раз напоминаем о соблюдении тишины и маскировки, о сигналах. Идем почти бесшумно. Впереди, точно светляки, мелькают прикрепленные на спинах гнилушки.

Когда кто-либо нарушит тишину, останавливаемся, прислушиваемся – и снова в путь.

В лесу идти было еще труднее. Корневища деревьев выступают над землей, кое-где валяются сучья. Ничего не видим, и нужно выше поднимать ноги и плавно их опускать, чтобы не удариться о корень.

Рубио, привыкший ездить на машине, споткнулся и упал. Остановились. Все тихо. Опять вперед…

Проводники шагают бодро. Они уже не раз ходили этим путем навещать родных и близких, оставшихся на занятой мятежниками территории, и уверяют, что им известны все посты и засады фашистов.

– Наибольшая опасность осталась позади, на опушке, – говорят они.

Рудольфо и Доминго тоже идут уверенно. Не знаю, о чем они в то время думали, да и позже на эту тему не говорили, но в начале похода у меня было впечатление, что идешь в грозное неизвестное, и сначала было страшно. Вот такие минуты пережила я однажды, когда переходила по узкой доске через глубокую, быструю речку. Доска прогибалась, казалось, вот-вот соскользнешь в воду… Но раз пошла – отступать некуда.

Чем дальше мы углублялись в тыл врага, тем увереннее шли. Часа через два остановились отдохнуть и закусить.

Вокруг царило мрачное безмолвие. Ночь, темно и тихо.

Заядлые курильщики просят закурить. Им разрешают, но с соблюдением маскировки, укрывшись с головой куртками. В воздухе запах табака, но не видно тлеющих папирос, не заметно вспышек спичек и зажигалок. Этому научили на занятиях… Ночной холодок быстро освежает, а потом заставляет и укрываться.

Вдруг тишину нарушили далекие винтовочные выстрелы. Через несколько секунд издали донеслась кем-то выпущенная пулеметная очередь, и все замерло. Это мне, да возможно и другим, напомнило об опасности.

Рудольфо сел рядом, угощая меня горячим кофе, бутербродами и шоколадками. Опять донесся далекий одиночный выстрел, но все спокойно продолжали отдыхать.

– Наша союзница – ночь! – шепнул Рудольфо. – Мятежники не знают, что мы здесь спокойно отдыхаем, – и он продолжал пить кофе.

Дул ветерок, прислушиваясь к нему, я вспомнила свой родной Север, вынужденную ночевку в глухом лесу, где я искала двух коров и теленка хозяина, у которого батрачила.

Заблудилась, и ночь застала меня в лесу. Шел дождь, и мне пришлось набрать кучу мха, чтобы закрыться им. Так и просидела всю ночь. Вот когда я набралась страха! Вокруг пугающие шорохи, крики ночных птиц и зверей, а у меня всего только палка. Хотела забраться на дерево, там безопаснее, но мешал дождь. Я зарылась в мох, но уснуть не могла. На рассвете залезла на дерево, осмотрелась и нашла дорогу.

Теперь во вражеском тылу, на ночном привале, мне уже не было так страшно.

Рудольфо шепчет: «Пора идти». И я перевожу. Доминго подает команду.

Линия фронта далеко позади, но мы не ощущаем близости противника, уже полностью доверяем проводникам, и поэтому все себя чувствуют свободнее.

Тропинка узкая, передвигаемся гуськом. Я между Доминго и Рудольфо, чтобы переводить, приходится оборачиваться.

Альпаргаты – незаменимая обувь в горах, они не скользят и бесшумны, в них шагаешь мягко, словно кошка. Как назло, по пути переходили вброд не очень широкий, но довольно глубокий ручей. Ничего не могли найти подходящего, чтобы сделать подобие мостика.

Наши тряпичные башмаки мгновенно промокли. Ноги начали зябнуть. Тому, кто очень мерз, на остановках Доминго давал глоток коньяку прямо из горлышка. И опять в путь. На

следующем привале кто-то сказал:

– Может, разжечь костер?

– Ты с ума сошел, – возразили другие. – Нельзя!

И снова шли, спотыкаясь.

– Эх, и тяжела дороженька, – со вздохом сказал Педро.

– В своем тылу ты был героем, а теперь – ноешь! – сказал Антонио своему брату. – Трудностей впереди еще будет много. Может, придется лазить по горам, да еще под пулями.

– Как тебе не стыдно! – сказал ему Рубио. – С нами идет женщина и молчит, а ты, подлец, ноешь!

Делаем еще один небольшой привал. К трем часам ночи выходим к автомобильной дороге Теруэль – Каламоча. Метрах в ста от дороги присели и перекусили.

Вскоре на севере появилась пара огоньков. Они приближались, вначале медленно, а потом все быстрее. Мимо пронеслась легковая автомашина, и мы наблюдали за ее убегающими красными огоньками. По команде, как на ночных занятиях, пошли минировать.

Группа Доминго должна была разрушить связь и подорвать небольшой мост. Ширина дороги около 10 метров, мостик невысокий, однопролетный, железобетонный.

– Мало взрывчатки! Что будет делать? – спросил Доминго, когда мы остановились под мостом.

Рудольфо ответил не сразу. Он измерял размеры балок. Потом подвел капитана к опоре и сказал:

– Минируйте так, как делали это на занятиях с железобетонным мостом на дороге Валенсия – Альбасете, да только побольше положите камней для забивки.

– Согласен, – ответил Доминго и добавил: – Здесь можно сделать хорошую забивку, много камней.

– Легковая! – вдруг предупредил Рубио.

Все затаились. По дороге над нами промчался автомобиль. Доминго со своими людьми приступил к работе, а я, Рудольфо и часть группы, переждав еще одну машину, направились к железной дороге вдоль высохшего ручья.

Шли около 10 минут, часто прислушиваясь, но все было спокойно. Мост на железной дороге оказался таким, каким его обрисовали наши проводники, – металлическим, длиной около 8 метров. Быстро установили заранее изготовленные заряды и принялись за столбы линии связи. Времени у нас было в обрез, спешили, а в спешке не все ладилось. Нам никак нельзя было задерживаться. На мосту были уже подожжены зажигательные трубки.

Все, кроме одного, собрались у столба, от которого в обе

стороны расходились минеры. Не было только Мигеля.

– Что могло с ним случиться? – думала я. – Он должен был минировать четвертый, последний столб справа. А тут со стороны Теруэля показались огни автомашин.

– Пошли к Мигелю? – перевела я слова Рудольфо, но в это время Мигель точно из-под земли вынырнул и прошептал:

– Едва нашел!

– Что нашел?

– Зажигательные трубки!

– Вамос, то есть «пошли», – сказал Рудольфо, и мы двинулись к автомобильной дороге.

На первом привале Мигель рассказал, как он уронил зажигательные трубки.

– Короткие, упали в траву, и еле нашел в темноте.

Едва мы достигли шоссе, как яркая вспышка озарила местность, и вскоре раздался резкий звук взрыва. За ним последовали другие. Мы пересекли автомобильную дорогу и прибавили шаг, спеша на условленный сборный пункт. И вовремя.

Большой огненный столб на мгновение осветил все вокруг, потом донеслись сильные взрывы и удары о землю падающих обломков. Это взорвались заряды под железобетонным мостом. Видя результаты своих дел, люди ликовали

– Формидавле! Муй биен! (Отлично! Очень хорошо!) – бурно выражали свой восторг проводники. Но нашу радость оборвали появившиеся со стороны Теруэля огни машин. Все были в сборе. Заряды на столбах линии связи продолжали взрываться. Мы радовались и, казалось, позабыли, что находимся во вражеском тылу. А ведь враг мог через несколько минут подбросить несколько машин с войсками, и тогда нам могло не поздоровиться!

– Передай Доминго, чтобы дал команду быстро отходить, – сказал Рудольфо, и, раньше чем я успела перевести, он сам сказал капитану:

– Вамос! Рапидаменте!

Обратно шли налегке. Довольные удачей люди не чувствовали усталости.

Когда мы отошли километра на два от места диверсии, там, высоко в небе, вспыхнула осветительная ракета. Мы ускорили шаг.

Рассветало. По горизонту тянулись заснеженные горы, с них веяло холодом. Гул артиллерийской канонады оповестил о начале наступления республиканских войск на Теруэль, а мы еще были в тылу у мятежников и не спешили, надеясь, что

республиканцы овладеют городом, но когда группа вошла в расположение своих войск, известий об освобождении его не поступило.

Доминго отправил диверсантов на отдых, а мы поехали докладывать командующему.

– Как сильно взрывались заряды! Как далеко летели осколки! – восхищался низкорослый, но, как оказалось, выносливый и расторопный проводник с черно-красным галстуком.

– Это не хуже авиабомб! – добавил другой, довольно угрюмый проводник.

– Конечно, не хуже! – согласился первый. – Даже лучше! Бомбы и с самолетов не всегда в цель попадают, а тут били без промаха. Вот порадуем товарища Бенедито! – заключил он.

Командующий принял нас только после полудня, и каково же было наше удивление, когда он, даже не дослушав доклада капитана Унгрия Доминго, крепко выругался.

– Никакой от вас пользы! Только нашумели! Враг получает подкрепления! Связь у него работает!

– Послушайте меня, товарищ командующий! – начал возражать Доминго. – Задание выполнено и даже перевыполнено. Столбы и провода подорваны, мосты разрушены…

Но Бенедито не дал договорить капитану Унгрия. Тут нам повезло – командующего вызвали к аппарату.

– Неужели 14 человек должны были решить успех операции… – ворчал Доминго.

– Не унывайте, – улучив момент, сказал нам присутствующий при этом разговоре артиллерийский советник Н.Н. Воронов.

– Поймите, – продолжал Воронов, – командующий нервничает. Наступление не развивается по плану, и войска несут большие потери.

– Но причем тут мы?! Разве наша маленькая группа могла обеспечить успех наступления? – перевела я слова Унгрия.

– Конечно, нет!

Появился Бенедито и, увидев, что Доминго не ушел, вновь обрушился на него.

Поведением командующего и его оценкой результатов работы группы все мы были удручены. Особенно тяжело переживал проводник. Он покраснел как рак и внезапно громко стал кричать:

– Два моста подорвали, связь всю разрушили. Осколки за сотню метров летели. Четырнадцать человек на магистраль вышли, куда батальон боялся идти, – кричал он, размахивая

руками.

Доминго стоял раздраженный и тихо ругался.

Командующий от неожиданности даже растерялся. Убедил ли его проводник или ему стало неудобно перед Н.Н. Вороновым, но он перестал кричать и зло сказал:

– Хорошо. Отдыхайте! Готовьтесь опять идти в тыл врага завтра!

Мы вышли в подавленном состоянии. Больше всего переживали проводники и Рудольфо.

– Сам бы сходил, тогда бы знал, как это делается, – сказал разъяренный проводник.

Старший проводник, уже не стесняясь моего присутствия, употреблял выражения, которые нельзя было переводить.

Усталые и хмурые, мы возвратились в Ориос.

Вошли в помещение. Большинство участников похода уже спали. У некоторых ноги были забинтованы, как у раненых. Остававшиеся в резерве да человек пять из вернувшихся ожидали нас.

Увидев, сначала обрадовались, но когда заметили наше состояние, на их лицах появилось выражение озабоченности и недоумения.

– Что случилось? – спросил Антонио Буйтраго.

– Все в порядке! – ответил бодро капитан, но его боевые друзья и по тону ответа, и по нашему настроению поняли неладное.

– Спать! Спать! А то сегодня опять в поход! – сказал Доминго, сел на пол и стал разуваться.

К нему подсел Рубио и тихо спросил:

– Почему вы все такие недовольные?

– Теруэль не освободили! Вот почему!

Больше вопросов не задавали.

На следующий день, едва я только окончила утреннюю зарядку, ко мне постучали.

– Луиза! Я к вам по серьезному вопросу! – сказал, поздоровавшись, Пепе.

– Пожалуйста!

– Луиза! Пока вы ходили в тыл, я занялся разведкой. От местных крестьян узнал, что незадолго до нашего приезда мятежники на машинах выезжали на дорогу Теруэль – Пералес и подъезжали под Ориос. Так почему нам не выехать на их магистраль Теруэль – Каламоча?

Вначале я не поняла, в чем дело, и почему он обращается ко мне.

– А ты Доминго об этом говорил?

– Нет! Доминго кавалерист. Он не поймет. Важно, чтобы с моим предложением согласились вы и рассказали о нем Рудольфо.

– Пепе! Я не понимаю, как это выехать на магистраль? Зачем?

Пепе озабоченно улыбнулся, подумал и начал объяснять.

– Вы ходили на эту же самую магистраль пешком, устали, а некоторые и ноги натерли.

– Да! – согласилась я.

– Устали, когда сделали всего около 30 километров, то что будет, когда придется пройти второй раз еще дальше? – не унимался Пепе.

– Слушай, Пепе, пойдем к Рудольфо, и ты ему расскажешь.

В это время перед домом остановился «пежо», из которого выскочил уже бывавший у нас чубастый анархист.

– Где капитан Унгрия? – спросил он оторопевшего часового. – Есть важный, срочный боевой приказ.

Доминго и Рудольфо тоже уже не спали. Капитан вскрыл пакет, прочитал приказ, расписался в получении его и сказал:

– Хорошо! Все ясно!

Нарочный от командующего попрощался и умчался на своей запыленной машине.

Капитан еще раз прочел полученный документ, передал его мне, и я перевела его содержание Рудольфо. Командующий приказывал ежедневно совершать вылазки на коммуникации противника севернее Теруэля.

– Нужны лошади. Это может делать только кавалерия! – безапелляционно заявил упавшим голосом опечаленный Доминго окружившим его бойцам.

И тут Пепе внес свое предложение о вылазке на автомашинах.

Доминго от неожиданности ничего не сказал. Рудольфо я еще не успела перевести, горячий Рубио выразил сомнение, но Пепе, не обращая на него внимания, начал обосновывать свое предложение.

– Если противник выезжал среди бела дня со своей магистрали на нашу, то почему мы этого не можем сделать? – вопрошал он.

– Можем! Безусловно, можем! – поддержал Хуан.

Доминго и Рудольфо решили изучить предложение Пепе.

Командир батальона, на участке которого появлялись на машинах мятежники, не только согласился оказать нам содействие, но и выделил восемь добровольцев из состава батальона.

– Вот где проезжали машины мятежников, – показывал торжествующий Пепе, когда мы прибыли в лесок, находившийся

на «ничейной» территории, и по суходолу, поросшему на склонах кустарником, направились к автомобильной дороге Теруэль – Каламоча.

В четырех километрах от позиций своих войск мы выбрались на полевую дорогу и прибавили скорость.

Местность холмистая, впереди небольшие лесочки. Глинистая почва потрескалась, кое-где видны камни причудливых очертаний. Ярко светит полуденное солнце, высоко в небе редкие светлые облака. Слышен ровный рокот автомобильного мотора. Настораживает тишина.

– Ель кортихо! – тихо говорит Доминго, показывая на одинокую пастушью избушку, до которой около километра.

Рудольфо предлагает остановиться, съехав в лощинку, и выслать разведку. Доминго соглашается. Рубио с Буйтраго выезжают, остальные готовы поддержать их огнем.

Чем ближе подъезжал Рубио к кортихо, тем сильнее билось сердце. «А вдруг внезапный залп!» – думала я. Но все обошлось благополучно. Условленный сигнал: можно ехать.

Подъезжаем. У дома жадно пощипывает травку голодная оседланная лошадь. Временами она настороженно поднимает голову. На седле – запекшаяся кровь. Лошадь испуганно шарахается от бойцов…

Поставили машины под крону растущих деревьев. Заходим в избушку. Никого нет. Разбросаны предметы домашнего обихода. Где всадник, и что случилось с ним? Почему он бросил лошадь? Или он убит, и конь вернулся к своему дому?

Доминго и Рудольфо вместе с Антонио, Рубио и проводниками внимательно осматривают местность. На земле следы вражеских машин, но ничто не сулит опасности.

Километра два проехали, не заметив ничего подозрительного.

– Слева солдаты. Они заметили нас и прячутся! – доложил Буйтраго-старший, наблюдавший за местностью.

– Стоп! – командует Доминго. Машины останавливаются. Метрах в 800 к югу от дороги отчетливо видны вооруженные люди в военной форме. Но кто они?

Впереди лощина, высокий кустарник.

– Полный вперед! – командует капитан Доминго.

Рубио включает передачу, машины рванули, но не успели скрыться, и нас обстреляли. К счастью, стрелки оказались неважными, и мы без потерь въехали в лощину, закрытую кустами.

– Стой! – скомандовал Доминго. – Разворачивайтесь обратно, – приказал он водителям. – Остальные за мной.

Противник ведет огонь по машинам, которые не могут полностью скрыться в лощине, но моторы и водители находятся вне досягаемости. Наши отвечают на огонь, и перестрелка усиливается. И это на ничейной территории, среди белого дня.

– Все сорвалось! – горячится Доминго.

– Смотри! Они отходят на восток, к республиканцам! – говорит Рудольфо. Я перевожу, капитан приказывает прекратить огонь. Доминго ругается.

– Выкиньте красный флаг, – советует Рудольфо.

Пепе быстро снимает флажок со своей машины и поднимает его на карабине. В ответ группа на склоне горы показывает на винтовке черно-красную повязку.

– Разрешите мне сходить на переговоры! – предлагает Хуан. Рудольфо и Доминго соглашаются. Парламентер идет неторопливо, не оглядываясь.

А мысль работает напряженно. Риск велик. Вышлют ли встретившиеся своего представителя для переговоров?

Минуты ожидания кажутся вечностью, время точно остановилось, а Хуан все идет и идет вперед… Ждем с замиранием сердца: вдруг раздастся роковой выстрел. Напряженно ждем, готовые к ответу на возможную провокацию.

Наконец, к всеобщему облегчению, оттуда, где находилась неизвестная группа, встал вооруженный человек и, держа винтовку в правой руке, пошел навстречу Хуану. Парламентёры сходятся, жестикулируют, видимо, спорят. Через две-три минуты Хуан оборачивается к нам и машет рукой, приглашая нас.

Радостно направляемся к парламентерам, выбираются из кустов и наши «противники».

– Редко, но бывает, – заметил Рудольфо, – «своя своих не познаша». Наша группа столкнулась с разведкой одной из частей анархистов.

– Никаких фашистских отрядов нет до самой автомобильной дороги, – обрадовали нас разведчики.

Несмотря на перестрелку, Доминго и Рудольфо приняли решение двигаться дальше, и водители снова развернули машины.

Ехали по полевым дорогам, никого не встречая.

До магистрали оставалось около пяти километров, когда Рубио резко остановил машину, спрыгнул и стал рассматривать дорогу. Всего в трех метрах перед машиной, поперек дороги, виднелись две параллельные трещины. При внимательном рассмотрении было заметно, что грунт между трещинами

отличается по структуре от остальной дороги.

– Что бы это значило? – спросил Доминго.

Рудольфо осторожно палочкой простукал дорогу до трещин и между ними и сказал:

– Возможно, «волчья яма»! Да еще с миной!

– Неважно! Легко объехать, – заметил Пепе.

Так и сделали. Возвратились метров на 50 и по полю объехали подозрительное место. Дальше ехали еще медленнее, внимательно рассматривая дорогу. Вскоре выехали на проселок, где виднелись свежие следы автомашин, и по нему подъехали к автомагистрали, связывающей гарнизон мятежников в Теруэле с их основными силами. С расстояния меньше километра из-за кустарника, словно это не в тылу врага, наблюдаем за движением по шоссе Теруэль – Каламоча.

Видна нам и железная дорога, но поездов не появлялось.

По автодороге идут главным образом одиночные машины и очень редко – колонны из 10–15 грузовиков. Никакой охраны не заметно.

– Выехать бы на дорогу, пристроиться к какой-нибудь колонне и устроить мятежникам «фейерверк», – предлагает Доминго. Но Рудольфо не соглашается.

– В другой раз и в другом месте, а тут близко крупные и уже встревоженные гарнизоны противника, – говорит он.

По суходолу приближаемся к шоссе настолько близко, что заметны лица солдат. Разворачиваем машины так, чтобы нас не было видно с дороги и сподручней было вести огонь.

Машины отъезжают метров на 25 назад, Буйтраго-старший ставит в колее две мины и маскирует их. Хуан устанавливает мину с почти незаметной ниткой. Все работают спокойно, как на занятиях.

Противник нас или не замечает, или считает своими, поэтому никак не реагирует. Безусловно, фашистам и в голову не приходит, что подъехавшие к дороге легковые машины привезли республиканцев.

Группа занимает огневую позицию за камнями и терпеливо ожидает подхода небольшой колонны с грузами. Но идут одиночные машины, преимущественно легковые. Наконец, с севера появляется колонна. Все напряженно вглядываются.

– Очень хорошо! Грузовики и, кажется, без войск, – шепчет Доминго.

Колонна уже совсем близко – видны брезентовые тенты, всего 12 машин. Когда первая равняется с группой, Рудольфо и капитан открывают огонь, а за ними и вся группа.

Попавшие под обстрел машины с хода сползают на обочины,

одна загорается. Некоторые вояки прыгают из кабин и кузовов в кюветы, другие удирают. Группа прекращает огонь и, пригнувшись, отходит к своим машинам. С севера приближается большая автомобильная колонна. Все в сборе. Машины заведены, и мы быстро трогаемся в обратный путь. Нас прикрывают заранее установленные мины. С автомагистрали доносятся выстрелы. Это, видимо, опомнились уцелевшие водители и солдаты, сопровождавшие грузы. Мы едем по проторенной дороге. Солнце спереди и немного правее. Встречные солнечные лучи будут мешать преследователям.

Чтобы затруднить возможную погоню, отъехав от шоссе километра на два, минеры поставили мины, замаскировав их. Объехали злополучные трещины и остановились. Поставили одну небольшую мину на объезде и поехали дальше. Позже узнали, что на дороге действительно была «волчья яма» глубиной больше полметра и что головная вражеская машина, на которой пытались нас преследовать, возможно, не зная о ловушке, попала в нее и опрокинулась. Такие ловушки враг устраивал на некоторых дорогах, пересекающих линию фронта, где не было сплошной обороны.

Издали сзади мы услышали глухой взрыв. Сколько мы потом ни оглядывались, погони не было видно. Возможно, наскочив на мину, фашисты воздержались от дальнейшего преследования.

Возвращались в приподнятом настроении, особенно были довольны добровольцы из подразделений, на участке которых группа совершила вылазку в тыл мятежников. Больше других радовался успеху маленький Пепе.

Две группы диверсантов на следующий день вышли в тыл мятежников и минировали дороги. На этот раз мы с Рудольфо не ходили.

Дорога уже сильно охранялась, одни мины противник обнаружил, а другие не сработали. Рубио с группой захватил и сжег бензовоз. В подтверждение привез трофеи.

– Бензовоз – это замечательно! Вспомни, как фашистский самолет пытался разбомбить бензовоз под Альфаброй, – заметил Рудольфо.

Под Новый, 1937 год нас неожиданно в пути задержали анархисты на контрольно-пропускном пункте.

Высокий, сухопарый военный с черно-красной повязкой на шее поводил лучом карманного фонаря по пропуску и приказал:

– Выходите! Пойдемте со мной!

Я заметила, что правая его рука потянулась к кобуре.

Доминго, ругаясь, вылез из машины. Одновременно выскочил

Пепе. Мы с Рудольфо оставались в лимузине. Сзади стояла грузовая машина с нашими людьми.

– Убери руку с кобуры и верни документ! – приказал капитан Унгрия, неожиданно выхватив из-за пазухи свой небольшой браунинг и наставил его почти вплотную к груди анархиста, отобравшего пропуск. Не зевали и другие. У Рубио в руке сверкал маузер, другой наш водитель Хуан держал наизготовку свой «вальтер», и на фоне звездного неба виднелись два ручных пулемета, направленных на машину с анархистами.

Высокий анархист, наконец, снял руку с кобуры и приказал своему помощнику:

– Хесус, пропусти их! – и вернул пропуск.

Анархисты присмирели. Ручные пулеметы на грузовике, видимо, действовали отрезвляюще.

Доминго долго не мог успокоиться и ворчал:

– Воевать их нет, а машины захватывать в своем тылу они мастера. Бандидос!

– Впервые встретил человека, который выглядит мужчиной, да еще таким высоким, а говорит как писклявая женщина, – заметил Пепе.

Валенсийские будни

Секретарь валенсийского провинциального комитета коммунистической партии Испании остался доволен действиями группы под Теруэлем.

– Дело пойдет в гору! – сказал мне Рудольфо, когда мы возвращались на квартиру Доминго из провинциального комитета партии.

Жена капитана пригласила всех к столу.

Ждали Хуана. Он остался закрыть машину. Внезапно на улице прогремели выстрелы. Мужчины вскочили и побежали вниз. Слышались крики. Вышли и мы с Росалией.

Перед подъездом, возле «форда» лежал Хуан. Голова его беспомощно склонилась, по асфальту расползалось темное густое пятно. Правая рука как бы защищала пробитое сердце.

Росалия всплеснула руками и вскрикнула высоким, пронзительным голосом.

Убийц уже задержали. Они оказались анархистами и, отбиваясь, орали.

– Мы потребовали документы, а он схватился за пистолет…

– А чего же вы, сволочи, побежали, если вы правы?

Толпа собиралась и угрожающе гудела. Оба анархиста со скрученными за спиной руками замолчали.

– Им понадобилась машина! – крикнул кто-то из толпы. – На фронте воевать их нет, а в своем тылу грабить они могут.

– Пристрелить собак, пристрелить! – слышались крики возмущенных людей.

Но нашлись и заступники.

– А если шофер вместо предъявления документов вынул пистолет? – услыхала я дребезжащий сиплый голос, он показался мне знакомым. Проходившая машина фарами осветила толпу, где появился защитник, и я увидела высокую фигуру с черно-красной повязкой на шее. Это был тот самый анархист, который задержал нас на контрольно-пропускном пункте под Теруэлем. С ним была кучка анархистов, которые начали было защищать убийцу, но огромное большинство собравшихся было против этих незванных адвокатов, и они поспешили ретироваться.

Хуана хоронили на следующий день. Гроб отвезли к валенсийскому кладбищу – сементерию. Там его подняли на руки родственники и друзья. Трагическая смерть Хуана потрясла всех. К нему мы привыкли, как к отчаянному Рубио и к маленькому Пепе. Перед сементерием происходило последнее прощание. Высокий сутулый морщинистый старик – отец Хуана – медленно

подошел к открытому гробу. Он держался твердо, но, коснувшись высокого лба Хуана, задрожал. Сухая стариковская рука судорожно растрепала чуб покойного сына.

– Бандиты! Убили!.. – вырвалось у него.

За ограду прошли только мужчины, женщины, кроме меня, остались перед воротами в колясках траурного кортежа. Таков обычай в Испании – женщинам не разрешалось входить в сементерий, где хоронят умершего.

Гроб вдвинули в глубокую нишу в стене сементерия, отверстие заложили кирпичами и замазали цементом.

К нам подошел брат покойного. Он был ниже ростом убитого, черноволос и круглолиц.

– Висенте, – назвался он. – Возьмите меня к себе. Хочу заменить брата.

Доминго взял Висенте вместе с его машиной.

На другой день Рудольфо уже занимался с группой Доминго на железной дороге Валенсия – Куэнка – Мадрид. Дорогу никто не охранял. Ставили различные мины под рельсы и под шпалы, ставили сбоку рельса. Проходили поезда, запалы взрывались, но машинисты этого не замечали. Все шло благополучно.

После обеда стали тренироваться в применении мин «рапидо», то есть скоростных. Установка их производилась непосредственно перед проходом поезда, и наиболее ловкие минеры ставили мину с колесным замыкателем меньше, чем за 30 секунд.

Вот вдали появился поезд. Диверсанты бросились к железной дороге, заминировали ее и быстро отошли. Скорый пассажирский приближался. Мы заметили слабые вспышки запалов «мин». Внезапно донесся не то выстрел, не то взрыв, и машинист, заметив что-то неладное, остановил поезд.

Из вагонов начали выбегать военные с винтовками и пистолетами в руках, вылез и машинист. Все пошли к тому месту, где произошел взрыв, и там нашли остатки нашей «мины».

Машинист жестикулировал, показывая в нашу сторону. Возможно, он издали заметил, как отходили с железнодорожного полотна минеры. Такой оборот событий нам ничего хорошего не предвещал. Мы находились в 250–300 метрах от остановившегося поезда, за невысокой каменной оградой, а наши машины стояли в 200 метрах от нас. Раньше, чем кто-либо из пассажиров организует поиски диверсантов, мы могли бы сесть в машины и уехать, но это могло вызвать печальные последствия: начнется следствие, может подняться вредная шумиха, доберутся тогда и до нас. Надо было опередить события. Между тем из вагонов вышли почти все пассажиры, и большая группа военнослужащих

скопилась в том месте, где была установлена злополучная «мина».

– Слушай, Доминго, надо спасать положение, чтобы не было большого переполоха, – перевела я слова Рудольфо. – Идите к поезду и докажите, что никаких диверсантов не было и нет, что это занимаются саперы.

Доминго не ожидал такого предложения и, вопросительно глядя на Рудольфо, спросил:

– А если они заберут нас и увезут в Валенсию, а там передадут в комендатуру?

– Не дожидайтесь, чтобы забрали, а сами попроситесь доехать до Валенсии, но прежде убедите старших командиров, которые едут в эшелоне, что это не диверсия, что диверсанты кирпичи не ставят.

– Пойдемте, товарищ капитан! – предложил сообразительный Маркес.

– Ладно, пойдем! – согласился Доминго и, взяв с собой еще четырех человек, направился к толпе, собравшейся у середины поезда, где нашли остатки нашей «мины “рапидо”».

Издалека мы не могли расслышать, что произошло в толпе с приходом Доминго, но, к нашему удовлетворению, минут через пять пассажиры стали расходиться по вагонам. Вместе с ними исчез и Доминго со своими людьми.

Мы сели в машины и поехали в школу. По пути выяснили, что Буйтраго-младший, вопреки приказу, не прикрыл электрозапал балластом и получился сильный звук. Эта «шалость» молодого Буйтраго могла нам дорого обойтись.

К нашему прибытию в школу Доминго еще не возвратился. Мы рассказали о печальном инциденте и с нетерпением ждали капитана. Наконец он явился, и по виду его и его людей было понятно, что все обошлось благополучно.

– Все хорошо, – начал капитан Унгрия. – Правда, подходить к толпе было страшновато. Мы слышали такие выражения, от которых у нас мурашки по телу пошли: «диверсанты», «пятая колонна», «фашисты».

– Что случилось? – спрашиваю я, и мне наперебой стали рассказывать о взрыве и найденной мине, которую, однако, никто не решался извлечь. Действительно, макет взрывчатки производил впечатление. Тут Маркес раньше, чем успели опомниться, наклонился и вынул «мину».

– Да то не взрывчатка, а какие-то кирпичи! – сказал он громко, показывая на шашку «тротила», и сразу разбил мину о рельс. Все обрадовались открытию.

– По вагонам! – скомандовал находившийся тут майор, и все

стали расходиться по своим местам.

– Подождите! – обратилась я к Доминго, – дайте я переведу Рудольфо, который не понимает, в чем дело.

Доминго сделал паузу и, когда я закончила переводить, продолжал:

– Я решил ехать в поезде и рассказать майору о том, что я видел, как саперы занимались и уехали на грузовике. Майор оказался не из паникёров и согласился с тем, что действительно республиканским саперам следует учиться минировать.

Позже Доминго рассказывал, что он однажды встретил этого майора на фронте, под Сарагосой, и тот, уже зная о крушениях поездов в тылу мятежников, сказал:

– А не зря практиковались саперы тогда под Валенсией!

– Да, не напрасно! – подтвердил капитан Унгрия.

А тогда Доминго нашел виновного и долго его отчитывал, предупредив, чтобы в другой раз такой «удали» никто не проявлял.

После возвращения с Теруэльского фронта в Валенсию я жила в квартире капитана Доминго. С ним Рудольфо вечерами беседовал по тактике действий в тылу противника, рассказывал о борьбе советских партизан в годы войны против белогвардейцев и иностранных интервентов. Изучали обстановку на фронтах и в тылу мятежников, говорили о предстоящих походах на южном фронте, куда намечалось перебросить нашу уже выросшую группу, получившую боевое крещение под Теруэлем.

Здесь я подружилась с женой командира группы – Росалией и, как своих детей, полюбила ее маленькую дочь Терезу и сына, восьмилетнего Антонио. Девочка увлекалась «хозяйством». То заводила стирку, то подметала, то перестанавливала игрушки. Она была спокойной и послушной. Хотя ей не было шести, она уже помогала матери.

Восьмилетний Антонио был не по годам смышленым, добрым и смелым. Росалия часто горько плакала. У нее в занятой мятежниками Севилье остались мать и две дочки. Ничего она о них не знала. Случилось это так.

В середине июля она с Антонио и Терезой поехала в Валенсию, а в это время начался мятеж, и фашисты захватили Севилью.

Прошло уже полгода с начала фашистского мятежа. Много тысяч детей стали сиротами, много матерей и жен потеряли своих детей и мужей, да и многие тысячи детей погибли в результате фашистского мятежа от налетов авиации интервентов. Росалия переживала разлуку с дочерьми и матерью, и все искала

среди беженцев тех, кто был в Севилье. Но долго ей не удавалось узнать о судьбе своей семьи.

Группа росла. Обучалась, ее могли внезапно направить на фронт, но взрывчатки у нас не было. Рудольфо узнал, что в Картахене есть устаревшие глубинные бомбы. Он получил записку от Березина на имя товарища Николаса[26] с просьбой помочь взрывчатыми веществами.

– На фронте – сражения, а в Валенсии – коррида, – возмущался Рудольфо, когда я в воскресенье провожала его в Картахену к Николасу за толом, а навстречу на корриду валили целые толпы празднично одетых людей.

По улице с вокзала шли беженцы, а рядом – добровольцы, будущие интербригадовцы. Их мы узнали по будничной одежде, по тому, как они удивленно смотрели на нарядную толпу.

Преодолевая все преграды, со всех концов земного шара, из 54 стран в Испанию устремились антифашисты, полные решимости помочь испанскому народу в его борьбе.

– Да, среди них есть братья-славяне, – заметил Рудольфо, – прислушиваясь к их говору. – Вот это здорово! Они могут говорить по-испански! – добавил он.

Тогда я не придала значения его словам, но если бы я знала, что он имел в виду, то моя судьба сложилась бы иначе.

Работать с Рудольфо было очень тяжело, иногда он явно высказывал свое недовольство моими переводами.

Беседы с капитаном Доминго Унгрия и членами его группы, занятия, переводы сводок отдельных сообщений и очерков о делах на фронте. И так с раннего утра до позднего вечера. Иногда я настолько уставала, что не могла переводить содержание очерков и сообщений об обстановке на фронтах.

После первой вылазки в тыл мятежников под Теруэлем отношение Рудольфо ко мне сразу резко изменилось, он уже не просил меня переводить сводки и очерки из газет и не посылал будить меня, а чтобы я не опаздывала к завтраку, купил мне маленький будильник.

За два месяца трудной работы у меня не было ни дня свободного времени. И только после отъезда Рудольфо в Картахену я встретилась с подругами по Институту иностранных языков и Международной ленинской школе.

На следующий день Рудольфо возвратился и привез большие металлические бочки, полученные им у Николаса, которые назывались глубинными бомбами.

Сальвадор с помощью провинциального комитета партии достал два больших котла, и Рудольфо начал выплавку тротила

из бомб.

Занятие не только опасное, но и утомительное. В котлы, наполненные водой, укладывали большой зловещий цилиндр весом около полтонны. Плавили под Валенсией, вдали от жилых зданий, и когда в первый день под котлом с бомбой и водой запылал костер, полный, всегда веселый лаборант Санчо Састре заметил:

– Опасно работать с динамитом, а тол выплавлять, может быть, еще опаснее и тяжелей.

Два дня плавили тол, разливали его в формы, наконец, закончили. На третий день Рудольфо и Доминго вызвали в штаб и приказали срочно выезжать на южный фронт в Андалузию. Все обрадовались. Доминго уже давно просился туда со своей группой, он там родился, там зима теплая и местность ему знакомая, да и очень ему хотелось вырвать из оккупированный мятежниками Севильи своих дочерей и мать жены.

Впереди Андалузия

Сборы были короткими. Часть отряда превратилась в постоянно действующую школу и осталась на месте. Почти половину тола зарыли в школьном саду.

Выезжали после завтрака. Жизнь в Валенсии уже била ключом. Хотя дело было в середине января, когда у нас говорят, что «солнце на лето, зима на мороз», было тепло, и на улицах продавали свежие цветы. Продавцы газет – подростки выкрикивали заголовки. Визжали маленькие трамвайчики, гудели машины, пассажиры которых куда-то спешили.

Всех наших людей и имущество разместили на 3-х старых грузовиках и пяти легковых машинах.

На этот раз я уже не одна женщина: с нами едет Росалина, одетая в военную форму, красивая, черноволосая, молодая девушка, не расстающаяся с карабином, загорелая, как мулатка. Она не только освоила все партизанские мины, но и перед отъездом показала свое уменье готовить вкусные обеды.

Девушка села в машину Рубио, а с ней – наш минер Мигель, прибывший с группой Доминго. Коренастый, сильный, с лукавыми глазами и почти всегда улыбающийся и, в отличие от многих его друзей, невозмутимый. Он явно влюблен в Росалину, девушка отвечала взаимностью.

Доминго прощается со своей женой. Та не плачет, а только ругает мужа.

– Ну куда ты берешь с собой ребенка? Оставь его со мной в Валенсии!

Но Антонио уже сидит в машине. Доминго целует жену и говорит:

– Все будет в порядке. С партизанами не пропадет!

– Мамочка, не беспокойся! – упрашивает Антонио. – Я папе буду напоминать, чтобы он о сестренке не забывал…

– Напоминай, сынок, напоминай, а то у него все дела да война, – согласилась Росалия.

Через полчаса мы выехали из Валенсии. Под цитрусовыми деревьями лежали сочные, будто золотые шары, созревшие апельсины. Машины Рубио, Висенте и Пепе вырвались вперед, и мы остановились вблизи деревьев. Рубио поставил «испано-суизу» на обочину и побежал к крестьянину, собиравшему плоды. Мы слышали, как он говорил, предлагая деньги, но тот даже обиделся:

– Берите хоть целую машину. На всех хватит!

– Запасайтесь апельсинами на дорогу, – кричал Рубио, но

никто не пошел за ними, а напрасно. Чем больше мы удалялись от Валенсии, тем беднее становилась растительность, тем меньше было садов. Лишь изредка видны были небольшие отары овец.

К обеду приехали в Альбасете. Я знала, что до войны город славился своими ножами и другими металлическими бытовыми изделиями, является важным узлом автомобильных дорог, связан железной дорогой с Мадридом и побережьем Средиземного моря. Теперь этот город был главной базой интернациональных бригад.

До мятежа в Альбасете проживали больше 40 тысяч человек. Во время войны население города значительно возросло. Коренные жители, беженцы из занятых мятежниками районов и добровольцы-антифашисты из 54 стран мира наполняли улицы.

Бледнолицые шведы и англичане, степенные, сосредоточенные немецкие антифашисты, рослые братья-славяне, высокие и худощавые финны.

Рудольфо поехал к штабу авиаторов и там, на улице, встретил знакомого. Статный, одетый под испанца летчик долго не выпускал Рудольфо из своих объятий:

– И зачем ты такие усы отпустил! – укорял он моего начальника, все еще похлопывая его по спине.

– Дуглас, – представился он мне.

– Наверное, такой же Дуглас, как я Луиза?

Дуглас, оказавшийся Я.В. Смушкевичем[27], пригласил нас к себе на обед. И тут я позавидовала переводчицам авиаторов.

Гляжу на усатого Рудольфо, который везет меня к черту на кулички. Никем мы не признаны по-настоящему, и наши люди нигде в штате не состоят. Живем на средства, отпускаемые партийными органами только для пропитания людей, которые кто во что одет, кто чем вооружен, а тут летчики, признанные герои, они ведут войну на всех фронтах. Правда, и у них самолетов мало, но зато есть перспективы!

Рудольфо, словно поняв мои мысли, послал меня в расположение отряда с каким-то поручением, а сам остался со Смушкевичем.

Начальник вернулся поздно вечером – и с ним пополнение.

– В нашем полку прибыло. Теперь у нас будут и братья-славяне: поляки, югославы, болгарин, чехи и словаки, будут немцы и австрийцы, итальянцы, американец, финны и французы. А два югослава прилично знают испанский язык и могут объясняться по-русски. Теперь тебе будет легче, – довольным тоном сказал мне Рудольфо.

– Может быть! – ответила я, обидевшись. И про себя подумала: «Вот какое он получил пополнение. Теперь я не нужна

ему». Вот, думаю, ошиблась, что не осталась в Валенсии.

– Вижу, чем-то недовольна? Что тебя, Луиза, обеспокоило? – ласково спросил Рудольфо.

– Почему ты не сказал мне в Валенсии о своем намерении? И на что я тебе теперь? – ответила я и отвернулась.

– Мы с тобой советские люди, нас вместе послали, вместе и будем работать. Ты теперь сможешь мне больше помогать. Мы будем действовать перед полосой южного фронта на большом протяжении, и мне одному не под силу справиться, а у тебя уже есть опыт, и при твоем знании языка и народа ты сможешь во многом заменять меня. Придется самостоятельно перебрасывать группы.

Проснулась на рассвете. На улице было холодно. Прохожие одеты в пальто, военные – в шерстяное обмундирование, а некоторые накинули одеяла-капюшоны, которые им заменяли шинели.

– Это Месета[28], на ней «три месяца хладу, девять месяцев аду», – сказал Доминго, одетый, как под Теруэлем, – в шерстяной френч, из-под воротника которого выглядывала шерстяная рубашка, – теперь тут хлад, но мы едем в Андалузию, где совсем другой климат.

Из Альбасете выехали в Хаен. Дорога по полупустынному плоскогорью вела на юго-запад.

Солнце поднималось все выше и выше, в лимузине было тепло, но те, кто ехал на грузовых машинах, по дороге кутались в одеяла-пальто, напоминая наполеоновских солдат, покидавших Россию. Я ехала в удрученном состоянии, размышляя о происшедших неожиданных изменениях в связи с наличием переводчиков-интербригадовцев. Не радовала и полупустынная местность с чахлой травой, выбитой овцами и козами, да и вид людей, укрывшихся одеялами и брезентами.

Когда перевалили на южный склон знаменитой Сиерры Марено («темных гор») и начали круто спускаться к правому притоку Гвадалквивира, перед нами неожиданно открылась зеленая долина, покрытая бурной растительностью. Километрах в трех, у реки, виднелась небольшая деревня.

– Мы в Андалузии! – радостно воскликнул Доминго. – Смотрите, как все изменилось: сколько зелени, садов, лесов, а вот и знаменитые андалузские оливы.

Стройные ряды их располагались большими массивами. Эти неприхотливые деревца были усыпаны мелкими, созревающими маслинами.

Дорога петляла в горах, Рубио молчал и ловко рулил,

подтормаживая машину.

– Опасно! – сказал он, показывая головой на ущелье. – Один момент – и загремишь.

– Стоп! – скомандовал Доминго, и Рубио послушно остановил машину перед крутым спуском.

Капитан прошел вдоль колонны и предупредил водителей, чтобы не зевали и держались левой стороны.

Ехать по извилистой пыльной дороге было трудно. Через полчаса спустились к притоку Гвадалквивира, небольшой, но бурной горной речке Гвадалимар, пересекли ее и сделали привал. Было около полудня. Солнце пригревало по-летнему, несмотря на то что была в разгаре зима. Даже высоко в горах не было видно снега, а у подножья их, на высоте около 800 метров, было тепло и все зеленело.

– Мы в Андалузии, – опять напомнил Доминго. – Андалузия – это почти пятая часть Испании, самая благодатная, юго-западная ее часть.

– Но, к сожалению, больше половины ее теперь занимают мятежники, – заметил Рудольфо, когда я ему перевела слова Доминго.

– А потому, – ответил Доминго, – мы будем базироваться и действовать в тылу противника в Андалузии, и нам может выпасть счастье увидеть чудо Испании – Севилью.

– Хорошо бы нам ее повидать до лета, – сказал Рубио, – а то попадем в «сартен де Андалузия»[29] и будет нас подогревать «горно де Андалузия»[30], где летом температура часто переваливает за 40^0.

– Но зимой в Андалузии хорошо, особенно на побережье Средиземного моря и Атлантического океана. Ликвидируем мятежников, прогоним или лучше – уничтожим интервентов и будем загорать, – сказал капитан и опять скомандовал:

– По машинам!

Проехали узел дорог Убеда и через двадцать минут достигли реки Гвадалквивир. На мосту охрана. Река глубокая, довольно широкая и быстрая, вода – ледяная.

По равнине, среди зеленых оливковых рощ, садов и полей мы подъезжали к Хаену, главному городу одноименной провинции с 60-тысячным населением и памятниками арабского владычества.

Остановив колонну на подходе к городу, Рудольфо, Доминго и я поехали в Хаен. Пепе подвез нас к провинциальному комитету Коммунистической партии Испании.

Войдя в кабинет секретаря, я была поражена. Навстречу шел тот самый Филиппе, который учился в Москве, в Международной ленинской школе, где я работала переводчицей. С ним мне

довелось много ездить по нашей необъятной стране в составе учебной группы, чтобы ознакомиться с достижениями советского народа.

Увидев меня, он бросился обнимать, приговаривая: «Анна! И ты приехала в Испанию. Замечательно!» Я была обрадована встречей и позабыла о своих обязанностях переводчицы.

Филиппе оказался первым секретарем провинциального комитета Кристовалем Валенсуэлой.

С его помощью быстро были решены все вопросы, связанные с нашим прибытием в Хаен. Оказалось, хаенские товарищи уже всё приготовили к нашему приезду: и помещение, и питание, и даже пополнение. Поместили нас в двух зданиях, почти в центре города. В небольшом доме, прямо напротив женского монастыря, на втором этаже поселились Доминго, Рудольфо, Висенте, мы с Росалиной, Пепе и Састре. Тут же организовали мастерскую по изготовлению мин, а внизу соорудили склад для взрывчатки. Капсюли и шнуры хранились под кроватью Рудольфо, а под моей – динамит. Другое большое здание, тоже вблизи женского монастыря, было отведено под нашу школу.

– Такое соседство вам не помешает? – сказал мне Валенсуэла.

– На своих фашисты не будут сбрасывать бомбы.

Так думали и мы, но не так получилось.

После посещения провинциального комитета испанской компартии Доминго, Рудольфо и я направились к военному советнику на Южном фронте Кольману[31].

Он жил в особняке, ничем внешне привлекательном, окруженном высоким каменным забором. Мы позвонили. Дверь вскоре распахнулась, и перед нами появился высокий парень в брюках клеш и кожаной куртке на молнии.

Мы представились.

– Сейчас доложу, – сказал он на чистом русском языке. Он оказался шифровальщиком полковника Кольмана.

Во внутреннем дворике – скамейки, небольшие пальмы, цветы в горшках. Был здесь и аквариум с разными рыбками.

Вскоре к нам вышел среднего роста человек, крепко сложенный, бритоголовый. Уже по походке чувствовалась выправка кадрового военного.

– Колонель Кольман, – представился военный советник и на его красивом лице с добрыми зеленоватыми глазами заиграла добродушная улыбка. – Очень рад. Как раз вовремя. Раздевайтесь и прошу к столу. Что-то вы задержались. Мы вас ждали вчера.

– В Альбасете встретил старого знакомого и задержался. И не напрасно: пополнили отряд, – ответил мой начальник.

За обедом завязалась непринужденная беседа.

Неожиданно зазвонил телефон. Высокий испанец Санчо взял трубку и начал разговор. Он записывал услышанное, повторял по-французски, а другой переводчик пересказывал это Кольману по-русски.

Видно, говоривший по телефону испанский офицер нервничал из-за частых перерывов в разговоре, и Санчо его успокаивал, приговаривая: «Уно моменто!»

– Вот так и работаем, – сказал Кольман, когда закончился телефонный разговор. – Вам хорошо, – добавил он, обращаясь к моему начальнику, – у вас русская переводчица, а мне приходится трудно. Вот представьте себе: разговариваю с командующим фронтом. Сам говорю по-русски, а тот слушает и ничего не понимает. Ждет перевода, а мой переводчик переводит на французский. Командующий его почти понимает, а потом Санчо уже переводит на испанский. Командующий отвечает. И все повторяется в обратном порядке: с испанского на французский и с французского на русский. Получается и долго, и не всегда точно.

Тут полковник Кольман сделал паузу, посмотрел на меня и моего начальника и продолжил:

– Я попрошу Рудольфо кое-когда выручать меня и для особо важных переговоров отпускать со мной Луизу, а вам с моими переводчиками даже лучше. Они у меня как гвардия.

– Иногда, конечно, выручим, – ответил мой начальник.

Через несколько дней я встретилась с Кольманом на ужине в провинциальном комитете партии. Меня посадили между Рудольфо и Кольманом. Развернулась оживленная беседа, в которой больше всего пришлось говорить мне: переводила испанским товарищам то, что говорили Кольман и Рудольфо, а для них то, что говорили испанские товарищи. При этом живом обмене мнениями я увидела в Кольмане политически хорошо подготовленного и знающего военное дело человека. Он быстро и, судя по ответам испанских товарищей, очень удачно отвечал на их вопросы, хорошо знал обстановку на фронте.

На встрече мы узнали, что весь руководящий состав провинциального комитета с первых дней мятежа ушел на фронт, оставив в Хаене одного члена комитета – инвалида Педро Мартинеса. Тут распоясались местные анархистские вожди. Они вместо мобилизации сил на борьбу против фашистских мятежников занялись организацией коммун и самовольными экспроприациями.

Мартинес не смог приостановить действия анархистов. И только когда весь комитет партии вернулся в Хаен, были

ликвидированы перегибы, и явочным порядком была проведена земельная реформа в интересах сельской бедноты. И крестьяне самостоятельно убирали урожай олив в прифронтовой полосе и на «ничейной» земле, в полосе между республиканскими и мятежными войсками.

– Наша провинция, – сказал Валенсуэла, – вместе с провинцией Кордова дают наибольшее количество олив и оливкового масла. Красива и богата Андалузия, – продолжал он, – но народу ее не везет. В 711 году через нее началось вторжение арабов, а в 1936 году мятежники через Андалузию начали переброску своих войск из испанского Марокко. В портах Андалузии высаживаются итальянские фашистские интервенты, с их помощью мятежники заняли больше половины провинции. Итальянцы рвутся к Альмадену, где находятся богатые залежи ртутной руды, другие полезные ископаемые.

– Но нельзя забывать и о вкладе Андалузии в революционную борьбу, – вмешался другой секретарь – Арока. – В наш век в Андалузии чуть ли не каждый год были крестьянские волнения. В марте 1932 года на четвертом съезде КПИ в Севилье были разгромлены сектанты, и генеральным секретарем нового ЦК был избран севильский рабочий Хосе Диас.

– Нельзя не гордиться и тем, что андалузцы пятого полка в Мадриде показали чудеса стойкости, – добавил Валенсуэла.

И он предложил тост «за мужественных андалузских воинов, за скорый разгром мятежников и интервентов».

За ужином было немного тостов, но много говорилось об Андалузии, ее богатствах, людях и крестьянах, которые убежали от мятежников и мужественно сражаются в составе легендарного пятого полка, и о рабочих рудников и металлургах, изготовлявших оружие для республиканской армии. Говорили и о вреде, который приносят своими действиями анархисты.

– При слабости центральной власти анархисты чувствовали себя «как рыба в воде», – сказал Валенсуэла. – Если в первые дни мятежа в Каталонии рабочие-анархисты мужественно сражались, то вскоре их лидеры своими действиями нанесли огромный вред борьбе против мятежников. Они отрицали дисциплину и порядок, объявляя их покушением на свободу личности. Войну они считают второстепенным делом, а главным – установление так называемого «либертарного коммунизма». Не желая допустить создания регулярной армии, они дошли до того, что в августе призвали мобилизованных каталонцев самовольно покинуть казармы. На своем митинге в помещении барселонского театра «Олимпия» тогда же анархисты приняли решение о согласии влиться в народную милицию для немедленного наступления на

Сарагосу, но подтвердили свой отказ идти в регулярную армию. Вы были под Теруэлем, – продолжал Валенсуэла, обращаясь к нам, – и видели, как вели себя анархисты. Призывы нашей партии к формированию регулярной армии с твердой дисциплиной анархисты объявили доказательством того, что «коммунисты продались буржуазии». Они создают тайные склады оружия, вооружают свои бездействующие колонны. Наконец, их демагогия, борьба против дисциплины на производстве, дикие расправы с политическими противниками, особенно с духовенством, вплоть до поджога церквей, служат на руку фашистской пропаганде. Анархистские профсоюзы в Каталонии, национальная конфедерация труда, кратко – СНТ, объединяет четыре пятых организованного рабочего класса и обладает большей властью, чем правительство. В Барселоне находится и штаб Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Это уже не рабочие, а политиканы.

Валенсуэла делал паузы, я переводила. Выпив воды, он продолжал:

– СНТ и ФАИ всерьез готовятся к вооруженной борьбе против коммунистов и социалистов. Они насильственно проводят коллективизацию в сельском хозяйстве. Захватывают предприятия и вывешивают на них свои черно-красные флаги. И захваченными ими предприятия не работают на оборону и, по сути, являются потерянными для республики.

– Пробовали безобразничать анархисты и у нас, – вставил Арока, – но мы их утихомирили.

Встреча с Валенсуэлой невольно вызвала у меня воспоминания о работе в Международной ленинской школе при Коминтерне, куда ЦК ВКП(б) направил меня в 1935 г., после окончания Ленинградского восточного института. Работала я переводчицей в секторе «Л», где учились испанцы, португальцы и латиноамериканцы. Работать было очень сложно. В институте преподаватели говорили с нами медленно, а испанцы, особенно баски, говорили так быстро, как очереди из пулемета, и концы фраз точно глотали. Латиноамериканцы говорили, к счастью, медленней испанцев.

Транспорта не было. Ездили только на общем транспорте. Особенно сложно было возить группы зимой на экскурсии, в театры и кино. Одеты слушатели были в наши зимние ватные черные пальто, на голове – шапки-ушанки. На родине они привыкли ходить в легкой одежде, а тут в тяжелой зимней одежде они становились неповоротливыми как медвежата. Русского языка не знали. Пока они все зайдут в трамвай, я стою у передней площадки и слежу, чтобы все сели, и, как войдет в вагон

последний, говорю водителю: «Можно отправлять».

Не знали мы иногда покоя и ночью. Частенько приходилось вставать ночью и принимать меры по оказанию медицинской помощи внезапно заболевшим слушателям. Хорошо, что поликлиника была близко от нашего общежития.

Все собрания и лекции по общим вопросам проходили на Волхонке. Каждый переводчик сажал своих подопечных в одно место, чтобы удобней было переводить. Зал был большой, народу много, каждый переводчик говорит громко, и получалось со стороны, как на шумном восточном базаре. Одни переводили на испанский, другие на английский или немецкий, а Нора Чегодаева (моя хорошая знакомая) – и на другие романские языки.

Перед слушателями не раз выступали Г. Димитров, Коларов, Вильгельм Пик, Пальмиро Тольятти, Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова и другие советские и иностранные товарищи. Надо было иметь оловянное горло и здоровые легкие, – целый час так «говорить», чтобы тебя не заглушили другие.

Советские люди с уважением относились к нашим иностранным друзьям. В Днепропетровске был однажды такой случай. Несколько переводчиц в парке перешагнули через ограждения и сели на скамейку. Это заметил милиционер, сердито засвистел и направился к ним. Мы разговаривали по-испански. Милиционер, услышав наш разговор, сказал, что так переходить нельзя, потом это показал жестами и, козырнув, убрал штрафные талоны и отошел от нас, думая, что мы иностранцы.

При загородных экскурсиях, когда нам приходилось останавливаться в гостиницах, были случаи, когда нас тоже считали за иностранок и удивлялись, что мы так хорошо можем разговаривать по-русски.

На этом ужине был и еще один бывший слушатель Международной ленинской школы – Мартинес. Теперь он подтрунивал надо мною.

– Луиза! Вас не зря в Днепропетровске приняли за испанку. Вы действительно так говорите по-испански, что вполне можете себя выдать за валенсианку.

За ужином много говорили о Советском Союзе.

– А помнишь, Анна, как в 1935 году, будучи на практике на Днепропетровщине, в деревне Хортица, мы молотили пшеницу? – спросил Мартинес.

– Как же, помню! У всех в волосах было столько пыли и мякины, что превратились в дикобразов.

– Ну и поездка была! – продолжал Валенсуэла, – Днепрогэс!

Замечательно! Неповторимо! Кто на Днепрогэсе не бывал, тот и чуда не видал! – произнес мой собеседник и стал рассказывать, уже в который раз, о гиганте советской индустрии, о больших заводах в Запорожье и Днепропетровске. Это мощь, это сила!

– Да! – ответил Кольман, добавив: – У нас есть все, чтобы дать немедленно решительный отпор всяким агрессорам: есть и промышленность, и хорошо вооруженная и обученная Красная Армия. Ее мощь растет из года в год, а военачальники и командиры имеют и опыт гражданской войны, и нужную подготовку.

– О, да! Ваши пушки, самолеты и танки лучше немецких и итальянских! – восторгался Валенсуэла.

Я заметила, как испанские товарищи тепло и внимательно относились к советскому советнику на Южном фронте – Вильгельму Ивановичу Кольману.

– Очень хороший, энергичный товарищ, – сказал мне Валенсуэла. – Жалко, что я плохо говорю по-русски, а товарищ Кольман вовсе не говорит по-испански.

Кольман, видимо, понял, что разговор идет о нем.

– Что это вы меня склоняете? – спросил он.

– Валенсуэла с похвалой говорит о вашей работе.

Вскоре после прибытия в Хаен состоялось общее собрание отряда, на котором присутствовал и товарищ Валенсуэла.

Тогда многие иностранцы еще плохо знали испанский и в каждой группе один из них, лучше других понимавший его, переводил остальным.

Прошло более 40 лет, как я покинула Хаен, но и сейчас мысленным взором хорошо вижу небольшой город, окруженный садами и оливковыми рощами, приютившийся у склона горы, из-за которой не раз вылетали фашистские стервятники, обрушивая бомбы на мирных жителей.

В Хаене Рудольфо опять начал все сначала. С раннего утра до позднего вечера занимался подготовкой нового пополнения, налаживал производство мин, гранат. Правда, теперь у него были помощники – это ученики первого набора, прошедшие солидный курс обучения. Некоторые из них побывали в тылу врага под Теруэлем. Мне было поручено заниматься материальным обеспечением, связью с провинциальным комитетом партии. Это было довольно трудно, так как у нас уже было больше ста человек, а на довольствии мы нигде не состояли и жили благодаря заботам Хаенского комитета партии.

Партизаны действуют

Дней через десять Рудольфо с одной группой уехал для действий в тылу врага под Гранадой, а Доминго Унгрия с другой – в Вилла Нуэва де Кордова.

Вопреки моему желанию, Рудольфо оставил меня в Хаене, где было человек 40 обучающихся.

Иван Гранде уехал с Рудольфо, а Иван Хариш оставался в Хаене.

– Не горюй, Луиза, мы еще свое возьмем, – сказал мне Хариш за ужином.

Группы Доминго и Рудольфо изучали обстановку и готовили диверсии.

Доложив первые полученные от Доминго данные об обстановке в тылу врага, я задержалась у полковника Кольмана.

У него был маленький штаб: два переводчика, радиостанция, радист Николай Иванович Миронов, всегда довольный и весело улыбающийся, с фотоаппаратом, готовым щелкнуть в любой момент. На пару с ним работал шифровальщик Иван Алексеевич Гарбар – высокий, внешне замкнутый. Видимо, сказывалась его специальность: «всегда все секретно».

После ужина сидели у фонтана, в дворике, обнесенном высокой стеной, а внутри – цветы и аквариум с рыбками.

Николас заводил патефон, слушали музыку – испанскую и советскую, я мысленно уносилась в Москву – на Родину.

Хотелось посидеть и отдохнуть, но пришел Пепе и, поздоровавшись, сказал:

– Луиза! Састре с Харишем собираются на ночные занятия. Им нужны мины и какие-то взрыватели, а ключи у вас!

Я стала прощаться. Кольман решил меня проводить. Выдав все необходимое для занятий, мы вернулись. «Штаб» уже разошелся, мы остались вдвоем и продолжали прерванную беседу.

Разговорились о работе.

– Очень мне трудно с моими переводчиками, – сказал Кольман. – Разговор через два «трансформатора». Командующего фронтом раздражает одно появление сей «гвардии», а когда начинаю беседу, он явно нервничает, постукивая по столу пальцами, пока с русского переведут на французский, а с французского на испанский…

Видя, что я задумалась, Кольман сделал паузу и затем продолжал.

– Луиза! Мне приходится разговаривать с испанскими

военачальниками, нужно говорить убедительно и кратко. Мне необходим настоящий переводчик. Переходите ко мне! Что вы делаете у Рудольфо? Занимаетесь по хозяйству, спите на динамите? Да у него есть еще два переводчика, которые могут вас заменить. Работать у меня будет несравненно лучше. Вы почувствуете себя хорошо в нашем маленьком коллективе, и не надо будет ни о чем заботиться. Все будет!

– Но как на это посмотрит Рудольфо?

– Нужно лишь ваше согласие, а остальное беру на себя. Война есть война. Ему прикажут – и все.

Я уже была готова согласиться, но наш разговор оборвал телефонный звонок.

Рудольфо нашел меня и здесь!

Поздоровавшись, осведомившись о моем здоровье, сказал:

– С местной дирекцией все согласовано. Наши артисты могут выступать вместе с любителями. Подготовь срочно семь гитаристов.

Это значило: «С командованием боевых участков все согласовано. Наши диверсионные группы могут действовать во вражеском тылу совместно с добровольцами из подразделений, находящихся на фронте. Подготовить диверсионную группу в составе 7 человек.

Я доложила Кольману о полученном задании.

– Все это и без вас могут сделать. Переходите скорее ко мне, не пожалеете.

– Подумаю, – сказала я, прощаясь.

– Не задерживайтесь, а то динамит, он и есть динамит, да и угонит вас Рудольфо куда-либо в деревню, – напутствовал меня Кольман.

Его предложение заставило меня действительно задуматься. Фактически я уже не работала в качестве переводчицы, а превратилась в помощника Рудольфо. В его отсутствие со всеми вопросами шли ко мне. Было очень трудно, но и в то же время я чувствовала, что приношу пользу, помогаю в подготовке людей к операциям, да и сама многому научилась. Но предложение Кольмана меня все же прельщало и не только потому, что «Рудольфо угонит в деревню». В деревне я выросла и работала. В деревне и воздух лучше и спокойнее, но Кольман очень нуждался в замене двух «трансформаторов», как он называл иногда своих переводчиков, одной переводчицей.

Утром встретила Ивана Хариша. Он был в хорошем настроении.

– Выполнил задание досрочно! Изготовил все три образца мин, – сказал он.

– Хорошо, – ответила я. Но, видимо, так ответила, что Хариш понял что-то неладное.

– Вы чем-то расстроены, Луиза? – заметил он.

Я посмотрела на Хариша, восхищаясь его неутомимостью, рассудительностью, большим жизненным опытом, и мне захотелось с ним поделиться своими намерениями.

– Слушайте, Хариш, мне предлагают новую работу – переводчицей у товарища Кольмана, как вы на это смотрите?

Хариш недоуменно посмотрел на меня и улыбнулся.

– А как же Рудольфо?

– Я ему как переводчица уже не нужна!

– Но ему нужны не только переводчики. Нужны и помощники.

– Переводчиков себе он уже нашел, есть у него и помощники.

– Нет! Не пустит вас Рудольфо. Вспомните, как хотел от него уйти Иван Крбованец. Не пустил. Съездил на станцию и не отпустил, а с вами он не расстанется.

– Прикажет начальство. Он человек военный. Вы и без меня обойдетесь.

– Если новое назначение зависит от вас, то я не советую уходить. Возвратитесь домой – будет о чем рассказать, будет о чем вспомнить, ведь мы – республиканские диверсанты!

Хариш сделал небольшую паузу и, глядя в упор на меня, продолжал:

– Не советую, Луиза! Мы к вам и вы к нам уже привыкли.

Как всегда неожиданно, вошла Эсперанса, занимающаяся вопросами снабжения, финансами и исполняющая обязанности секретаря.

– Луиза! Финны опять просят водки, – выпалила она.

– Никакой водки! Приехали воевать, а не водку хлестать, – сердито сказал Иван Хариш. – Если им нужна выпивка, то надо было идти к анархистам, те нам еще в порту, как прибыли в Испанию, предлагали вдоволь коньяком поить, только переходи к ним.

– Никакой водки! – подтвердила и я и пошла беседовать с финнами. Увидев меня, они сразу присмирели. Один из них понимал по-английски. Поговорили и согласились, что коньяку выпьем только после удачных диверсий…

Сразу занялась подготовкой для Рудольфо диверсионной группы. Отправив «гитаристов», я всё думала о том, что мне делать: дать согласие Кольману или остаться с диверсантами.

Рудольфо с группой из-под Гранады задерживался. Нетерпеливая Росалина ждала своего Мигеля. Она даже приготовила ему подарок.

Рудольфо вошел неожиданно.

– Росалина! Наши приехали! – позвала я, увидев прибывших.

– Подожди, Луиза, подожди! – пытался предупредить меня Рудольфо, но было уже поздно.

Сияющая Росалина вбежала в комнату.

– Салуд, камарадас! Салуд! – радостно приветствовала она прибывших, но те не отвечали. На их лицах – растерянность и печаль. Среди них не было Мигеля.

По виду вернувшихся я поняла, что случилось тяжелое, трагическое.

– Где Мигель? – спросила Росалина упавшим голосом.

Все продолжали молчать.

– Где Мигель? – уже крикнула девушка.

Хуан Гранде снял берет и произнес:

– Мигель… погиб в бою.

Все сняли головные уборы. Росалина бросилась в свою комнату и, рыдая, причитала: «Мой, мой дорогой Мигель»…

Все пробовали ее утешать, но она долго не могла успокоиться.

Когда Росалина немного пришла в себя, я сказала Рудольфо:

– Кольман просил тебя по прибытии сразу зайти к нему. – Я осталась с Росалиной.

Рудольфо вернулся от Кольмана не в духе. А утром мы уезжали с группой в Вилла де Кордова.

Доминго встретил нас радостно. Он уже все подготовил для создания опорной базы и организации еще одного филиала школы.

– Формирую конный диверсионный взвод, – не без гордости говорил он Рудольфо, показывая первых 8 лошадей, которых он достал с помощью Хаенского комитета партии.

Первый кавалерист, которого я увидела, был сын Доминго – бойкий восьмилетний Антонио – довольный, он гарцевал на спокойном красавце.

Прошло уже больше тридцати лет. Сохранились лишь краткие записи, и многое приходится восстанавливать по памяти, но одной своей памяти мало. К счастью, живы еще участники событий, и во многом они мне помогли.

Сохранились в библиотеках пожелтевшие газеты тех времен. Очерки наших корреспондентов, краткие сообщения позволяют уточнить: 8 февраля 1937 г. – падение Малаги. Наступление мятежников и интервентов вдоль побережья на восток захлебнулось западнее Альмерии; варварский обстрел этого мирного города немецко-фашистским линкором; правительство

Испанской республики объявило мобилизацию мужчин; 25 февраля фашистские стервятники зверски бомбили маленький город Андухар. Особенно впечатляют незабываемые очерки о разгроме мятежников и интервентов под Гвадалахарой, сообщения об отражении атак противника под Пособланко. Есть сообщения и о диверсиях, о взрыве нашими подразделениями поезда с боеприпасами под Монторо…

Большое значение в сложных условиях нашей деятельности имела партийно-политическая работа. О ней нам не раз напоминали в ЦК компартии Испании, давая практические советы, оказывая всестороннюю помощь. Политическая деятельность коммунистов, да и всех партизан формирования под командованием Доминго Унгрия была направлена на воспитание у партизан веры в победу над врагом, веры в мощь своего оружия, особенно – мин, воспитание стремления совершенствования своего боевого мастерства, бдительности. Велась работа в тылу мятежников по вовлечению широких масс на борьбу с фашизмом и по разложению вражеских войск, по разоблачению провокационной деятельности троцкистов и анархистов.

Партийно-политическая работа, по сути, была непрерывной и плановой. Содержание, формы и методы этой работы зависели от конкретных условий и выполняемых задач. Главными методами политической агитации и пропаганды были разъяснение и убеждение.

В ходе учебы и на отдыхе проводились политические занятия, беседы, читки газет.

Среди населения и войск противника партизанскими разведчиками распространялись листовки с цветными рисунками, которыми нас снабжали Центральный и Хаенский провинциальный комитеты партии.

Яркие рисунки с выразительными надписями убеждали в необходимости борьбы с фашизмом, разоблачали вражескую пропаганду и информировали об успехе республиканской армии, о солидарности народов мира с республиканской Испанией.

Листовки распространялись с помощью разведчиков, действовавших в глубоком тылу врага, а также непосредственно партизанами в ходе операций. При этом обращалось внимание, чтобы это распространение было безопасным для самих исполнителей и не способствовало бы врагу в обнаружении партизанских баз.

Политическое обеспечение боевых действий включало и учет морального воздействия на население результатов наших боевых дел. Об этом нас предупреждал Берзин, это понимали и Рудольфо, и Доминго Унгрия. Они выбирали такие объекты,

разрушение или уничтожение которых не затрагивало интересов широких масс населения, и оно радовалось бы успеху партизан, как, например: крушение воинского эшелона, подрыв автомашины с мятежниками, интервентами или боеприпасами.

В свободное время, во время учебы и на базах в тылу врага партизаны просили Рудольфо рассказать о действиях советских партизан. И мне приходилось переводить эти рассказы о мужестве и отваге, находчивости и хитрости советских партизан, действовавших в тылу Деникина, Колчака и Врангеля, о чем много мог говорить Рудольфо, работавший с партизанами в конце 20-х и первой половине 30-х годов.

Партизанская разведка

Еще готовясь к выезду на Южный фронт, Рудольфо пытался наряду с минерами готовить и разведчиков. Опыт действий нашей группы под Теруэлем показал, что надо иметь свою разведку, а не рассчитывать только на разведку, которую ведут войска, действующие на фронте. Однако оказалось, что разведчиков готовить труднее, чем минеров. Неграмотный крестьянин осваивал премудрости диверсионной техники и тактики, но не мог написать о том, что он знал о противнике.

Мне же, наоборот, было легче переводить на занятиях по разведке, чем по минно-подрывному делу.

Работая в Ленинской школе, мне уже довелось заниматься вопросами конспирации, тайнописи, организации связи в условиях нелегальной работы. И тут все пригодилось. Для ведения разведки Валенсианский комитет компартии специально подобрал группу добровольцев, наиболее соответствующих нашим требованиям. Разведчики готовились вместе с минерами. Последние тренировались по изготовлению и установке мин, а первые – выполняли разведывательные задачи.

И вот однажды Доминго Унгрия возвратился из ЦК компартии с молодым капитаном, которому можно было дать не более 20-ти лет, тогда как позже мы узнали, ему было уже 30 лет, – подтянутым, тщательно выбритым, в новенькой униформе.

– Командир батальона капитан Франсиско Кастильо, – представился он Рудольфо.

В ходе беседы выяснилось, что численность его батальона около 1200 человек, что в тылу мятежников он располагает большой сетью партизан-подпольщиков, которые работают в гарнизонах противника и на других важных объектах. Сам он юрист, происходит из древнего аристократического рода. Его полное дворянское имя – Франсиско дель Кастильо Саин де Техадо, но теперь – он коммунист. И это не случайно. Реакционеры перед мятежом убили его брата, лейтенанта штурмовой гвардии Хосе Кастильо, только за его антифашистские убеждения. Сам Франсиско, работая в нотариальной конторе, сблизился с коммунистами, выполнял их поручения, поддерживал контакты с прогрессивно настроенными кругами интеллигенции. Тогда он считался «сочувствующим». Когда вспыхнул фашистский мятеж, Франсиско Кастильо не раздумывал и с первых дней войны взялся за оружие вместо погибшего брата и на фронте вступил в коммунистическую партию Испании.

– У меня много разведчиков, но нет опытных людей, да и со

связью плохо. Иногда сведения о противнике поступают с таким опозданием, что они уже могут только ввести своих в заблуждение. Вообще мне нужна помощь в подготовке разведчиков, организации связи и улучшении информации.

С прибытием Франсиско Кастильо Рудольфо и Доминго Унгрия еще больше внимания стали уделять созданию своей разведки.

Прибыв в Хаен и установив контакт с Франсиско Кастильо, Рудольфо и Д. Унгрия начали организовывать разведывательную службу.

Разведывательная работа так меня захлестнула, что мне пришлось выезжать на встречи, собирать и обрабатывать материалы, а позже – ставить задачи разведчикам.

Заместителем командира по разведке и начальником разведывательной службы был Агустин Фабрегас, наиопытнейший подпольщик, прекрасный организатор и замечательный товарищ. Ему было около 60 лет, и он часто болел, приходилось мне не только помогать ему, но иногда и замещать его.

– Луиза! – говорил он сокрушенно, когда надо было составлять сводку или донесение, – Вы знаете, что интересует Рудольфо, а что Кольмана, разберитесь и составьте донесения.

Разведслужба охватила огромную территорию Южного фронта. Можно сказать, что созданная Франсиско Кастильо при помощи Рудольфо и Доминго Унгрия партизанская разведка носила всеохватывающий характер: на глубине до 100 км в тылу врага не было такого места, куда не проникали бы партизанские разведчики, вплоть до важных военных аэродромов. Помимо ценной информации многие наши разведчики совершали и диверсии с помощью самодельных мин замедленного действия (МЗД). Особенно усилилась диверсионная деятельность после создания малых магнитных мин замедленного действия, которые устанавливались мгновенно на металлических деталях и взрывались тогда, когда они далеко уезжали (если их ставили на поезде или автомашине), или тогда, когда разведчик к моменту взрыва мин мог отойти и быть вне опасности.

Перевод меня на работу в разведслужбу стал возможным только благодаря тому, что Рудольфо с трудом удалось обзавестись разведчиками из числа интербригадовцев, а также так сработаться с водителем, чтобы тот стал понимать Рудольфо, как говорят, с полуслова. (Рудольфо говорил всегда в инфинитивах, заменяя одни понятия другими, а водитель говорил как надо).

Чех Ян Тихий и югослав Хуан Пекеньо (Маленький), как

звали Ивана Хариша испанцы за его маленький рост, выполняли обязанности переводчиков на занятиях по минно-подрывному делу и участвовали в отдельных диверсионных операциях в тылу противника.

Иван Хариш как-то особенно привязался к Рудольфо и помимо того, что тот давал на общих занятиях, он пытался как можно больше узнать о партизанской борьбе в тылу белогвардейцев и иностранных военных интервентов в России в годы гражданской войны. И не напрасно! Все это ему пригодилось потом в борьбе за свободу Югославии.

Я пыталась помочь Рудольфо в изучении испанского языка, но напрасно: ему было не до грамматики. Он уже изъяснялся по-испански с водителями и Доминго, но у него еще не было нужного запаса слов, а не зная грамматики, он все глаголы произносил в инфинитиве. При переговорах с командованием он не мог обойтись без меня, особенно при организации переброс групп в тыл врага на новые участки.

Все увеличивающийся размах диверсионной и разведывательной деятельности требовал соответствующего материального обеспечения.

Несмотря на помощь и содействие Хаенского провинциального комитета коммунистической партии, наши неузаконенные и всё численно возрастающие подразделения ощущали недостаток в боеприпасах, взрывчатых веществах, бензине и других средствах, необходимых для обучения и вылазок в тыл противника.

Не раз приходилось мне ездить в штаб Южного фронта и там вместе с нашими командирами «выбивать» все необходимое.

– Поедем, Луиза! – говорил мне обычно Доминго. – Поедем!

Когда он ко мне обратился в первый раз, я удивилась

– Вы же капитан испанской республиканской армии, – сказала я, – и в переводчицах не нуждаетесь.

Капитан хитро улыбнулся и ответил:

– Я испанец, мне придется в штабе разговаривать с начальниками. И они могут сказать: «Нет приказа! Вы не состоите у нас на довольствии». И все.

– А у меня нет никаких всемогущих документов, – ответила я.

– Луиза! Вам их и не надо. Вы советская женщина – и все.

И мы поехали. Я волновалась, когда первый раз входила в штаб, но нам там оказали столь радушный прием, что я вначале даже забыла, зачем мы и приехали. Угощали апельсиновым соком, кофе, расспрашивали о Советском Союзе и были поражены, узнав, что у меня в Москве осталась маленькая дочь, а я добровольно поехала в Испанию.

Пока мы разговаривали, Доминго успел получить наряды на боеприпасы и пачку талонов на бензин.

– Испанские республиканские офицеры не могли отказать советской женщине! – сказал он мне радостно, когда мы садились в машину.

Потом я не раз ездила с ним и с другими командирами отряда, и нас всегда радушно принимали. Пока я рассказывала о жизни на нашем далеком севере, о медведях, оленях (о чем только меня не расспрашивали), представитель партизан неизменно успевал получить все необходимые наряды…

Вести из Севильи

Как бы ни был занят Доминго делами своего отряда, он не забывал ни о дочерях, ни о теще, оставшихся в занятой мятежниками Севилье.

Помню, как однажды Рубио, после разговора о предстоящем походе в тыл мятежников, обратился к Доминго:

– Товарищ капитан! Не произвести ли нам глубокую разведку в Севилье? Да заодно проведать ваших родных?

Доминго встал, прошелся по комнате и, глядя в упор на Рубио, ответил:

– Нет! Пока нельзя! Не научились мы еще совершать глубокие вылазки по тылам врага, а потом запомни, что никаких родственников в тылу мятежников у меня не осталось, и больше об этом не вспоминай.

– Знаю, что никто не должен знать, и никому я об этом не говорил, – ответил Рубио и, попрощавшись, поехал на задание.

– Луиза! – обратился ко мне капитан Доминго. – По прямой Севильи всего в 200 километрах от линии фронта. Очень хочется мне вытащить из фашистского ада девочек, но боюсь им повредить. Поймают связного или, еще хуже, схватят их на пути к фронту, и все пропало. Ты представляешь, как хочется мне их видеть. Но… надо действовать осторожно, чтобы не испортить дела!

И Доминго расспрашивал перебежчиков из Севильи о том, что там делается, но никогда не справлялся конкретно о своих дочерях и теще, чтобы мятежники не взяли их заложницами.

– Как бы нам организовать разведку в Севилью? – спросил он вскоре у Рудольфо, который еще в Валенсии знал о том, что у Доминго остались в Севилье дочери.

– Надо найти нужных нам перебежчиков из Севильи или пригородных сёл, проверить их в деле, а тогда можно и рискнуть, – ответил тот.

Время шло, перебежчиков из Севильи и ее окрестностей было мало, а нужных не было вовсе. Но все же у Доминго накапливались сведения о том, что творится в Севилье, и он интересовался районом, где остались дочери, разлуку с которыми капитан очень переживал. Хотя они для него не были родными дочерьми, он был для них хорошим отцом.

Доминго как святыню хранил семейный фотоснимок.

– Смотри, Луиза, – говорил он мне, показывая фотографию, – вот наша старшая дочь Эллиса, ей уже 16 лет, а вот младшая – Мария, а это моя теща с Антонио на коленях, а это – мы с

Росалиной. Какие хорошие девочки! – не мог удержаться Доминго.

Девочки действительно были красивы.

– Не дает мне покоя дума о том, как бы вывезти их из Севильи, – говорил Доминго, все еще рассматривая фотографию.

Глядя на то, как Доминго относился к маленькому Антонио, как заботится о дочерях Росалины, трудно было себе представить, что это не его родные дети.

Перед победой Народного фронта, в феврале 1936 года, Доминго находился во Франции в качестве политического эмигранта. Не раз ему приходилось эмигрировать в чужие страны, спасаясь от террора реакции. На чужбине он не завел семью и когда возвратился на Родину, судьба его свела с вдовой – Росалиной.

Она знала Доминго, когда тот работал еще нелегально. В их семье он скрывался от полиции, и дети знали ласкового дядю и очень обрадовались, когда он стал их отцом.

Однажды капитан Унгрия приехал в Вилья Нуэва де Кордова из Адамуса. Заметив прибывшую машину капитана, навстречу ему бросился Антонио. Доминго схватил его на руки, долго целовал, прижимая к себе, ласкал больше, чем всегда.

Увидев меня, командир отряда еще раз поцеловал Антонио и отпустил его. Когда убедился, что никого нет поблизости, он обратился ко мне:

– Сегодня узнал, что в Севилье фашисты усилили террор, берут заложников, как бы не попали мои девочки!

Доминго заметно волновался.

– Что делать, как спасти, если еще не поздно, Эллису и Марию? Может, рискнуть кого-либо послать туда? – спросил он меня.

Что могла я посоветовать в этом сложном деле? Не мне было решать такие вопросы.

– Посоветуйся с товарищами, – сказала я.

– Боюсь я с кем-либо советоваться, – ответил Доминго. – Боюсь, чтобы помощь не вышла мне боком. Всякая неосторожность может привлечь внимание к нашим девочкам. В Севилье никто не знает, что семья вдовы Росалии стала моей семьей. Никому я об этом не говорил, даже в отряде знают немногие, да и то лишь те, кто умеет держать язык за зубами.

– Тогда посоветуйся с Валенсуэлой. Он опытный партийный работник и, может быть, поможет не только советом, но и делом, – предложила я.

– А пока давайте поужинаем – утро вечера мудренее!

Доминго позвал Антонио, и все сели за стол. На этот раз

капитан больше, чем обычно, пил вино и почти не ел.

– Решил послать в Севилью группу Устароса, – сказал он. – Дам денег, может быть, сумеют передать их или даже вывести девочек из фашистского логова.

Я знала низкорослого Луиса Устароса. Он участвовал в операциях под Теруэлем, отличался спокойствием, дисциплинированностью и смелостью. Он уже сделал пару удачных самостоятельных вылазок в тыл мятежников на Южном фронте и, по-моему, он больше подходил для этой сложной операции, чем очень смелый, но излишне горячий Рубио.

О задуманной операции Доминго рассказал Рудольфо, и тот не возражал.

Никто в отряде, кроме нас с Рудольфо, не знал об особом задании группы Луиса Устароса, да и мало кто знал, что она пошла в Севилью.

Не догадывался об этом и Антонио, который по наказу матери напоминал папите о своих сестрах.

Перес Салас

– Довольно откладывать. Все готово. Поедем к командующему фронтом полковнику Пересу Саласу, – переводила я Доминго слова Рудольфо.

– Завтра поедем, – недовольно отвечал не любивший этих встреч Доминго. – Легче идти во вражеский тыл, чем ехать к нему.

– Опять завтра! Нет, не будем откладывать. Группы готовы, а без согласования с командующим фронтом мы не можем действовать, – убеждал Рудольфо.

И ему удалось уговорить капитана вместе поехать в штаб фронта.

Командующего не оказалось на месте, но все вопросы были решены без него.

Переговоры Доминго с полковником Пересом Саласом были необходимы для дальнейшего развертывания действий его групп в тылу мятежников перед полосой Южного фронта. Они состоялись после первых вылазок наших спецгрупп в тыл мятежников и фашистских интервентов под Гранадой и Кордовой.

Штаб Переса Саласа располагался в небольшом городке Андухар. Мы уже несколько раз проезжали мимо, были в нем, но Доминго избегал командующего, и Рудольфо решил повидаться с ним без капитана.

Дежурный доложил о нашем прибытии. Нас не заставили ждать.

Мы вошли в просторный кабинет. Из-за большого старинного, с причудливой резьбой, стола встал Перес Салас, уже немолодой полковник, высокий, с крупными чертами лица, угрюмый, в больших роговых очках.

С советниками не всегда доброжелателен, но учтив и вежлив. Предложил нам сесть, любезно угостил кофе.

Рудольфо излагал план действий отряда капитана Доминго Унгрия в тылу врага.

Хорошо подготовленная группа, состоящая из пяти-шести человек, может без потерь прийти, поставить мины и уйти, пустив под откос эшелон, уничтожив батальон или несколько десятков танков.

Едва я успела перевести эти слова, как полковник, не дожидаясь дальнейших объяснений, спросил:

– Значит, диверсанты поставят мины и уйдут, а кто будет в ответе, если на этих минах подорвутся не воинские эшелоны, а пассажирские поезда с мирным населением?

– Но в военное время, да еще на прифронтовых дорогах мирные люди в поездах не ездят, – переводила я ответ Рудольфо.

Перес Салас хмурился, заметно нервничал.

Прежде чем ответить, командующий, выпустив кольцо дыма, положил сигарету.

– У нас особая война. Плотность населения нашей небольшой страны значительна. На прифронтовых магистралях ходят и пассажирские поезда, они перевозят женщин и детей, которых мы не можем убивать.

– Но у нас есть возможность производить крушения только воинских поездов… – начал было Рудольфо. В это время позвонил телефон, командующий извинился и снял трубку. Он слушал, временами хмурясь, что-то приказывая, внося пометки в полевую книжку.

До встречи с Пересом Саласом мне много приходилось слышать о нем.

Говорили как о суровом, нелюдимом, упрямом, но знающем свое дело офицере, обладающем решительностью и большой силой воли; говорили и о его ненадежности и даже о связях с мятежниками. Но были и такие, которые положительно отзывались о строгом, но справедливом полковнике, который, несмотря на все посулы, не пошел в лагерь фашистских мятежников.

И вот, вспоминая услышанное о командующем, я наблюдала за его переговорами по телефону с кем-то из его подчиненных.

Крупные черты лица с серьезным, иногда злым выражением, большие очки с толстыми стеклами, седеющие волосы. Было заметно, как он нетерпеливо выслушивал ответы, говорил кратко, приказания отдавал четко и, что самое важное, заметно переживал то, о чем ему докладывали.

– Нет! – подумала я. – Хотя полковник и угрюм, и суров, но он и заботлив, и небезучастен к событиям – должно быть, он честный республиканский офицер.

Было заметно, что командующий устал от большого напряжения. Окончив разговор, он медленно положил телефонную трубку и извинился, что прервал беседу.

И все-таки мне тогда показалось, что Перес Салас не похож на испанца, слишком он был угрюм и строг. Испанцы, с которыми мне до того довелось встречаться, были радушны, веселы, некоторые – горячи. Он на них не был похож.

Вызвав дежурного офицера, командующий отдал ему какое-то приказание.

Будто позабыв о поездах, Перес Салас заговорил о другом.

– Советников у нас много, добровольцы к нам едут, а танков,

самолетов, пушек и снарядов мало, – жаловался командующий.

Рудольфо пытался ему доказать всю сложность доставки оружия из Советского Союза, но полковник молча курил, и только изредка по его лицу скользила ироническая улыбка. Когда я закончила перевод, он заговорил:

– Да, Россия огромная и загадочная страна – у русских самый большой и свежий опыт гражданской войны.

Затем, положив недокуренную сигарету, не дав мне времени для перевода, мило улыбаясь, командующий спросил:

– Простите, сеньора, вы тоже русская?

– Да, русская! И не только русская, но и советская, – с гордостью ответила я.

Командующий еще больше удивился, узнав, что я доброволец, что у меня в Москве осталась восьмилетняя дочурка и что я не жена, а переводчица Рудольфо Вольфа.

Нам снова подали горячий ароматный кофе.

– Вы, сеньора, если я не ошибаюсь, родились, выросли и учились в Москве или Ленинграде?

– Да, училась действительно в Ленинграде, работала перед отъездом в Испанию в Москве, а родилась и выросла в селе Дорогорском Мезенского района Архангельской области, всего в ста километрах от северного полярного круга.

– Это очень интересно! Значит, вы жили и в тундре и в таком красивом городе как Ленинград, и в Большой Деревне, как у вас некоторые называют Москву?

– Нет, сеньор полковник, в тундре я не жила. Тундра еще севернее. У нас в Мезенском районе леса славятся на всю область.

Рудольфо молча пил кофе, явно скучал, не понимая нашего разговора.

Наконец, заметив, что командующий очень любезно и оживленно со мной беседует, воспользовавшись паузой в связи с телефонным звонком, сказал мне:

– Расскажи полковнику о походах под Теруэлем.

И я начала свой рассказ с того, как первый раз мы ходили для действий на вражеские коммуникации. Вопреки ожиданию, Перес Салас слушал меня внимательно, не перебивая, отложив в сторону сигарету.

– Да, на это способны только русские женщины! У русских много партизанских традиций. Ваши партизаны и раньше действовали на чужой земле, – заметил на этот раз весьма дружелюбно Перес Салас. И я в первый раз увидела настоящую, добродушную испанскую улыбку на его лице, но она быстро исчезла.

Моя беседа с полковником не изменила его взглядов на

крушения поездов, на что рассчитывал Рудольфо. Об этом командующий больше не захотел говорить.

– О поездах мы еще поговорим, сеньорита! – и Перес Салас встал, давая понять, что беседа закончена.

Действительно, мы очень много времени отняли у командующего.

– Буду рад Вас видеть, сеньорита, меня очень интересует Ваша страна, Ваш народ, но, надеюсь, у нас найдется тема для разговора и без поездов, – сказал мне Перес Салас, прощаясь.

Капитан Доминго Унгрия, слушая мой рассказ о беседе с командующим фронтом, то зло хмурился, то ехидно улыбался.

– Хорошо! Посмотрим! – сказал он. – Пассажирские поезда не в наших интересах подрывать, а за воинские эшелоны нас не осудят, а чтобы нас не прогнали, будем выполнять еще и задания командующего…

Минеры могут ошибаться не один раз

И группы отряда, наряду с подрывом и выводом из строя автомашин другими способами, занимались и крушениями воинских поездов, пробовали подрывать и тоннели.

Помню, что вскоре приехал в Хаен очень расстроенный Доминго. Я решила, что случилась большая неприятность, о которой он и стал рассказывать Рудольфо.

– Перес Салас поставил мне задачу разрушить тоннели на участке Пеньярроя – Кордова, приказал начальнику штаба выделить в мое распоряжение саперов и с ними полтонны динамита. Послал я с саперами Маркеса. Тоннель большой, а охрана слабая, всего двое часовых, да в караульном помещении человек пять. Охрану сняли, у входа в тоннель заложили все пятьсот килограммов динамита. Говорят, сильный взрыв был. К утру отошли в горы. Сидят в лесу на склоне и наблюдают, что делается на железной дороге.

Доминго говорил горячо и быстро, и Рудольфо ничего не понимал.

– Обождите немного, – попросила я капитана и начала переводить.

– Значит, отдыхают после трудов праведных, – заметил Рудольфо, но я не стала это переводить, и Доминго продолжал:

– …До обеда – ни одного поезда, уже и солнце на закат пошло. Вдруг видят, идет эшелон из Кордовы. Ну, думают, сейчас будет ремонтников высаживать, но состав скрылся в тоннеле. Примерно через час движется другой, но уже в Кордову, значит, прошел через восстановленный тоннель. И крыл же я своего Маркеса! Как это так – полтонны динамита взорвать без пользы?

Доминго продолжал говорить быстро и взволнованно, я едва успевала переводить. Оказывается, его уже вызывал командующий, ругал за то, что не выполнили задание, дал ему еще целую тонну динамита и приказал взорвать другой тоннель, нарушив этим на неделю движение.

– И вы думаете, что этого можно достигнуть взрывом тонны динамита в небольшом тоннеле? – спросил Рудольфо.

– Да! Большой тоннель уже сильно охраняют, чего не делали до нашего появления, а малые и теперь охраняют слабо. Бесшумно снимаем охрану, сверху выроем над входом яму, поставим заряд, взорвем его и завалим тоннель, даже израсходуем меньше тонны динамита, – уверенно заявил

Доминго.

Рудольфо с ним не согласился, доказывая, что выкопать яму не так легко, как представляет себе капитан, к тому же, может, не удастся бесшумно снять охрану. Он произвел на бумаге расчеты и убедил Доминго, что даже при благоприятных условиях тонной динамита, взорванной над входом в тоннель, нельзя задержать движение поездов не только на неделю, но и на 3–4 суток.

– А что, если нам организовать крушение и пожар поезда внутри большого тоннеля? – спросил Рудольфо, когда Доминго немного успокоился.

– Как это можно сделать? – спросил капитан. – Когда его охраняет почти целый батальон? Разведчики видели, какие строятся перед ним укрепления. Ведь он длиной около полутора километров. Нет, нельзя! – и Доминго, махнув рукой, отрицательно покачал головой, затем стал на карте показывать, где, по данным разведки, находится охрана.

– Она удалена от входа всего на полкилометра. Можем взорвать поезд в тоннеле при помощи «схватываемых» паровозом мин.

Рудольфо объяснил, как они устроены. Доминго вначале относился скептически.

Вызвали Санчеса. Рассказали ему.

– Попробуем, – сказал тот, поняв, в чем дело.

Доложили об этой идее первому секретарю провинциального комитета партии Валенсуэле. Тот помог найти все нужное, и к утру следующего дня две мины были изготовлены и опробованы, опять-таки с помощью провинциального комитета партии. Испытание производилось на подходе к станции Хаен. Паровозом управлял свой партизан, поэтому оно осталось никем не замеченным.

В тот же день вечером группа минеров во главе с Доминго вышла на операцию, взяв с собой всего две мины, несколько десятков килограммов динамита и полсотни самодельных зажигательных снарядов замедленного действия.

Через двое суток Доминго вернулся довольный и радостный.

– Очень хорошо! Замечательно! – начал он рассказывать. – Пришли к железной дороге больше чем за километр к югу от тоннеля. Поезда шли редко, но мы решили обязательно подорвать воинский эшелон или с грузом. Нам повезло. Идет тяжелый поезд с двойной тягой. Поставили мины, а сами наблюдаем, опасаемся – как бы не появился патруль. Приготовились его снять. Мы не видели, схватил ли мины паровоз или нет, но забросали состав зажигательными снарядами. Многие из них не удержались на платформах с ящиками и упали на путь, но не пропали даром:

загоревшись, привлекли на себя внимание охраны тоннеля. – Капитан замолчал, чтобы я перевела, а потом выпалил:

– В тоннеле раздался глухой взрыв.

– Надо срочно доложить командующему, – заметил Рудольфо.

– Уже доложил. Слушал внимательно. Похвалил. Сказал: «Посмотрим, на сколько будет задержано движение», – и приказал выдать талоны на бензин.

Как оказалось позже, головной паровоз эшелона с боеприпасами схватил мину и вошел с ней в тоннель. Как и рассчитывали минеры, взрыв произошел в тоннеле и вызвал крушение поезда. От зажигательных снарядов загорелись платформы и вагоны.

Больше недели понадобилось мятежникам, чтобы потушить пожар, вытащить остовы вагонов и платформ, исправить тоннель.

До Испании я только любовалась луной, особенно в теплые летние ночи, да зимой на севере луна своим светом делает полярную ночь светлой. В лунную морозную ночь видно далеко и так светло, что хоть газеты читай. А в Испании в лунные ночи я не раз слышала жалобы людей Доминго:

– Луна подвела! Нельзя незамеченным пройти по открытому месту.

В лунные ночи меньше проводилось операций в тылу врага, да и то только там, где можно скрытно ходить в тени лесов и кустарников.

В лунные ночи прекращались вылазки через линию фронта с преодолением широких водных преград.

– Луна для диверсантов вредна! – говорил Иван Хариш после возвращения на свою базу, когда на ночном небосводе висел ее огромный диск.

В одну из таких ночей Рудольфо разбирал сумку с минами тяжело раненого минера, и вдруг взорвался электродетонатор.

К счастью, все обошлось довольно благополучно: у Рудольфо на правой руке был полностью содран один ноготь, два других – наполовину, несколько десятков осколков попали в руку и грудь. Его перевязали и вместе с раненым в ногу минером отправили в Хаен.

Опытный и внимательный хирург, начальник медицинской службы фронта Фредерико дель Кастильо загипсовал раненого минера и извлек множество мелких осколков из руки и груди Рудольфо.

– Оказывается, минеры могут ошибаться не один раз! – заметил врач.

Рудольфо не вышел из строя. С перевязанной рукой, страдая от боли в поврежденных ногтях, он продолжал работать,

отправляя группы для действий на вражеских коммуникациях.

– Знали инквизиторы, – сказал он, – как мучить свои жертвы, когда загоняли иголки под ногти! – А у самого от боли на лбу выступал пот. В то время он со своими большими некрасивыми усами казался настоящим стариком, хотя на его голове не было ни одного седого волоса.

Иван Хариш – Хуан Пекеньо

Организация переброски групп в тыл противника была весьма сложной: выяснение в соответствующих штабах обстановки на фронте и выбор ориентировочно по карте места перехода через вражескую оборону, маршрута движения групп по оккупированной мятежниками территории; выезд на участок, уточнение и согласование на месте всех вопросов по обеспечению успеха операции.

Так было и на этот раз. Иван Хариш спокойно отдал своему заместителю все распоряжения по подготовке группы к предстоящей вылазке и сел в машину рядом со мной, Рудольфо впереди вместе с Пепе, и мы поехали на участок, где группа Хариша должна будет переходить линию фронта.

Для Ивана Хариша это была уже не первая вылазка, и он был в самом хорошем настроении. Он разговаривал, шутил, но не терял времени и внимательно изучал местность, делал заметки в своей полевой книжке.

Машина катила по белой пыльной дороге, оставляя за собой будто дымовую завесу, которую слабый ветер медленно сносил в сторону: мы ехали по небольшой долине, навстречу текла быстрая горная река. Потом мы стали по спирали круто подниматься в гору. Подъезжая к поворотам, Пепе неизменно сигналил и замедлял скорость, чтобы не столкнуться с встречной машиной.

Склон горы, по которому вилась дорога, порос редкой сосной и кустарником. На одном из поворотов водитель внезапно резко затормозил и загудел перед медленно переходящим через дорогу ослом, нагруженным корзинами с оливами. Мы проезжали то через дубовые лесочки, где было сумрачно и тихо, то через поляны, где виднелись небольшие валуны, проезжали и мимо олив, на которых было больше спелых черных плодов, чем листьев.

Сидя рядом с Хуаном Пекеньо, я невольно думала о том, сколько пережил за свою жизнь этот небольшой ростом, но сильный духом человек. Восхищалась им, его отвагой и инициативой, настойчивостью, выносливостью и мужеством при действиях в тылу противника, о чем уже знал весь народ. При разборе результатов операций Доминго и Рудольфо не раз отмечали Ивана Хариша как командира группы, которая в любых сложных условиях неизменно успешно выполняла задания: разрушала важные военные объекты врага.

Ивану «Малому» было тогда 33 года, а он уже успел

поскитаться по белу свету. Безработица в Югославии заставила Хариша в 23 года покинуть родную страну и выехать на заработки в Америку. Холодно приняла его и Канада. После двухлетнего пребывания там он решил податься в Мексику. Ему и там не удалось найти подходящую работу, хотя он был хорошим столяром. И вот началось путешествие по Америке: Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, Панама, Колумбия, Эквадор, Перу, Чили и, наконец, Аргентина. Работал там Иван Хариш не только столяром, но и с 1929 года в партийном подполье вместе со своим другом-поляком Филиппом Водопием.

Весть о контрреволюционном мятеже в Испании на следующий же день докатилась до Аргентины. Партийный центр в Буэнос-Айресе доводил до народа правду о событиях в Испании и собирал средства для оказания помощи республиканцам.

В ответ на интервенцию фашистской Италии и гитлеровской Германии в Испанию потянулись добровольцы, решившие плечом к плечу с испанским народом встать на защиту республики, отразить фашистское нашествие.

Хариш и его друг Филипп Водопий тоже обратились в партийную организацию с просьбой о направлении их в Испанию. Желающих было много, выехать было трудно. Однако Хариш и его друзья преодолели все препятствия и в сентябре 1936 года на грузовом судне, в бункере с углем, выехали из Аргентины в Европу.

– Ехали долго, – рассказывал мне однажды Хариш, – и когда подъезжали к Европе, то мне было радостно и чудно, что я живой возвращаюсь на свой континент. Ведь несколько раз смерть ходила вблизи меня в джунглях и в горах Латинской Америки. Ох, Луиза, – продолжал Хариш, – как хотелось мне попасть в Югославию, в свою Хорватию, туда, где родился, где живут родные! Но все тридцать пассажиров нашего судна спешили в Испанию, и события нас подгоняли. Мы боялись опоздать.

Десять лет Иван Хариш работал на чужбине, как он не раз выражался, «с требухом за крохом», что в переводе на русский язык значило: «с пустым желудком за хлебом». Все довелось познать ему: и холод, и голод, и тропическую жару, и жажду, и издевательства хозяев и полиции.

– Как худо на чужбине, – говорил он. – Для полиции ты не только рабочий, но и бездомный, бедный иностранец, а сколько этих бездомных, которые приехали в Америку, поверив рекламам и обману вербовщиков. В Америке я еще больше познал бесправие, угнетение, обман, чем в Королевской Югославии. Трудно найти другое место, где бы нищета и голодное существование так близко уживались с баснословной роскошью,

бесправие бедных – со свирепой властью двуногих пауков, владеющих землей и большими деньгами, нажитыми за счет присвоения плодов труда миллионов рабочих и батраков, часто умирающих от голода в трущобах больших городов или на дорогах, вблизи богатейших плодородных плантаций, – Хуан сделал паузу и продолжал:

– Я видел роскошные гостиницы, но ночевал в ночлежках, где одолевали насекомые.

– Неужели в Югославии нельзя было найти работу? – спросила я Хариша.

– Бесплатно можно. Я работал задаром в качестве ученика, когда был уже неплохим столяром. Вы себе, Луиза, не представляете нашу страну. Это плодородные равнины вдоль Дуная и его притоков, это горы, покрытые роскошными лесами, это ни с чем не сравнимое побережье Адриатического моря, защищенное с северо-востока высокими, но голыми горами, вдоль берега которого несколько десятков больших и несколько сот малых островов. Вода на Адриатическом побережье всегда чистая, спокойная, но только богатые люди могут отдыхать на этом чудесном побережье Ядраны. Это страна, в которой очень хорошо живет король, его семья и прихлебатели, страна, которую грабят иностранцы, в которой так много безработных, что они согласны работать за кусок хлеба, да и это им не всегда удается. Ежегодно десятки тысяч молодых людей уезжают на работу в другие страны, но и там большинство из них, хороших специалистов, влачит жалкое существование и умирает на чужбине в бедности или даже, прямо скажем, с голода. Только немногим удается выжить и вернуться на родину, чтобы быть похороненными на своей земле.

Много еще Хариш говорил о богатстве и красоте своей родной Югославии, трудовой народ которой не может ими воспользоваться и часто вынужден жить в бедности. Рассказывал и о том, что пришлось пережить Югославии:

– Сначала нас грабили и угнетали турецкие паши, потом – австрийские магнаты, – говорил Хариш, – а теперь доморощенные буржуи и феодалы вкупе с иностранными. Но придет время, и я твердо верю, что наш народ будет хозяином своей страны! Многие наши товарищи, – продолжал Хариш, – участвовали в России в войне против белых, а теперь воюют против фашистских банд. Придет черед и против четников да усташей воевать, чтобы очистить нашу землю от тех, из-за которых мне и многим тысячам других людей пришлось покидать Родину.

Я слушала Ивана Хариша и восхищалась его оптимизмом, его

любовью к своей Родине, верой в то, что она будет для него Родиной-матерью, где такие, как он, будут хозяевами страны.

С первого дня прибытия в отряд Иван Хариш, превратившийся в Хуана Пекеньо за свой малый рост, привлек к себе внимание Рудольфо своим усердием и пытливостью. Он быстрее всех и более полно изучил всю партизанскую технику, используя все ее возможности. Он пытался как можно больше узнать о тактике партизанской борьбы. Хариш расспрашивал Рудольфо о действиях партизан Сибири и Дальнего Востока, Украины и Белоруссии, на Урале, Кавказе и в Крыму, расспрашивал не только о партизанах гражданской войны, но и о партизанах 1812–1813 гг. Уже через месяц после приезда в Хаен Хуан Пекеньо не только ходил в тыл мятежников, но и обучал других технике и тактике партизанской борьбы.

Он переживал страдания испанского народа, вызванные фашистским мятежом, и раздавал нуждающимся свое жалование, и, как, впрочем, и многие другие наши диверсанты, он помогал бежавшим из занятых мятежниками районов и за счет трофеев.

Машина довольно быстро неслась по довольно хорошей дороге. Хариш о чем-то думал, смотря в окно, не зная, что я вспоминаю о наших с ним беседах, о том, кем же может стать Хуан Пекеньо в борьбе за свободу Югославии при его такое интересной и сложной биографии?

Перевалив через небольшой гребень, дорога выровнялась, и мы въехали в лес пробкового дерева. В глубине его я увидела небольшую отару овец, которые сгрудились у родника. Я попросила остановить машину. Мы взяли фляги и пошли к стаду. Неожиданно вперед вырвалась собака с поднятым хвостом и сердито залаяла, не решаясь подходить близко.

Пожилой пастух с подпаском, мальчиком лет 12-ти, стали кричать на нее, и она, уже примирительно несколько раз гавкнув, отошла.

Напились прохладной и вкусной воды из родника, наполнили фляги и распрощались.

Выехав из леса, очутились на возвышенности. Далеко впереди, точно мы и не ехали, виднелись высокие горы.

Наконец Пепе свернул в сторону, оставил машину под большим деревом с развесистой кроной и сказал:

– Приехали. Дальше нельзя. Придется немного пройти пешком.

До командного пункта добрались благополучно. Нас приветливо встретил молодой загорелый командир с пистолетом

на туго затянутом ремне. Поздоровавшись, взаимно представились.

Комбату уже была известна цель нашего приезда.

– Альфонсо! Пожалуйста, подайте нам кофе! – сказал комбат своему ординарцу, не спрашивая нашего согласия.

Выпив по маленькой чашечке кофе, Хариш, комбат, Рудольфо и еще несколько солдат пошли на наблюдательный пункт. Ходили они долго, и я уже начала беспокоиться, особенно когда на участке батальона послышалась ружейно-пулеметная перестрелка.

– Все в порядке, отличное место для переброски, сейчас поедем в Вилла Нуэва де Кордова, – сказал мне Рудольфо. Но поехать не пришлось. Раздался сигнал воздушной тревоги. Мы увидели в небе два вражеских самолета. Вели они себя нагло: летали низко, кружили как настоящие стервятники – видимо, вели разведку и выбирали цель. Вдруг от самолетов, точно короткие сигары, отделились бомбы. Вначале они летели почти параллельно самолетам, а потом все круче и круче падали на землю.

Мы слышали глухие разрывы за оливковой рощей, а фашистские стервятники медленно разворачивались и направлялись в нашу сторону.

– Бога ми! Так они могут и нашу машину обнаружить, – говорит Хариш.

– Возможно, – как-то безразлично отвечает комбат.

Между тем, самолеты противника на высоте около 300 метров парили над дорогой, по которой нам предстояло возвращаться в Вилла Нуэва де Кордова.

Иван Хариш посмотрел на часы, глянула и я.

– До обеда еще больше часа, – заметил он.

– К этому времени итальянцы обязательно улетят. Они никогда не опаздывают поесть. Давайте еще выпьем кофе, – предложил комбат.

– Нет! Разрешите, я проберусь на высоту, где находится ваш передовой пост, – попросил Хариш комбата.

– Но оттуда вы ничего нового не увидите, а вас могут заметить сверху итальянцы, – ответил капитан.

– Увидеть новое, действительно, возможно не удастся, но мне хочется поговорить с людьми, которые там находятся. Они помогут кое-что уточнить, – не унимался командир группы.

– Сходите, я пошлю с вами моего Антонио, – согласился комбат.

И трое: Хариш, Рудольфо и еще совсем молоденький солдат Антонио направились к передовому посту, находившемуся метрах

в 600 от командного пункта. Вначале они шли, пригнувшись, вдоль траншеи, потом вылезли и поползли, затем короткой перебежкой добрались до командного забора и пошли вдоль него, пока не скрылись из вида.

Я осталась на командном пункте под большими оливами. Перезрелые плоды усеяли каменистую землю.

– Все соберут! – сказал комбат, заметив, как я подняла горсть плодов.

Находясь на КП, я невольно сравнила увиденное здесь с тем, что видела под Теруэлем. Спокойствие, слаженность в работе, уверенность в победе над врагом. Воинская подтянутость. Да, испанская республиканская армия мужала.

– И зачем их среди белого дня понесло на передовую? Заметят, внезапно обстреляют… А тут еще эти итальянцы летают, – думала я.

Но ничего не случилось. Через полчаса итальянцы улетели, и наши возвратились. Выпили кофе, простились с гостеприимным капитаном и пошли к машине. Начался обеденный перерыв. Небо было чисто. На фронте полное безмолвие.

По пути, в 50-120 метрах от дороги, увидели свежие воронки от авиабомб. Еще пахло взрывчаткой.

– Тут стояла плохо замаскированная машина, – рассказывал довольный Пепе, – но итальянцы промахнулись первый раз, а потом пролетели мимо, может быть, у них и бомб не осталось. Думал, что заметили мой «форд», но нет. Не пожалел рук, наломал ветвей и так укрыл машину, что и сам бы не заметил.

Не успели мы отъехать от воронок, как Хариш воскликнул:

– Смотрите, летит! Заблудился или запоздал…

– Неважно: заблудился, запоздал или уже пообедал раньше других, а нам надо скорее и другие машины укрыть, – заметил Рудольфо.

Пепе не растерялся, быстро свернул в сторону и остановился под большим ветвистым деревом с красными стручками. Итальянец быстро приближался на небольшой высоте. Мы залегли за каменной изгородью. Все, кроме меня, открыли огонь по самолету.

Несмотря на обеденное время, по снизившемуся самолету стали стрелять из винтовок и пулеметов и другие подразделения. Казалось, сбить его нетрудно, но он продолжал лететь, набирая высоту.

Фашист улетел, и мы поехали дальше.

Пепе спешил на базу. Он нет-нет, да и поглядывал часы: обеденное время приближалось к концу.

На окраине Вилла Нуэва до Кордова мы увидели группу

женщин, затеявших стирку в проточной воде. Выстиранное белье висело на кустах и сохло. У каждого своя забота.

Вечером мы перебрасывали группу Хариша в тыл мятежников. На командный пункт прибыли засветло.

– Все подготовлено! – докладывал капитан, встречая нас как старых друзей.

Хариш был как-то особенно благодушно настроен. Он шутил, а в то же время был внутренне собран. У него все до деталей было продумано, предусмотрено.

– Что же у вас так мало патронов? – спрашивает комбат Хариша.

– Но зато у нас много взрывчатки, – отвечал Хариш. – Мы идем не для перестрелок. Нам они невыгодны. Когда мы стреляем, и в нас могут стрелять. У фашистов есть машины, и они быстро пришлют пополнение, а нам не от кого ждать помощи. Враг своих раненых на машинах в госпитали довезет, а мы своих должны нести, и кроме йода и бинтов у нас ничего под руками нет. А когда ставим незаметно мину, и на ней подорвется машина или полетит под откос поезд, и стрелять в нас если и будут, то как в божий свет, как в тень. Мы можем наблюдать издали за результатом своей работы, – убеждал капитана Хариш.

Когда солнце садилось, мы стали прощаться. Расставшись без эмоций, но мысленно, про себя я восхищалась людьми, которые шли в тыл врага, уверенные в своих силах, в успехе операции. Хариш еще раз напомнил о предполагаемых сроках возвращения и попросил:

– Дорогой мой капитан, обязательно предупредите, чтобы при возвращении ваши в нас не стреляли! – и напомнил пароль.

На этот раз Хуан Пекеньо как-то особенно тепло прощался со мной и, держа мою ладонь, сказал:

– До скорой встречи, Луиза!

– Счастливо! Постараюсь приехать встретить вас, – ответила я.

Группа Хариша бесшумно скрылась в наступающей темноте. Мы остались на командном пункте. Изредка доносились выстрелы. Потом все затихло. Через два часа с небольшим вернулись проводники из батальона.

Старший доложил капитану:

– Все в порядке! Группа благополучно прошла мимо передовых постов мятежников.

Через трое суток Хариш возвратился. Летчики Гусева сообщили Кольману еще об одном эшелоне, сваленном под откос.

База в тылу мятежников

Как правило, до середины февраля группы отряда Доминго совершали вылазки на вражеские коммуникации, каждый раз дважды переходя линию фронта. Чем больше времени находились они в тылу врага, тем больше происходило изменений на переднем крае, о которых они, из-за отсутствия связи, не могли знать, а при возвращении им грозила опасность столкнуться с патрулем и другими подразделениями фашистов. Правда, в ряде случаев на нашей стороне устанавливались световые маяки, служившие ориентирами. С их помощью можно было предупредить об изменениях обстановки или невозможности выйти по ранее намеченному маршруту, даже указать запасной участок, но, к сожалению, они не везде были применимы из-за рельефа местности.

При отсутствии маяков группа вслепую, очень медленно преодолевала передовую, выходила иногда в расположение своих войск, сама того не зная.

Иногда, обнаружив неизвестную крадущуюся группу, республиканцы предлагали ей остановиться, бросить оружие и поднять руки, не объясняя, кто они сами. Был случай, когда это привело к неоправданным потерям.

В отряде самое большое внимание обращалось на прием групп, на то, чтобы республиканские части не сочли наших диверсантов за вражеских лазутчиков.

Опыт показал, что хорошо иметь в тылу врага скрытые базы для завоза запасов продуктов и минно-подрывного имущества.

Наличие баз в тылу мятежников могло облегчить действия небольших диверсионных групп на путях сообщения и других объектах, увеличить их возможности. Переходы для выхода к цели стали бы короче, не пришлось бы каждый раз преодолевать линию фронта. Но зато возникали другие опасности.

Пребывание на такой базе возможно до тех пор, пока враг не знает о ее существовании.

Если бы ему удалось обнаружить базу и внезапно на нее напасть в первой половине дня, диверсионной группе было бы трудно выйти из-под удара карателей.

При создании баз предусматривались и запасные, и ложные, а главное – обеспечение конспирации и тщательной маскировки основных и запасных баз, исключение возможности внезапного нападения врага.

Первой такой базой стал заброшенный маслозавод в 12 километрах северо-западнее Адамуса.

База была организована по инициативе и при участии командира батальона испанской республиканской армии капитана Франсиско дель Кастильо. Он быстро втянулся в диверсионные отряды Доминго и принимал в них непосредственное участие. Ему, уже бывалому фронтовику, были понятны все неудобства и опасности частых переходов через линию фронта, особенно при возвращении на нашу сторону.

База предназначалась для облегчения ударов по путям сообщения и другим объектам фашистов на подходах к Кордове и была организована еще в середине февраля, но я туда поехала позже, когда у Рудольфо не осталось переводчиков.

Мы выехали из Хаена в Адамус в теплый, солнечный день. По пути, не доезжая Линареса, остановились в деревушке, где еще в январе крестьяне угощали нас свежими апельсинами. Хотя у меня были английские имя и фамилия, а у Рудольфа Вольфа – немецкие, но испанцы, с которыми мы работали, прекрасно знали, что мы русские, что мы – советские.

Вся наша конспирация была «липой» потому, что «штаб» наших советников в Валенсии стал общеизвестен, и мы не могли скрывать своего гражданства перед руководителями партийных комитетов провинции и командованием испанских республиканских частей.

Многие наши испанские друзья удивлялись, что в России не стало Иванов, Петров, Егоров и Анн, а появились Фрицы, Малино, Вальтеры, Вольфы, Луизы и т. д. Даже наш Доминго Унгрия был уверен, что мое настоящее имя – Луиза, а Рудольфо – Рудольф Вольф.

Крестьяне и крестьянки из деревни (название её позабыла), в которой мы однажды остановились, опять нас угостили вином и апельсинами. Много хороших слов было сказано в адрес советских людей, особенно троих летчиков, которые однажды под Линаресом на глазах у многих сотен местных жителей вступили в бой против 9 итальянских самолетов. Два из них сразу были сбиты, остальные обратились в бегство. Вскоре сбили еще три, один из которых упал неподалеку, а летчик его выбросился на парашюте.

К вечеру мы были в Адамусе, где нас встречала прибывшая группа Маркеса. Боеприпасы, взрывчатка, продовольствие были погружены на мулов, и к исходу дня все предназначенное для базы имущество было сосредоточено на переднем крае.

В это время под Пособланко еще продолжались упорные бои, но в районе нашего перехода было спокойно. В бинокль мы наблюдали передвижение вражеских патрулей, изучали

расположение постов противника, а с наступлением темноты покинули передний край наших войск и двинулись дальше.

Копыта животных обернули кусками фланелевых одеял, а люди в альпаргатас шагали бесшумно. Мулы словно понимали опасность и шли осторожно, лишь изредка падал потревоженный камень. Мы останавливались, прислушивались – тишина. И снова продолжали идти вперед.

В темноте переходили через канавы и ручьи, временами поднимались в горы и вновь спускались. Идти было тяжело, и после подъемов немного отдыхали. Казалось, что и конца не будет нашему походу. Темнота была жуткая, как будто в бочку с дегтем попали.

Было около полуночи, когда Доминго остановил колонну, подошел к большому дереву, что-то поискал и выругался:

– Вызываю охрану, а она пропала, – шепотом сказал он мне.

Наконец, под деревом зашевелился светлячок, и через две-три минуты двое знакомых мне партизан подошли к нам и повели на базу.

Темные, мрачные, низкие здания. Никаких признаков людей.

Охрана ввела нас в закопченное помещение. Слабо горели корявые, короткие дрова в камине, на полу спали и храпели с присвистом двенадцать партизан, кто в чем и кто как. У камина сидели двое караульных. При нашем появлении они встали и пошли навстречу. Оказались знакомыми – хаенскими добровольцами.

Капитан подбросил дрова в камин, поставил котелки. Через полчаса поужинали и разошлись отдыхать. Мне отвели маленькую мрачную комнатку наподобие кельи. Освещалась она тускло самодельным светильником с оливковым маслом.

Не спалось, не давали спать писк и возня крыс. Перечитывала уже в который раз письма дочери и сестры, полученные из дому, на которых были рисунки Кремля и Красной площади, сделанные моей маленькой Олей, были они мне дороже знаменитых картин. Вышла во двор. Тихо-тихо. Лишь слышен шум падающей воды с плотины электростанции.

Часовые стояли около стены, на которой, как в сказке, мелькали висевшие гнилушки. Смотрела на небо, на гряду облаков. Они медленно плыли, меняя прихотливые очертания.

Начальник караула бодрствовал. Он узнал меня и начал знакомить с базой.

– Но пасаран! – сказал он с гордостью. – Все эти проволочки, светлячки связаны с проводами и сигналами на подходах к базе. Свои знают, где и как можно ходить, как предупредить охрану, а посторонним это неизвестно. Они выдадут себя, оборвав или даже

только натянув проводок. Тут много работали Рудольфо, Тихий, финны, – рассказывал начальник караула.

Снизу, с севера-запада непрестанно доносился гул водного каскада.

Электростанция по прямой всего в двух с половиной километрах, но у нас нет приказа ее разрушать, да к тому же для нас она служит прикрытием, – шепотом рассказывал мне капитан. – Фашисты не могут и подумать, чтобы диверсанты были так близко от станции и не трогали ее.

Внизу появились две пары огоньков, петляя, они приближались к электростанции.

– Фашисты. Едут проверять станцию, может, везут людей, продовольствие. Мы их не трогаем, работаем на дальних магистралях, по которым войска и пополнение направляются на фронт, – пояснял мой проводник.

И действительно, огоньки скрылись на электростанции. Кругом опять темно, и только гул падающей воды по-прежнему доносился снизу.

К утру я чуть вздремнула. Несмотря на усталость, заснула нескоро. Увидела сон из далекого прошлого. Я в лесной избушке с одним небольшим окном, большая железная печь, обложенная кирпичом, жарко натоплена. Почти во всю длину сколоченный из досок стол, а над ним под потолком две жерди, на которых сушатся портянки, промокшие за день валенки и одежда. Усталые лесорубы поужинали. Избушка наполнена запахом сохнущих портянок, валенок и одежды, а также табачным дымом. Воздух такой густой, хоть топором руби, а керосиновая лампа кажется утонувшей в неподвижном облаке табачного дыма.

Знакомые мне лесорубы улеглись на нары, но не спят, а слушают меня. Я рассказываю о том, как выполняется план лесозаготовок на других делянках и о текущем моменте, о событиях в нашей стране и за рубежом. Все внимательно слушают, некоторые задают вопросы, я отвечаю. Доносится с улицы завывание голодных волков, и все исчезает во мгле. Я очутилась в лесу. Снег до пояса, я еле передвигаюсь. Наблюдаю, как два лесоруба спиливают двуручной пилой огромное дерево, и оно падает. Молодежь работает лихо. Не успело дерево упасть, как уже обрубают сучья, опиливают, грузят на сани и везут к реке, где сплачивают плоты. Опять доносится вой голодных волков, лошади перестают есть сено и испуганно ржут.

Я проснулась. Кругом была полная тишина. Уже рассветало. Начиналось самое опасное для партизан светлое время суток, когда неуязвимость партизан зависит от тщательной маскировки и от того, чтобы следы возвратившихся с заданий групп не

привели карателей к нашей базе.

Избушка мне приснилась через 8 лет после того, как я была в последний раз на лесозаготовках.

И надо же такому присниться! Сон как рукой сняло.

Ночью пошел дождь. Из оливковой рощи пахло свежестью и веяло прохладой. Солнце еще не появилось, а его лучи уже освещали горы, над которыми виднелись редкие, перистые белые облака. Кругом было тихо, и только часовые напоминали о войне, о том, что база была в тылу врага.

Утром с задания прибыли группы Рубио и Алекса, единственного американца, смелого командира диверсионной группы. Они доложили о проделанной работе, поели и легли спать.

Хождение на базе было строго ограничено, и ходили только так, чтобы издали не было заметно ни малейших признаков жизни на затерявшемся, уже полуразрушенном, заброшенном заводике.

Заводик утопал в оливковой роще. С востока его – крутой подъем, на нем росли невысокие оливы и отдельные большие стручковые деревья. С запада и юго-запада – спуск в долину, где протекала небольшая река, а на ней высокая плотина и гидростанция, и за ними – водохранилище. В бинокль видно, как вооруженные люди ходят по плотине.

– Гвардия фашиста, – поясняет капитан Унгрия.

Дежурный приглашает на легкий завтрак: кофе со сгущенным молоком, бутерброды с сыром, соленые оливы и апельсины. Рудольфо и некоторые интербригадовцы жуют длинные коричневые стручки, которых в изобилии на деревьях. Эти стручки с особым удовольствием едят и мулы.

Днем готовится к операции группа Маркеса. На базе больше 50 человек. Имеется ламповый радиоприемник, и люди знают все события.

– Самое опасное время до обеда, – поясняет Рудольфо. – Чем раньше после рассвета фашисты нас обнаружат, тем труднее нам продержаться до темноты. Если нападут после обеда, то мы заставим вражеские части развернуться на дальних подходах, поставим гранаты замедленного действия и сами отойдем на запасную базу, а ночью – через линию фронта к своим.

Рудольфо и Доминго начали готовить одновременную операцию по крушению поезда и подрыву двух небольших, но высоких мостов на железной дороге, подходящей к Кордове. В

этой операции группа под командой невысокого ростом, молодого, уже тронутого сединой моряка Руиса должна была форсировать Гвадалквивир, чтобы подойти к железной дороге Монтора – Кордова с севера, откуда враг не ожидал появления диверсантов. Поэтому Руис со своими людьми возился с брезентовой лодкой.

Мне пришлось много заниматься переводами полученных разведывательных материалов.

Точно в 14 – обед. Обедаем под огромным стручковым деревом. Пищу подогревали на древесных углях, которые выжгли ночью. На обед – фасоль с мясными консервами. Порции большие, но некоторые просят добавки. Вина выдают только по стакану. Можно пить и холодный кофе, оставшийся от завтрака.

После обеда большинство отдыхает. Тишина полная. Бодрствует боевое охранение и некоторые из тех, кто не уходит на задание. Солнце еще высоко. Тепло. Широкая долина небольшой реки, впадающей в Гвадалквивир, просматривается далеко даже невооруженным глазом. В бинокль хорошо видно, что делается на плотине, видны работающие в поле крестьяне.

Перед заходом солнца три группы направились на задание. С группой Руиса ушли Рудольфо, Доминго и успевший выспаться Ян Тихий, с ними еще 6 человек, которые должны были обеспечить переправу через быструю реку, а в случае удачи немедленно сообщить через Адамус результаты командованию республиканских войск.

Наступила ночь. Я осталась на базе, где находились не более 20 человек. В темноте над Кордовой небо озарено красновато-белым светом.

– Это огни реклам, – пояснил мне один из партизан.

Что меня поражало на базе, это полное спокойствие, уверенность в своей безопасности. На дворе стоят или ходят парные часовые, а ночью в помещении с плотно задраенными окнами ярко горят угли в камине и слышится веселая музыка по радио. Песни чередуются с передачей новостей. Мы слушаем музыку, а ближе чем в трех километрах, внизу гидростанция, там – враг, а в десятке километрах проходит линия фронта. Она не сплошная, но каждая из сторон готова отразить нападение.

На базе в ту ночь остался и Хуан Гранде, он пойдет завтра, а сегодня его группа несет охрану. Он бодрствует, понимая свою ответственность. Еще с вечера проверил систему сигнализации, проинструктировал людей. Он не слушает музыку, а почти все время на дворе и только изредка заходит в помещение, чтобы выкурить сигарету.

На этот раз я долго не ложилась спать, и мы много разговаривали с Хуаном Гранде. Этот отважный черногорец прибыл в Испанию, уйдя с итальянского судна. Он был холост, в Черногории оставались старушка-мать и замужняя сестра. Хуан Гранде смел и горяч, мало учился, но прошел огромную жизненную школу. Одним из первых интербригадовцев начал ходить в тыл врага, словно охотник, выслеживая вражеские воинские поезда и машины. Он люто ненавидел мятежников и фашистских интервентов, и ему доставляло огромное удовольствие видеть, как их эшелоны подрывались и падали под откос с военными материалами, солдатами и офицерами. Но Хуан Гранде отнюдь не был жестоким человеком, понимая, что в стане врага не все воюют добровольно, а есть и насильно мобилизованные. Он переживал страдания народа, ввергнутого мятежниками и интервентами в пучину войны, и не мог спокойно пройти мимо тех, кто нуждался и кому он мог помочь.

Возвратившись после выполнения боевого задания, Хуан Гранде никогда не пользовался положенным отдыхом. Получая жалование, раздавал его тем, кто особенно сильно пострадал от мятежников.

Немного отдохнув, Хуан шел к Рудольфо или Доминго и просился снова отправить его на задание.

Он мне часто рассказывал про героическое прошлое Черногории, охотно слушал, когда я говорила о Советском Союзе.

– Победим в Испании, обязательно поеду в Советский Союз, – говорил он не раз.

Вдруг до нас донесся гул далекого взрыва. Хуан Гранде посмотрел на светящийся циферблат своих часов – было 0.48.

– А может, нам только показалось, потому что мы ждем взрывов? – спросила я черногорца.

– Нет! Взрыв, большой взрыв. Это не под поездом, а на мосту, – ответил он.

Утром вернулся Руис со своей группой. Люди усталые, дочерна загорелые, глаза красные от переутомления и недосыпания, но веселые и довольные. Они как бы позабыли, что находятся в тылу у врага, и Хуану Гранде пришлось им об этом напомнить.

– А где Доминго и Рудольфо? – спросила я у Руиса.

– Они пошли прямо в Адамус, чтобы доложить о крушении поезда и вызвать авиацию.

Перед обедом мы услыхали взрывы под Монторо. Вечером на задание ушел Хуан Гранде, а ночью, поздно, вернулись на базу

Доминго, Рудольфо и Тихий с новым пополнением продовольствия и радостной вестью: летчики под командой советского летчика К.М. Гусева налетели на вражеские машины, вывозившие боеприпасы из потерпевшего крушение воинского поезда под Монторо. За действиями авиации наблюдали из расположения республиканцев, видел их и прибывший на фронт из Хаена секретарь провинциального комитета партии Валенсуэла.

На следующую ночь Рудольфо, Доминго, я и 6 сопровождающих покинули базу. Ехали на мулах, сильных, спокойных и умных животных. Добрались до предполагаемой линии фронта. Но где она, эта линия, где находятся подразделения врага – неизвестно, и эта неизвестность беспокоит, настораживает.

Мы спешились, ведя на поводу упрямых животных. Вдруг где-то слева завязалась перестрелка. Значит, враг близко, рядом и свои. Опытный проводник – пожилой крестьянин Хосе, работавший до мятежа на маслозаводе, прекрасно знает местность. Он взял оружие, чтобы отстоять свободу, чтобы преградить путь тем, кто заставлял его за нищенскую плату работать по 12–14 часов в сутки.

– Никого нет! – шепчет он.

Переправляемся через ручей. Дальше, на востоке, вчера были наши. Кто там теперь? У нас есть пароль, но кто гарантирует, что вместо отзыва не раздастся внезапно пулеметная очередь…

Пройдя с полкилометра, мы останавливаемся, и проводник уходит в сторону. Через двадцать томительных минут он возвращается с двумя республиканцами. Мы в своем тылу.

Батальон «Эспесиаль»

Группы отряда Доминго усиливали удары по тылам мятежников. Все успешнее выполнялись операции: под откос летели поезда, подрывались на минах автомашины, взлетали мосты и рушились тоннели.

В феврале под Кордовой группы с участием Рудольфо, Хуана Гранде и Хуана Пекеньо произвели крушение поезда, шедшего из Севильи, уничтожив несколько сотен итало-фашистских летчиков и командиров.

Доминго, Рудольфо и я поехали с докладом к командующему Южным фронтом полковнику Пересу Саласу.

На этот раз он встретил весьма приветливо не только меня, но и Рудольфо с Доминго. Доклад слушал внимательно, изредка поправляя большие очки.

Задал несколько вопросов по технике минирования.

– Представьте завтра к исходу дня доклад и свои планы по развертыванию действий вашего отряда в тылу мятежников, – сказал он капитану. На этом прием был закончен.

Много времени потратили Доминго и Рудольфо на составление доклада и предложений.

За сутки произошло много событий. Главное – удалось добыть фашистские газеты с некрологами и траурными сообщениями о погибших при крушении («павших смертью храбрых») командиров и офицеров фашистской авиации.

Снова поехали к командующему.

Перес Салас принял нас еще гостеприимнее.

– Очень хорошо! – восторгался полковник, просматривая газеты с сообщениями о гибели фашистских вояк.

– Давайте доклад и предложения! – обратился он к Доминго. Тот передал полковнику бумаги.

Командующий ознакомился, усмехнулся.

– Это уже выходит за пределы моих возможностей. Поезжайте к генералу Рохо, я попрошу его вас принять.

Написав от руки препроводительную, полковник тепло попрощался.

Через два дня Доминго возвратился из Мадрида.

– Все решено быстро и положительно, – начал он рассказывать.

– Наши предложения одобрены. Довольно попрошайничать! Меня назначили командиром батальона «Эспесиаль»! Смотрите! Вот штамп, вот печать, а вот приказ генерального штаба, – показывал капитан.

В большом зале, превращенном в лекционный, собрали диверсантов. Рассказ Доминго о поездке в Мадрид все выслушали с большим вниманием.

– Создание батальона «Эспесиаль», – говорил Доминго, – это признание важности и возможности бить врага в его тылу, это признание наших успехов, это резкое улучшение и материального обеспечения наших людей, но это только начало.

Личному составу батальона было назначено повышенное содержание, при рейдах в тылы врага сытный сухой паек, а обмундирование было разрешено выдавать по мере износа.

Так удачное крушение поезда с итало-фашистскими летчиками и командирами коренным образом изменило в лучшую сторону материальное и правовое положение наших энтузиастов партизанской борьбы с врагом в его тылу с широким применением мин.

Уничтожение итало-фашистских летчиков в эшелоне под Кордовой стало широко известно.

На базу в Вилья Нуэва де Кордова, где находились участники диверсии, было настоящее нашествие корреспондентов многих испанских и зарубежных газет. Мы поражались, как они находили местопребывание партизан-диверсантов. Оказывается, через штаб Южного фронта.

Но Рудольфо и Доминго старались не попадаться на глаза журналистам из-за соблюдения конспирации. Капитан провел по этому вопросу большую работу с участниками операции и внушил, чтобы все держали язык за зубами.

Журналистов гостеприимно принимали, с ними беседовали, но на вопросы, кто и как осуществил диверсию, вежливо отвечали:

– Война еще не кончилась, а потому еще рано рассказывать о наших средствах и способах, о наших людях, чтобы не узнали мятежники того, чего они еще не знают.

В отличие от испанских и иностранных корреспондентов, советские журналисты не спешили.

К вечеру на второй день после выхода группы из вражеского тыла приехал к нам Михаил Кольцов.

Был он очень похож на испанца по одежде и поведению, и говорил он по-испански как истый кастельяно.

Весть о прибытии Михаила Кольцова на базу всполошила весь ее состав. М.Е. Кольцова хорошо в то время знали не только мы, советские люди. Его выступления в печати помогали республиканцам в их борьбе против мятежников и фашистских интервентов. Все хотели увидеть этого боевого «новинара», как его назвал Хуан Гранде.

– Познакомьте меня, пожалуйста, с участниками крушения поезда под Кордовой, – обратился ко мне Михаил Кольцов, узнав, что на базе нет Рудольфо.

Я выполнила его просьбу, и началась дружеская беседа, но все помнили приказ Доминго держать язык за зубами. Свободно говорили о погоде, о том, как промокли и устали, но никто не сказал, где обогревались и отдыхали. Объяснили, что поставили большую мину, чтобы уничтожить всех фашистов в поезде.

– Этого крушения фашистам еще мало! – гордо заявлял Доминго. – Мы ведь видели результаты их варварских налетов на Мадрид, Андухар, Пособланко и другие города!..

Михаила Кольцова очень интересовали боевые акции интербригадовцев в тылу врага.

– Все иностранные товарищи знают испанский? – спросил Кольцов у Доминго.

– Нет! – махнул рукой капитан. Два югослава, итальянцы и французы понимают, могут объясниться, а другие, когда поступили в отряд, знали несколько десятков слов и только, а теперь уже все могут объясниться.

– А как же местное население? Может сразу заметить, что иностранцы?

– Наши группы берут в тыл все необходимое и к местному населению не обращаются. Для работы среди населения и связей с ним у нас привлекаются только испанцы, – ответил Доминго.

– Ну а если ночью кто отстанет? – спросил Кольцов.

– Пока никто не отставал. Есть компас. Выйдет!

– Почему вы пошли в партизаны? – обратился Кольцов к Хуану Гранде.

– Потому что приехал в Испанию воевать против фашистов, – ответил тот.

– Но воевать можно и на фронте, там фашистов тоже много, там для иностранцев проще, можно и не знать языка! – допытывался Михаил Ефимович.

– Нет! В тылу фашистов бить легче и, главное, ты его бьешь там, где он не ждет, и тогда, когда сам в стороне. Вначале я сам этого не понимал, а когда увидел, то сообразил, что мятежники в поездах и машинах, как змеи в клетках. Бей их, пока не выползли, – доказывал Хуан.

Кольцов бегло записывал, но больше на эту тему вопросов не задавал. Я не слыхала, о чем он разговаривал с Рубио, но заметила, что он остался доволен этой беседой.

– После уничтожения поезда с летным составом не могут ли мятежники по горячим следам найти и уничтожить вас на вашей базе? – спросил Кольцов у Доминго.

– На базу в тыл врага мы уже не вернемся, а до баз в нашем тылу у фалангистов руки коротки. Кроме того, повышаем бдительность, опираясь на народ. С его помощью мы уже выловили нескольких вражеских лазутчиков. Подлые, трусливые твари! – ответил Доминго.

– Это верно! Но у вас с охраной не все благополучно. У меня, например, никаких документов не спросили.

– Не надо! – спокойно ответил Доминго. Вас знают, а посторонний к нам не забредет. Наши караульные уже не одного подозрительного задержали и передали в комендатуру, да и размещаемся мы в домах священнослужителей, а они, эти дома, как маленькие крепости.

Несмотря на все уговоры, Михаил Кольцов не остался ночевать. Спешил.

На следующий день приехал на базу Илья Эренбург[32] с секретаршей и портативной пишущей машинкой. Гость не спешил и согласился у нас переночевать.

Доминго начал показывать Илье Григорьевичу свое хозяйство и первым делом повел его к конным диверсантам.

– А это что за наездник? – удивленно спросил писатель, увидев восьмилетнего Антонио, сидевшего на породистом рысаке своего отца.

– Это мой сын! – с гордостью ответил Доминго.

В честь гостя был устроен ужин, на котором присутствовали почти все находившиеся на базе.

Ужин превратился в дружескую встречу.

Илья Эренбург показывал присутствующим фотографии и некрологи, помещенные в фашистских и профашистских газетах.

– Скорбят по уничтоженным, жалуются на партизан, – заметил писатель.

– Когда враг плачет и жалуется, мы – веселимся, – ответил Доминго.

– Пишут враги, пишут и друзья, – сказал Илья Эренбург. – Друзья наши понимают, что чем больше партизаны будут уничтожать мятежников в их тылу, тем меньше вражеских вояк будет на фронте, тем скорее будет победа.

Наконец усталый, но довольный, писатель ушел отдыхать.

Утром он простился с партизанами и уехал, сказав:

– Напишу, но с полным соблюдением конспирации.

– Очень хорошо, – ответил капитан.

– Только, чтобы нам это боком не вышло, – попросил Рудольфо.

Илья Эренбург действительно написал о крушении поезда,

выполнив данное нам обещание.

– Да! Большая конспирация! Но теперь мы признаны и могли бы не сваливать вины на местных партизан, – сказал Доминго, когда я ему перевела очерк Ильи Эренбурга, опубликованный в «Известиях» 23 марта 1937 г.

Рубио и другие

Крушение поезда с фашистскими летчиками под Кордовой сняло все заботы по материальному обеспечению, кроме средств связи. Рудольфо договаривался с Кольманом, чтобы для связи использовать авиацию. Группам давались условные сигналы, которые они должны были подавать нашим летчикам, но практически эта связь оказалась ненадежной, главным образом из-за того, что республиканская авиация была перегружена другими заданиями.

Предупреждали командиров батальонов, на участки которых должны были возвратиться группы. Те напоминали командирам рот. Мы ждали возвращения групп, истекало время, а их иногда не было в установленные сроки.

Так получилось однажды и с группой Рубио. Она ушла на задание захватить «языка» на дороге Кордова – Эспиэль, по которой снабжалась группировка войск врага, наступавшая на Пособланко.

Группа должна была вернуться на третью ночь, но напрасно ее ожидали и в запасные сроки. Она будто провалилась. Особенно интересовался ею Кольман, – ему нужны были разведывательные данные.

– Не пропадет! – уверял Пепе. – Это у него анархистские замашки. Не иначе как захватил важную машину и решил покататься по тылам мятежников. У него в Мериде любовь осталась. Он мне показывал фотографию. Красивая!

– Да, я знаю, что в Мериде у него осталась возлюбленная, – вспомнил Доминго, – но не может он рискнуть туда ехать. От Эспиэль до Мериды больше 150 километров.

– Может! – махнув рукой, ответил Пепе.

Доминго выругался.

– Я его предупреждал, чтобы не задерживался.

В это время позвонили из Пособланко.

– Рубио? Где же ты пропадал? – выругался Доминго.

Рубио что-то говорил. На лице Доминго появилась довольная улыбка.

– Очень хорошо! – ответил ему довольным тоном капитан. – Сейчас пошлю твою машину. Она в Вилья Нуэва де Кордова.

Немедленно позвонил Кольману.

Пыльная «испано-суиза», въехав на тротуар, остановилась у здания школы.

Первым вышел Рубио без головного убора, в военной форме, хорошо выбритый, с двумя пистолетами: один большой в

деревянной кобуре, второй маленький на ремне. Вслед за ним высыпали и остальные четверо.

Друзья бросились встречать прибывших. Радостные возгласы, объятия. Не удержался от выражения восторга и Доминго. Он по очереди обнимал всех прибывших. И тут Пепе заметил:

– Смотрите! Чемоданы! Точно турист!

Взяв один из них в руки, Пепе с удивлением добавил: «Какой тяжелый!»

Вся группа собралась в кабинете Доминго. Подъехали Кольман и Рудольфо.

– Что это за чемоданы? – поинтересовался Рудольфо.

– Ничего хорошего! – ответил Рубио и открыл их один за другим. В одном было обмундирование майора мятежников, дорожная карта «Мечелин», масса фотоснимков, принадлежности туалета, книги.

Рудольфо и Кольман начали рассматривать карты и документы. На картах цветными карандашами была нанесена обстановка. Среди документов были рукописные материалы, написанные неразборчивым почерком.

В другом – портативный приемник «Телефункен» и портфель с документами, форма капитана и две полевые сумки, одна из них с картами, вторая – также с картой и еще какими-то документами.

– Ну а теперь, Рубио, расскажи товарищу Кольману о том, что делается в тылу мятежников, – сказал Доминго.

– Прошу меня от этого избавить, – взмолился Рубио. – Мое дело – возить, работать, захватывать языков, а пусть обо всем расскажет Риего, он все видел, знает и умеет рассказывать. Он учитель.

Все взоры обратились к Антонио Риего. Он, как и Рубио, был участником Теруэльских походов и уже не раз ходил в тыл противника на Южном фронте. Мятеж застал его в Толедо, тут он вступил в милицию. В бою был ранен в руку и с еще незажившей раной пошел в бой в группе капитана Доминго.

Риего хорошо разбирался в политике и, по существу, был у Доминго комиссаром и пропагандистом. Писал он стихи, и неплохо они у него получались, читал их редко, но вдохновенно.

– Давай, Антонио, докладывай! – обратился Доминго к покрасневшему разведчику, и тут только мы заметили, что у Антонио из кармана брюк торчит рукоятка второго пистолета.

– Хорошо! Я расскажу – постараюсь коротко, – согласился Риего.

– Зачем коротко! – возразил Кольман. – Рассказывайте подробнее, чтобы я мог больше узнать о положении в тылу

мятежников.

Антонио начал говорить, а я переводила его рассказ Кольману, который кое-что из него записывал.

– Добрались до дороги Кордова – Эспиэль без всяких приключений. Ночь темная: ни луны, ни звезд. Только слабый гул в черной выси фашистских бомбардировщиков, вылетавших с аэродрома под Кордовой. Вот показался поезд: три фонаря и искры из трубы паровоза, а еще ближе по невидимой дороге изредка мелькали яркие огоньки машин. Было так спокойно, что и мы, сидя всего в сотне метров от дороги, чувствовали себя в безопасности. Отдохнули, перекусили и ждем одиночную машину, а идут только колонны, да и то очень редко.

Риего остановился, посмотрел на Рубио.

– Долго пришлось ждать, – подтвердил Рубио.

– Но зато и дождались! – вставил самый молодой, но и самый рослый участник вылазки Педро Гомес.

– И вот, наконец, вдали появились огни одинокого автомобиля. Он быстро приближался. – «Давайте!» – торопил нас Рубио, и мы подошли вплотную к дороге. Рубио в форме вражеского офицера открыто вышел на шоссе. Навстречу машине требовательно замигал красный фонарик. Все делалось как на учениях под Валенсией, как при захвате Рубио бензовоза под Теруэлем. Легковая остановилась. Потухли фары, зажегся свет в лимузине. В нем ехали трое.

– В чем дело? – нагло спросил пассажир, сидевший рядом с водителем.

– Проверка документов!

– А вы разве не видите на стекле пропуск? – сердито ответил кто-то из лимузина. Захлопнулась дверь и, прежде чем мы опомнились, машина тронулась.

– Вот жалко было, упустили такую добычу, – вставил Гомес. – «Бьюик». Не иначе как в нем какой-нибудь полковник ехал!

– И до рассвета больше ни одной подходящей машины! – горестно подтвердил Рубио.

– На день спрятались в кустах на склоне горы. Дежурные записывали, когда какие машины проходили, – перевела я слова Риего.

– Ну и длинным показался нам этот день! На север за день прошло 4 поезда с войсками – один пассажирский и три товарных, а возможно, и с боеприпасами. Один – с горючим. Мы смотрели, но сделать ничего не могли. Нам нужна была машина, но днем мы могли только считать их и ничего больше. Наконец, опять наступила ночь, – продолжал Риего, – на этот раз мы подошли к дороге сразу после наступления темноты. Группе

пришлось пропустить колонну грузовиков, прежде чем на шоссе замелькали огоньки одиночной машины, идущей из Кордовы.

Риего сделал паузу, чтобы я перевела, и продолжал:

– Рубио мне приказал бежать навстречу машине и дать синий сигнал, если это будет легковая или грузовая, но не с солдатами. Успел пробежать метров 100, как санитарная машина поравнялась со мною. Дал условный сигнал и заметил, как впереди стал покачиваться красный сигнал.

– Машина остановилась, – начал уже Рубио, – я подбежал. Потребовал документы.

– Санитарная, имеем пропуск. Видели, впереди прошла колонна, мы немного отстали, догоняем, – ответил водитель, рядом с которым сидел сонный фельдшер.

– Очень хорошо, – ответил я и спросил: – Куда едете?

– Под Пособланко.

– Машину мы забрали, – продолжал Рубио, – никто не оказал сопротивления. Я сел за руль, со мной Риего, остальные в кузове, вместе с водителем, фельдшером и двумя санитарами. «Не те “языки”», – решил я, и мы поехали дальше к Пособланко. Благополучно миновали КПП у Вильяарта.

– А страшно было, – вставил Риего, – на КПП дежурный подал сигнал «Стоп», но Рубио не растерялся, дал длинный, пронзительный сигнал и проехал мимо. Хорошо, что колонна уже ушла вперед.

– Не доезжая Эспиэля, – продолжал Рубио, – повернул на запад. Колонна, как утверждали и водитель, и фельдшер, пошла на Пособланко, а мы поехали в тыл. Проехали километров 15. Навстречу попадались одиночные машины. «Видно, еще тут партизаны не показывались на дорогах», – подумал я и решил попытаться сменить свой санитарный транспорт на легковую. Поставил машину на обочину и жду. Теперь мне было уже легче действовать. Это тебе не одному на дороге подавать сигнал «Стоп», а у остановившейся санитарной машины. Пропустили пару машин. Не те, которые нам нужны: две сразу нам не осилить. Наконец, показалась одинокая автомашина, и наблюдатель дал синий сигнал. Вышел на дорогу и красным светом остановил машину. Подошли ребята. Трое фашистов не оказали сопротивления. И мы поехали уже на двух машинах. Отъехали в сторону от магистрали. Опросили пассажиров. Оставили их в стороне от дороги и выехали опять на магистраль.

– Перед Бельмесом, – начал уже Риего, – пришлось бросить захваченные автомашины в реку Гвадуамо и уйти на дневку в Сиерру де лос Сантос. Харч был в достатке. Отдохнули на дневке спокойно. Часа через три после наступления темноты зашли к

переездному сторожу под Бельмесом. Вначале он принял нас за мятежников, но когда Рубио сбросил свой офицерский плащ, сторож и его жена удивленно посмотрели и не могли произнести ни слова. «Не бойтесь, – сказал Рубио, – мы республиканские разведчики». И мы не ошиблись. Когда сторож убедился, что мы действительно те, за кого себя выдаем, он начал рассказывать все, что нам было нужно знать. Да и жена его тоже помогала уточнять, когда и с чем проходили поезда, какие и где располагаются войска, каковы порядки на дорогах. Мы распрощались и пообещали зайти на обратном пути, но увлеклись желанием скорее попасть в Мериду. Наша попытка не удалась. Захватили еще пару машин, поездили по дорогам в тылу мятежников, поговорили с людьми, находящимися под их пятой, и благополучно возвратились.

– Ну а как живет население? – спросил Доминго.

– Хуже, чем при монархии, – ответил Риего. – Все латифундии опять у помещиков, а большинство крестьян снова превратилось в батраков и в арендаторов. Райскую «страну олив» мятежники превратили в ад: большая арендная плата, налоги, малые заработки за тяжелый труд и полное бесправие – по доносу могут забрать и пытать.

– Но помещики и их прихвостни, руководители фалангистов, обосновались подальше от линии фронта, – вставил Рубио, – не надеются на свои войска.

– Надеяться не надеются, а мобилизуют и угоняют мобилизованных в другие районы, чтобы сделать из них своих невольных пособников, – продолжал Риего. – У фалангистов много пропагандистов, особенно им помогает духовенство, – ведь тоже землевладельцы и боятся лишиться своих доходов. Да и итальянские фашисты и немецкие национал-социалисты уже приложили свою руку к созданию контрразведки. Поэтому приходилось действовать осторожнее, заходили в населенные пункты только вечером. Не скрывая, что мы республиканские разведчики, мы узнавали все необходимое, и нигде с нас не брали за продовольствие. Все спрашивали: «Когда же прогонят интервентов?»

Риего сделал паузу и продолжал:

– Правда, в Орначуэлос нарвались на беглого священника. Постучали в окно небольшого домика на окраине. Сквозь ставни пробивался свет лампы. «Кто там?» – окликнул нас довольно уверенный и властный голос. «Свои», – ответил я. Мы обменялись приветствиями, и нам открыли дверь. Вошли и обомлели. В комнате ксендз и двое вооруженных мужчин, явных фалангистов. Хорошо, что у нас сверху были плащи мятежных офицеров.

Разговор был коротким. Мы не подготовились к беседе с духовным отцом. Встреча для обеих сторон была неожиданной.

– Было заметно, – сказал Рубио, – что священнослужитель и его собутыльники не были уверены, что мы те, за кого себя выдаем.

– У нас больше нет вина, сейчас сбегаю к соседу, принесу пару бутылочек замечательного хереса, – сказал один из фалангистов.

– Потом сходите, – ответил я, выхватив пистолет, крикнул: «Руки вверх!» Фалангисты растерялись и подняли руки. Мы забрали у них оружие, а заодно и документы. Обезоруженные фашисты стали нас умолять не убивать их, но мы не могли их с собой взять, а священника пришлось оставить связанным. Расспросили у него о дороге на Паламос и пошли, конечно, в другом направлении.

Долго еще длился рассказ Рубио, Риего и других участников группы. Захватили они несколько машин, но вместо «языков» привезли только их документы.

Не удалось Рубио побывать в Мериде, как не удалось и группе Устароса пробраться в Севилью и найти дочерей Росалии.

На следующий день группа Доминго вместе с Рудольфо, захватив макеты взрывчатых веществ, на нескольких машинах выехала на практические занятия на железнодорожный мост через реку Гвадалквивир.

На занятиях задержались до позднего вечера. Попрощались с охраной и выехали в Хаен. Подъезжая к переезду, обнаружили, что он закрыт и на нем маячит красный сигнал. Поезда не было ни видно, ни слышно. Машины остановились.

Неожиданно раздался грозный окрик «Манос орива!» («Руки вверх!»).

– Чего орете! – ответили с машин. – Не видите что ли, что свои!

Начались крики, ругань. Человек восемь анархистов атаковали машину, в которой мы ехали.

Нам предложили выйти из нее и следовать на станцию, где находился командир анархистской колонны. Оружие у нас не отобрали, но шли мы под таким сильным конвоем, что всякое сопротивление было бесполезным.

Доминго ругал конвой, говорил, что все согласовано со штабом фронта, что занимался с ними русский инженер-партизан Рудольфо.

И вот мы в кабинете начальника небольшой промежуточной станции.

В комнате было сумрачно от табачного дыма. За столом

сидел небольшого роста военный с черно-красной повязкой, ворот гимнастерки расстегнут. Увидев нас, анархист встал и, не здороваясь, спросил:

– Кто вам разрешил заниматься на мосту?

– Штаб фронта! – ответил Доминго.

– Никто не мог разрешить без меня. Этот мост находится под моей охраной, – сердито сказал анархист. Затем спросил, показывая на меня:

– А эта сеньорита откуда?

– Переводчица русского товарища – военного инженера – Луиза, – быстро ответил Доминго.

– Есть документы? – спросил командир анархистов у старшего команды, который привел нас на станцию.

– Не знаю, не проверял.

– Есть, – ответила я и показала свой пропуск, выданный штабом Южного фронта, согласно которому мне разрешались поездки в фронтовой полосе в дневное и ночное время.

Командир анархистов внимательно прочитал пропуск, посмотрел его на свет, будто пытаясь обнаружить в нем подделку, и, возвращая, уже вежливо сказал:

– Садитесь, сеньорита!

– Почему и с кем у вас на мосту была перестрелка? – спросил анархист у Доминго.

– Никакой перестрелки не было. Это взрывались детонаторы.

Анархист попросил документы у Рудольфо.

Тщательно изучив документ, командир спросил:

– Вы, Вольф, из Германии приехали?

– Нет, из Польши! – ответил Рудольфо.

Но анархист оказался грамотным.

– Но Вольф – это чисто немецкая фамилия! – заметил он.

– Может быть, – согласился Рудольфо, – но я даже не знаю немецкого.

Дежурный, наконец, дозвонился в штаб фронта. Там подтвердили, что группе Доминго было разрешено провести занятия на мосту через Гвадалквивир.

– Все улажено, но другой раз без моего согласия и без моего представителя на мосту не появляйтесь! – сказал на прощание командир анархистской колонны.

В дальнейшем все практические занятия на дорогах мы проводили более осторожно.

Матадор

Много интересных людей было в батальоне «Эспесиаль» Доминго Унгрия. Воевали в нем интербригадовцы, прошедшие огонь и воду чуть ли не на всех континентах, но костяк батальона составляли испанцы. Они быстро осваивали искусство партизанской борьбы, технику и тактику диверсий в тылу врага. Из них один Доминго был военным и дослужился до офицерского чина, но он не стал служить в королевской армии и эмигрировал во Францию, где работал в партийном подполье.

Остальные воины до мятежа были мирными людьми: рабочими почти всех специальностей, от разнорабочего до квалифицированных шоферов, электромонтеров, строителей, рудокопов, в том числе и подрывников. Было много крестьян Андалузии, Экстремадуры, Старой и Новой Кастилии, валенсийцы и каталонцы. В Хаене к Доминго перешел и бывший матадор Энрике Гомес. Он был отличным воином в батальоне под Гранадой, хотя сам родился, вырос и работал в Наварре. Там он стал и матадором. У родителей его была большая семья, но мало земли. Энрике был старшим и еще не научился грамоте, когда пошел работать подпаском к бывшему матадору, которого рог быка изувечил в Памплоне в конце фиесты. Пастух любил читать и научил грамоте Гомеса. Маленький Энрике увлекся стихами и рассказами о матадорах. Пасли они бычков, и Энрике полюбил этих сильных, крутого нрава животных.

– Мне были противны матадоры, пикадоры и особенно бандерльеры, которые вонзают в животных красивые, но мучительные бандерильи, – рассказывал Энрике. – Ведь им бедные бычки ничего плохого не сделали, а их так мучают!

Гомес потрогал сломанные и уже сросшиеся ребра и продолжал:

– Но бывший матадор-пастух обнаружил во мне способности, а нужда заставила, и я пошел работать на ла пласа де торос. Помогал матадору, учился и наконец стал им сам.

И бывший матадор махнул рукой, как это делают испанцы.

– Но я любил и люблю бычков, мне их жалко, я знал их повадки, верил, что выйду победителем, избегал резких движений и берег своих бычков для последнего удара. Я наносил его тогда, когда хотелось публике. Я умел работать близко к рогам быка, мог его утомлять, но не обессиливать. Когда это требовалось, я показывал и трюки, но, как писали критики, «работал всегда точно, непринужденно», словно имел дело не с разъяренным быком, а с безрогой коровой.

Энрике опять дотронулся до переломанных ребер и продолжал:

– В Памплоне ровно два года назад, на фиесте, я немного выпил, решил показать мастерство старой школы – четкость движения при максимальном риске. Все шло отлично, бычок уже был готов к последнему удару, но выполнял все, что я ему навязывал. В это время, когда толпа в безмолвии следила за моей работой и поведением бычка, среди зрителей нашелся один мой недруг. Он что было мочи крикнул: «Дурак! Что ты делаешь?» Я на секунду ослабил внимание и почувствовал боль в левом боку. Теплая кровь потекла по телу, но у меня хватило сил убить быка. Я упал рядом. К счастью, бык сломал мне только два ребра и не задел внутренних органов.

– И вы бросили свое опасное ремесло? – спросила я.

– Нет! Публике нравилась моя работа. Мне повысили заработок, и я уже мог обеспечить семью отца, ездить на праздники вместе с младшими сестрами и братьями, которые любят смотреть светящиеся шары. Но пришел февраль, и меня захлестнула народная волна. Я стал не только матадором, но и пропагандистом, много читал, понял, что у крестьян и рабочих нет другого пути, кроме того, который указывает коммунистическая партия. Я пошел по нему.

Мятеж застал меня в Севилье, и я сражался на баррикадах, обманутые марокканцы и мятежники победили. После того как я увидел дела мятежных генералов и офицеров, зверства фаланги, я уже не могу убивать бычков, теперь я убиваю только тех, кто поднял мятеж, кто хочет народ превратить опять в рабов. Их я убиваю без всякой жалости. Я пошел в отряд Доминго потому, что тут не надо ждать вражеской атаки или приказа о переходе в наступление, мы сами ходим в тыл мятежников и подрываем их поезда, машины, бьем их из засады.

Гомес любил подрывать с помощью мин со шнуром.

– Каждый раз, – говорил он, – вражеский поезд напоминает мне разгоряченную тушу быка или сказочного змея, о котором мне рассказывал мой учитель-пастух, только вместо удара шпаги я дергаю шнур и вижу яркую вспышку, потом доносится звук взрыва и свист падающих обломков. Это вместо аплодисментов. И я ухожу довольный, зная, что на фронт не прибудет еще один эшелон.

– Энрике! – услышали мы зов Маркеса. – Иди сюда!

Матадор извинился и побежал, едва касаясь земли ногами. «Сила и ловкость всюду», – подумала я.

У Гомеса была тетрадь с портретом зверски убитого фашистами его любимого поэта – Фредерико Гарсиа Лорки и его

стихи. В ней были записи об уничтоженных матадором машинах и поездах мятежников.

Отличался Энрике Гомес как разведчик и мастер по захвату или уничтожению вражеских часовых. В отряде его звали часто не по имени и фамилии, а «Наваррским тигром».

– Он как тигр! – говорили о нем его друзья, с которыми он ходил в тыл противника. – Прыжок – и часового нет!

В свободное время «Тигр» рассказывал о своей работе на арене, о знаменитых матадорах.

– Успех матадора, его жизнь, – говорил он, – зависят не только от его мастерства и качества быков, но и от зрителей. Они своими криками могут испортить настроение, заставить повторить уже неповторимый трюк!

Бывший матадор задумался и спросил:

– А вы, Луиза, смотрели бой быков, и как он вам понравился?

– Да, один раз смотрела и то не до конца. Не вытерпела. День был испорчен.

А дело было так.

Перед отъездом из Валенсии на Южный фронт Доминго достал билеты на корриду для всего отряда.

Позавтракав, мы двинулись в путь, веселые, нарядные и довольные, за исключением Рудольфо, который особой охоты к корриде не проявлял.

Чем ближе подходили к ла пласа де торос, тем все больше и больше становилось народа.

Мимо нас по улице сплошным потоком направлялась к арене шумная толпа. Взволнованная, взбудораженная необычной обстановкой, жаждущая зрелищ, она была очень красочно, ярко и празднично одета.

Вокруг слышались веселые восклицания, радостные возгласы и приветствия. Мелькали красивые, смуглые женские лица, изящные прически, яркие, пестрые современные платья сменялись порой национальными костюмами с широкими многочисленными оборками; на ветру колыхались разноцветные веера, от быстрой ходьбы развевались воздушные, легкие шали и кружева; на солнце переливались всеми оттенками дорогие серьги и ожерелья. Изысканно, со вкусом одетые мужчины выделялись на пестром фоне своими светлыми костюмами и красными галстуками.

В воздухе стоял запах дорогих папирос и женских духов.

Но вот и огромное круглое здание касс. Вокруг толпятся люди, тщетно надеясь приобрести билет.

Доминго поясняет: и раньше валенсийцам мест не хватало, а сейчас много тысяч эвакуированных из Мадрида и из занятых

фашистами городов.

Мы влились в людской поток и медленно продвигались к входу на трибуны.

Часть нашей группы вооружилась большими козырьками, чтобы не слепили лучи солнца.

Настроение у всех приподнятое.

Неожиданно раздаются ругань, шум – это анархисты пытаются прорваться с солнечной стороны на теневую. Но толпа встает на защиту порядка, нарушители вынуждены уйти.

Мы, как и большинство публики, пришли задолго до начала представления, чтобы занять свои места. Садимся недалеко от прохода, в 9-м ряду. Бетонная скамья покрыта пылью, но предусмотрительная Росалия заботливо расстилает на ней красный платок.

Трибуны наполняются. Играет музыка.

После республиканского гимна исполняют революционные песни, за ними – «Ла кукарача…»

Люди в черно-красных галстуках дают о себе знать, занимая «свободные» места.

Наряду с рекламами всюду лозунги, призывы. Ярко-красными буквами написано напротив нас: «Но пасаран!»

За барьером желтеет укатанный и аккуратно подметенный чистый крупный песок.

Цирк уже переполнен, зрители расположились даже в проходах. Среди публики много военных. Есть и весьма пожилые мужчины и женщины, есть юноши и девушки, даже дети.

Все вокруг гудит, колышется, как встревоженный гигантский улей.

На противоположной стороне, в проходе, появились помощники матадора с корзиной на плечах. Тут же, у барьера, они развертывают железные мулеты, их надевают на палки, готовя к употреблению.

Все взоры обращены к входу на арену. Видно, с каким напряжением люди ждут выхода матадора.

Наконец оркестр играет ожидаемый всеми марш. Раздаются аплодисменты, и матадоры появляются на арене. За ними трое несут малиновые полотнища. Позади, на поджарых лошаденках, пикадоры с длинными копьями, а дальше – упряжка мулов и служители, обязанность которых сводится к уборке убитых животных

Публика громко гудит, выкрикивая имена любимых матадоров, а те изредка грациозно кланяются в сторону своих обожателей и поклонниц. Их трое. Теперь они уже хорошо видны.

Главный из них – кряжистый, сильный на вид, казался очень молодым. На нем короткий черный бархатный камзол с белым жилетом и черные, тоже короткие, брюки. Ноги обуты в туфли, стянуты высокими гетрами. На голове черный берет.

Матадор явно нервничал. Он выглядел усталым.

Доминго назвал мне его имя и фамилию, добавив:

– Бывшая знаменитость, но ему не повезло. Едва выжил.

Оркестр продолжает играть. На мгновение все замирают… На арену выпускают быка. Издали он кажется небольшим, поджарым бычком. Животное недоуменно озирается на скопище пестрой толпы, на оркестр и на человека с малиновым полотнищем. Он ни на кого не хочет нападать, но ему в шею вонзают красивую бандерилью, затем другую, третью. Трудно представить ту невыносимую боль, какую они ему причиняют. Он мотает головой, пытаясь избавиться от мучительных стрел, но эти движения вызывают еще большие страдания. Он вне себя, и тут его дразнят ярким красным полотнищем, таким ярким, как кровь на черной шерсти бычка.

Разъяренный страдалец кидается на своего мучителя, но тот вовремя отскакивает и вонзает в шею бедному животному еще одну занозу.

Обезумев от боли, бык вновь нападает на инквизитора… Новая бандерилья.

Если бы бык был резиновым, то все эти стрелы с цветами, возможно, только украшали бы его, но он живой и терпит невероятные муки. Наконец, он еще раз бросается на матадора, а тот ловким ударом шпаги умерщвляет свою жертву. Раздается гром аплодисментов, на арену летят цветы. Матадор кланяется, а рабочие с упряжкой мулов волокут убитого быка со сцены.

Одинокое облачко среди ясного неба закрывает солнце.

– Плохо! Очень плохо! – говорит Доминго. – Когда солнце не светит, коррида испорчена. Солнце воодушевляет матадора, успокаивает публику.

– Да! – соглашается Росалия. – Без солнца можно играть в футбол, но без солнца не может быть хорошей корриды. Да и люди без солнца становятся мрачными и злыми.

Оркестр продолжает играть, и невольно возникают разные думы.

Так вот она какова, коррида!

Бой быков не развлечение, а страшное зрелище.

Мне пришлось видеть во многих местах, как хорошо и бедно одетые ребятишки целыми часами занимались игрой в

тореадоров, дразня красным полотнищем не быка, а такого же мальчонку, как и они, держащего впереди себя на палке голову быка.

– Профессия тореадора в Испании романтична и опасна, – соглашается Энрике. Только немногим счастливчикам удается сделать карьеру, стать знаменитыми. Ежегодно десятки, а может быть, и сотни тореадоров погибают или становятся калеками, и лишь единицы достигают славы, подобно кинозвездам Голливуда или Франции.

Мы с Рудольфо вышли на улицу. Не захотели смотреть это зрелище.

После обеда вышли в город, зашли в кафе, сели в тени в плетеные кресла. Любители опускали монеты в автомат, и слышалась музыка. Шла война, мальчишки продавали газеты, выкрикивали последние новости. Наряду со сводками с фронтов кричали и о гибели матадора.

– Религия и бой быков – это опиум для народа, – заметил Маркес.

– Куда приятнее вместо красного мулета, – сказал бывший матадор, – красным светом фонаря остановить машину мятежников, показать ей, где она должна остановиться, и, положив руку на капот, попросить зажечь свет и предъявить документы, которые нам могут пригодиться.

У Доминго был конный взвод, и Энрике Гомес в свободное время иногда заходил туда, показывая свое мастерство наездника, но перейти в кавалеристы отказывался.

Однажды группа под командованием Энрике Гомеса возвратилась с задания с двумя прекрасными кавалерийскими лошадьми. На одной ехал Гомес, на другой везли раненого минера Хименеса.

– На нашу засаду нарвался конный патруль, – докладывал Гомес Маркесу, – его ликвидировали, а эти кони перешли на нашу сторону: не стали убегать.

Гомес передал лошадей в конный взвод, но сам продолжал вылазки пешим порядком.

Андухарская трагедия

В марте противник вел наступательные бои на Южном фронте, пытаясь овладеть важным узлом дорог – городом Пособланко. Обладая численным превосходством в самолетах, мятежники и интервенты безжалостно бомбили города и села Испании, убивая мирное население.

В теплый, солнечный мартовский день, направляясь сквозь встречный поток беженцев из Хаена на базу, мы выехали на дорогу Линарес – Андухар. И вдруг до нас донеслись глухие взрывы, вскоре в чистом небе мы заметили итальянские самолеты, через 2–3 минуты услышали несколько сильных взрывов, и впереди, над городом, поднялось расплывающееся облако пыли.

Когда мы приехали в Андухар, который не могли миновать в поездке из Хаена в Вилья Нуэва де Кордова, городок был неузнаваем. От множества старинных зданий остались развалины, на улицах лежали груды кирпичей и камней, зияли воронки.

Отчаянно кричали матери, разыскивая детей, а дети плакали, потеряв своих родителей.

Рядом с убитым крестьянином лежал тяжелораненый ослик. Он пытался встать, но не мог и опять падал в лужу крови.

У двухэтажного полуразрушенного дома люди ломами, лопатами и самодельными вагами расчищали обломки, освобождая проход. Из-под развалин был слышен плач ребенка и, временами, душераздирающие крики и стоны женщин.

– Хватит! – кричит секретарь Андухарского комитета коммунистической партии Хименес. Он с лопатой лезет в образовавшееся отверстие. Все напряженно ждут. Стоны и причитания под развалинами прекращаются.

В щель между камнями Хименес подает все еще всхлипывающего мальчика трех-четырех лет.

Вслед за ребенком из полуразрушенного дома появилась и причитающая старая женщина.

Последним вылез весь в пыли Хименес.

– Помогите вынести мать ребенка, – сказал он надорванным голосом. – Она мертва.

Я работала на импровизированном пункте первой медицинской помощи с очень ограниченным по количеству медперсоналом. Доставляли тяжелораненых, нуждающихся часто в очень сложных операциях, привозили и таких, которым достаточно было сделать только перевязку.

Врачи, их помощники и медицинские сестры работают без устали, самоотверженно и напряженно, но их не хватает, и раненые подолгу ждут своей очереди.

Вот мальчик лет 10—12-ти. У него перебиты обе ноги ниже колен. Лицо смертельно бледно, лоб в испарине. Ребенок потерял много крови и нуждается в немедленном ее переливании. Он не жалуется на боль, а только кричит, призывает мать, не зная о том, что ее убили фашистские варвары.

Трудно описать все ужасы обстановки наспех организованного полевого госпиталя, заполненного ранеными во время налета вражеской авиации.

Многие остаются калеками – без рук, без ног, многих выносят покрытыми белыми простынями.

Слышны стоны, проклятия.

Часа через два была оказана первая помощь всем нуждающимся в ней.

Долго не могла успокоиться после увиденного и пережитого. Тяжело было вспоминать о несчастных, искалеченных людях, но еще тяжелее – об изувеченных на всю жизнь и осиротевших детях!..

Два часа наши машины возили раненых и убитых. Водитель машины Рудольфо – Висенте сделал пять рейсов. Пепе за это время перевез в госпиталь восемь тяжелораненых детей и женщин. Два малыша скончались.

– Я еще покажу фашистским собакам! – почти кричит Пепе, обтирая машину после перевозки раненых, кричит, чтобы не заплакать, и посылает много ругательств и проклятий фашистским стервятникам, самому Франко.

Смотрю на маленького Пепе и думаю о подвиге испанского народа, волю к победе которого не сломили ни вражеская блокада под флагом невмешательства, ни варварские бомбардировки итало-немецкой авиации, ни растленная пропаганда анархистов.

Пепе как бы понял, о чем я думаю, заговорил:

– Если бы не анархисты, если бы не мягкотелые, нерешительные социалисты, мы уже имели бы крепкую, спаянную, народную, регулярную армию, похожую на пятый полк, которая с помощью Советского Союза стерла бы с лица испанской земли фашистскую нечисть.

– Да! – подтвердил один из ехавших с нами диверсантов. – Пятый полк несет дух дисциплины, организованности, отваги и непоколебимого мужества!

И это были не слова, брошенные на ветер. Мужество

испанского народа подтверждало сказанное. Рабочие и крестьяне, взявшиеся на оружие, показали чудеса мужества, отваги, героизма и дали сокрушительный отпор мятежникам и интервентам.

– Бандиты! – говорил Пепе. – Это они на мирных жителях вымещают свои неудачи на фронтах. Варварские налеты авиации – это только один из показателей сути фашизма, сути их человеконенавистничества. Укротить фашизм можно только оружием, только вооруженной борьбой, хотя при этом придется стрелять и в тех солдат, которых бросили против нас фашистские главари, чтобы они скорей поняли, куда попали, и повернули оружие против своих поработителей, превративших собственные народы в рабов, а солдат – в убийц.

Встреча в Пособланко

В марте 1937 года врагу удалось подойти почти вплотную к Пособланко.

– Луиза! Прошу поехать со мной к командующему, – обратился ко мне Кольман, – нужно поговорить с ним по очень важному делу, что я не могу сделать с моей «гвардией», – как он называл иногда своих переводчиков.

– Но Рудольфо и Доминго нет, и я осталась одна во всем хозяйстве.

– Всю ответственность беру на себя. Готовьтесь, через десять минут заеду, – ответил решительно Кольман.

И вот едем в штаб фронта. Гвардеец сидит рядом с водителем, мы с полковником на заднем сидении.

Заезжаем в Андухар. Переса Саласа в штабе не было. Мы с Кольманом прошли к знакомым нам офицерам штаба. Стали выяснять обстановку на фронте.

– Положение очень тяжелое, – заметил офицер, – командующий в Пособланко. Насколько нам известно, он принял решение оставить город. Почти все население уже эвакуировалось.

– Но в Хаене мобилизуется весь транспорт, и утром в Пособланко прибудут резервы, – перевела я слова Кольмана. – Захват Пособланко мятежниками дает в их распоряжение важный узел дорог у Альмалена, открывает путь к рудникам ртути, олова, свинца, другим ископаемым, крайне нужным республике, – убеждал Кольман начальника штаба.

– Все знаем, но обстановка, угроза окружения, резкое превосходство сил у противника, – ответил тот.

– Может быть, доложить командующему по телетайпу о том, что утром прибудет подкрепление, – предложил Кольман.

– Это будет напрасной тратой времени! Мы уже докладывали, но командующий принял решение оставить Пособланко, и бесполезно с ним по этому вопросу говорить, – добавил сокрушенно начальник штаба.

Зная упрямство Переса Саласа, Кольман все же решил ехать в Пособланко.

– Поедем, Луиза, попытаемся доказать, убедить, что подкрепления придут завтра, и надо до их прибытия удержать город.

Неутомимый и, как всегда, веселый шофер Кольмана Эмилио ночью, по горной дороге, уверенно вел машину навстречу потоку беженцев из Пособланко.

Внезапно машина остановилась. Впереди стоял упрямый осел, на боках у него висели две большие корзины, в каждой по одному ребенку. Осел не хотел сворачивать, дети плакали. У матери были слезы на глазах.

Мычат коровы, блеют овцы, уныло бредут жители. Горестно и жалко до боли смотреть на людей, бросивших все. Они оставили свой кров, скарб и, спасаясь от фашистских извергов, шли в неизвестную даль, в тыл республиканских войск.

Беженцев всюду принимали хорошо, понимая их тяжелое положение, с ними делились последним. Я видела это: в Валенсии, Мурсии, в Хаене и Линаресе. Щедрое солнце грело несчастных своими лучами, скрашивая их тяжелую судьбу.

В Пособланко приехали поздно ночью. Полуразрушенный и совершенно опустевший город утопал в темноте. Недалеко, западнее, тревожила ночную тишину ружейно-пулеметная стрельба.

Найти командующего в опустевшем городе оказалось нелегко. Заехали в штаб одного из батальонов, расположенный в полуподвале каменного двухэтажного здания. Около штаба стояло несколько легковых и одна грузовая машина.

Помещение было хорошо затемнено. Один из офицеров узнал полковника Кольмана. Нам дали солдата, знавшего, где находится командующий.

В это время в штаб ввели под конвоем двух пленных мятежников.

Как ни спешил полковник к Пересу Саласу, но не утерпел, чтобы наскоро не расспросить пленных.

– Уточнить обстановку в тылу врага очень важно перед беседой с командующим, – сказал он мне, и я перевела его просьбу.

– Пожалуйста, – вежливо ответил знакомый офицер.

Мы приступили к допросу.

Первый пленный имел усталый и испуганный вид. Его обмундирование было грязно и порвано, лицо заросло густой черной щетиной.

Солдат оказался неграмотным. Мне стоило большого труда вести допрос. Кольман пытался как можно полнее и точнее узнать о численности, составе, вооружении, расположении и настроении войск противника.

Приходилось часто уточнять ответы пленного. Кольман нервничал, посматривая на часы.

– Наверное, достаточно. Больше ничего полезного мы от него не узнаем, – сказала я.

Советник согласился. Пленного увели и ввели другого – то ли капрала, то ли какого-то младшего командира. На вопросы он отвечал уверенно, со знанием обстановки. Он уточнил на карте расположение известных ему подразделений и складов. Как и первый пленный, он всячески подчеркивал, что ненавидит фашистов, особенно надменных немецких. Кольман остался доволен этими показаниями.

– Ну а теперь поедем к Пересу Саласу, – сказал он, когда допрос окончился.

– Противник измотан боями, наступательный порыв его войск под Пособланко уже давно иссяк, – говорил мне Вильгельм Иванович. – Утром прибудет пополнение, нам надо будет доказать Пересу Саласу необходимость удержать город до подхода подкреплений. Главное – не получить сразу отрицательного ответа. Полковник упрям, а потому начнем издалека.

Обойдя развалины, мы вошли в сохранившееся здание – не то монастыря, не то костела с куполом. В большом зале тускло горела небольшая электрическая лампочка. На носилках и койках лежали 15–20 раненых солдат и офицеров-республиканцев. Некоторые из них тихо стонали. Спертый воздух был насыщен запахом крови и лекарств. Нас провели через зал в кабинет командующего. Мы застали его сидящим у камина. Он встал и пошел навстречу. Вежливо поздоровался.

– Сеньорита! Сюда так поздно ездить опасно, – сказал он, отпуская мою руку.

Я заметила, что, здороваясь с Кольманом, Перес Салас сразу сменил улыбку на безразличное выражение лица.

Вильгельм Иванович почувствовал холодный прием и не решался заговорить по существу дела.

– Луиза, выручайте! – шепнул он мне.

Нам подали кофе. Выпив его, я подвинулась ближе к камину, взяла железный стержень, служивший кочергой, и, поправляя поленья, сказала:

– Люблю сидеть у камина! Это, сеньор полковник, напоминает мне огонь у ненцев в чумах – жилье, сделанном из шестов и оленьих шкур, с отверстием наверху для выхода дыма.

– Что это за народ ненцы? – просил, оживившись, командующий.

Я рассказала. Потом говорили о театре, о литературе. Кольман рассказал о Латвии, я о Ленинграде и опять о Севере.

Пили еще кофе, и время шло. Слушая наши рассказы, полковник Перес Салас понемногу оттаивал. Во время очередной паузы он заметил:

– Сеньора Луиза, вы говорите таким хорошим литературным языком, точно долгое время жили в Испании. Где вы так овладели испанским?

– Изучала в институте, работала переводчицей и читала испанскую литературу.

– Похвально! Видите, вот и пригодились знания.

Перес Салас загадочно улыбнулся и продолжал:

– Каким я был профаном, когда думал, что в России на Севере живут только белые медведи да бородатые мужики. Оказывается, там есть и красивые девушки. Занятно, что они изучают иностранные языки в больших городах и живут потом в столице.

– Ну, – подумала я, – лед тронулся.

Улучив минуту, когда он стал подбрасывать в камин дрова, я шепнула Кольману: «Давайте попробуем». Вильгельм Иванович понял и стал говорить.

Разговор велся в спокойной, как бы домашней обстановке.

– Гарантируете, что завтра прибудет пополнение? – спросил командующий.

– Обязательно прибудет. В Хаене собирают весь наличный транспорт, – ответил Кольман.

К моему удивлению, Кольман убедил Переса Саласа, и тот согласился не оставлять Пособланко и при нас отдал приказ: «Всеми силами удерживать город…»

До утра мы просидели у командующего. Ночь была беспокойной, темной. Из соседнего зала изредка доносились стоны раненых. Часто звонили телефоны, прибывали с докладами командиры.

– Спасибо, Луиза, большое спасибо! – сказал Кольман, пожимая мне руку, когда мы вышли от командующего. – Без вас мне не удалось бы уговорить полковника. Теперь вам, наверное, ясно, что надо переходить ко мне совсем, а то сколько раз у меня не получалось ничего с моими переводчиками, когда приходилось разговаривать с командующим, и не только с ним, но и с его начальником штаба.

– Дело все же не во мне, полковник поверил в то, что утром обязательно прибудет подкрепление.

И мы молча направились к машине.

– Эмилио! Вамос а Хаен! – сказал Кольман, разбудив водителя.

Тот некоторое время зевал, потягивался, потом сел за руль. Неожиданно мы услыхали надрывный гул приближавшихся вражеских самолетов.

– Что-то уж очень рано! – заметил Эмилио, заводя мотор.

Но уехать мы не успели. Началась бомбежка. За домом, стоявшим напротив штаба, раздался сильный взрыв, машина вздрогнула, метрах в десяти упал и рассыпался большой кусок черепичной крыши. Отдельные осколки рикошетом попали в капот машины.

Шесть самолетов безнаказанно, с небольшой высоты, сбросили бомбы и улетели.

Нам повезло. Бомбы падали кругом, но наша машина не пострадала, на ее капоте были лишь вмятины.

Всю бомбежку мы просидели в машине, а потом зашли к Перес Саласу.

– Командующий уже знает, что подкрепление проследовало через Вилла Нуэва де Кордова, – сказал нам дежурный.

Минут через тридцать подкрепление прибыло.

– Очень хорошо! Вовремя! – сказал Перес Салас, выслушав рапорт запыленного, невыспавшегося, но довольного командира батальона.

– Вовремя! – подтвердил Кольман, здороваясь с Валенсуэлой. Если бы на час раньше, то попали бы под бомбежку, если бы опоздали – командующий мог отменить приказ об удержании города.

В это время перед штабом раздались гулкие и резкие сигналы.

– Что-то опять случилось? – спросил Кольман, и я не успела перевести, как в помещение ворвался офицер и радостно закричал:

– Наши сбили итальянский самолет, мы поймали и привезли фашистского гада.

Пленного ввели под конвоем.

Молодой, упитанный, хорошо выбритый летчик был бледен и явно испуган. Как он мне напоминал тех наглых упитанных немецких молодчиков со свастиками, которых мы встретили перед отъездом, во время обеда в Париже. Ресторан находился недалеко от советского посольства. Гитлеровцы, видимо, понимали немного русский язык и подсели за соседний стол. Они ехали в Испанию и приняли Порохняка и Павла-танкиста тоже за летчиков, порекомендовав им… ехать обратно.

Пленного стали допрашивать. Он хорошо понимал по-испански, но отвечал на смешанном итало-испанском, и я не все разбирала. Его часть дислоцировалась под Кордовой.

– Русские самолеты лучше, – вынужден был он признать и добавил: – а летают на них дьяволы!

В те трудные мартовские дни Пособланко устоял. Враг был отброшен от города. В этом есть и заслуга отряда Доминго, отважные группы которого захватывали пленных и добывали ценные разведывательные данные, пускали под откос вражеские поезда, подрывали автомашины, нарушая тем самым работу вражеского тыла, заставляя мятежников тратить много сил и средств на охрану коммуникаций.

Большую роль в отряде Доминго сыграли интербригадовцы: югославы, чехословаки, поляки, финны, итальянцы, венгры. Но не повезло нам с немцами, австрийцами и бывшими белыми. Немцев в тылу противника постигали неудачи. Закаленные в классовых боях, они прибыли в Испанию, чтобы бороться против фашистов. На фронте они сражались, как мне довелось слышать, достойно. Хорошо они учились, но действовать небольшими группами в тылу врага так и не научились: то попадут в засаду, то нарвутся на вражеский патруль. А одному из них детонатором оторвало два пальца.

Посоветовались Рудольфо с Доминго и решили уважить просьбу немецких товарищей. Их проводили обратно в Альбасете. Попросились назад, в свои бригады и австрийцы – молодые, но маловыносливые для действий в тылу мятежников.

Высокие, худощавые и очень сильные финны проявили себя бесстрашными диверсантами, отлично освоившими технику и тактику. Они прекрасно ориентировались на незнакомой местности без компаса и карты, хорошо понимали приметы, по которым можно было правильно определить направление. По отзывам испанских товарищей, финны чувствовали себя в тылу противника как рыба в воде.

– Очень храбрые и умные диверсанты! – отзывался о них Маркес, с которым они проводили вылазки на коммуникации мятежников.

Каждый раз, возвратившись из тыла и получив деньги, финны преображались: много пили и, «насытившись», бушевали или пропадали неизвестно где. Сказались, видимо, прежние суровые условия их работы: моряки и лесорубы.

Испанского языка они не знали, а потому их в пьяном виде часто задерживали.

Рудольфо беседовал с ними не раз, доказывая, что если они не могут обойтись без спиртного, то пусть выпьют и спят.

– Гуд! Гуд! – отвечали финны, но после очередного рейда в тыл мятежников опять напивались и скандалили.

Пришлось проститься с ними, хотя потом Рудольфо и Доминго не раз вспоминали их добрым словом.

– Отличные вояки! – говорил о них Хуан Гранде, – а вот в

выпивке нормы не знают.

Спокойно и уверенно действовали в тылу фашистов югославы, поляки, венгры, итальянцы, словаки.

Было у нас и три белоэмигранта: Александр, Федор и Михаил. Помню – двое высоких, один низенький. Все в униформе интербригад.

Рудольфо с собой никогда их не брал, хотя они хорошо говорили по-французски и скоро стали неплохо объясняться с испанцами. Мне они казались самыми несчастными людьми. Их увезли из России еще малолетними. Родители были не из богатых и удрали больше из страха, так как служили в белой армии.

– По малой сознательности попали в белую армию и, уже совсем по глупости, убежали из России, – говорил низкорослый Михаил.

– Хлебнули мы горя в этой Франции. Рабочие на нас смотрят косо, белыми называют, а какие мы белые, когда у нас все наше богатство – наши руки. А тут еще былые именитые князья и бароны пытаются сделать нас орудием своих махинаций.

– А так хочется попасть на Родину, что решили мы поехать в Испанию, доказать, что мы не белые, а самые что ни на есть настоящие красные, – говорит высокий, тощий и всегда задумчивый Александр.

Третий – Федор – получил во Франции высшее образование, но был вынужден работать рабочим.

– Образованным рабочим и самим не хватает работы по специальности, – жаловался Федор. – Пробовал организовать свое дело, вложил последние сбережения, влез в долги и «прогорел». Пошел работать грузчиком, потом на кране. Увидишь в порту советское судно – сердце кровью обливается, так хочется в Россию. Родина тянет, – говорил он, – но надо доказать, что ты уже не белый.

И они воевали против мятежников и фашистских интервентов, воевали отчаянно, чтобы заслужить доверие и получить разрешение вернуться на Родину. Двое погибли, а судьбу Михаила не знаю.

Не помогло и соседство с монастырем

После ночного дождя особенно радовал солнечный теплый день. Все шло благополучно. Взрослое население Хаена трудилось, дети учились или гуляли, каждый работал на своем месте. Когда Састре с Росалиной и другими испанскими товарищами заканчивали на кухне изготовление очередной партии мин, вдруг раздались сильные взрывы. Мы не сразу поняли, в чем дело, так как никаких сигналов воздушной тревоги не было (правда, не было и вообще противовоздушной обороны). Как оказалось, вражеские самолеты внезапно вылетели из-за горы и с небольшой высоты начали бомбить мирный город. Это было так неожиданно, что мы не успели потушить керосинки, на которых подогревали смолу. Одна из бомб угодила в соседнее здание, наш дом содрогнулся, стена треснула от сотрясения, керосинки упали на пол. Прежде чем опомнились, на полу уже бушевало пламя. Горящая смесь керосина и смолы потекла по коридору, по сторонам которого располагались жилые комнаты. В двух комнатах ситуация сложилась критическая, под кроватями находились ящики с динамитом. Квартира наполнилась едким дымом. Росалина отчаянно запричитала, не зная, что делать. Расторопный Састре схватил кастрюлю и бросился к крану, но воды не было, остальные в испуге метались, не зная, что предпринять.

– Скорее, скорее тащите одеяла и накрывайте ими огонь, – закричала я не своим голосом – ведь у меня под кроватью тоже были два ящика взрывчатки. Кто-то из мужчин притащил огнетушитель, но он не работал.

Через несколько минут все имеющиеся в квартире одеяла были на полу, сквозь них пробивался едкий дым, но огня уже не было. Последовательно ликвидировали все тлеющие очаги.

Взглянув друг на друга, все облегченно вздохнули.

Бомбежка еще продолжалась, но бомбы падали где-то вдали.

В квартире было темно от дыма и пыли, а с улицы еще доносились разрывы бомб и рев самолетов. Мы не знали, что делать, не решаясь покинуть свой дом.

Когда бомбежка окончилась и пыль развеялась, мы увидели разрушенные здания, зияющие воронки, стекло и щебень на мостовой, поваленные столбы, перепутанные провода, убитых и раненых людей и мулов. Совершенно целым сохранился лишь монастырь, где находились монашки.

Оставив в помещении одну Росалину, мы добежали до здания нашей партизанской школы. Оно уцелело. Я немедленно поехала с помощником дежурного в провинциальный комитет партии.

Секретарь комитета Валенсуэла направил весь состав школы в район наибольших разрушений.

Красивые здания, простоявшие не одну сотню лет, были превращены в руины. А ведь ими любовались, в них жили мирные люди! Из-под развалин слышались душераздирающие стоны и вопли тяжелораненых. Их извлекали из-под руин и оказывали первую помощь.

Личный состав батальона «Эспесиаль» проявлял находчивость, мужество и отвагу при спасении пострадавших. На этот раз каждый из диверсантов имел с собой не мины, а инструменты, необходимые для спасения заваленных людей в разрушенных домах и оказания им первой помощи.

Несмотря на возможность повторного налета, местное население, словно муравьи, самоотверженно трудились по ликвидации последствий варварской бомбардировки. Перед наступлением темноты все наиболее срочные работы были выполнены.

Доминго и Рудольфо отсутствовали. Замечу, что при них не было ни одной бомбежки.

– Что будем делать? Скоро наступит ночь, и может быть еще налет? – сокрушенно спрашивал Састре.

Хотя ни одна бомба не попала в занимаемые нами здания, но я решила, что лучше на ночь вывезти взрывчатку и готовые мины за город.

Ночь провели в оливковой роще. К счастью, налета не было. Утром взошло солнце, стало так жарко, как бывает в Андалузии весной, и мы возвратились в город. Убрали на кухне, привели все в порядок. Подача воды возобновилась, и Састре со своими помощниками стал снаряжать мины.

На следующий день Валенсуэла заглянул к нам в школу. После бессонной ночи под глазами у него появились темно-желтые пятна, но он был как всегда спокоен.

– Сам не ожидал, Луиза, что мы так быстро проведем спасательные работы.

Он вытер пот с лица и продолжал:

– Замечательный народ! Как работали все! Мятежники просчитались и заплатят, дорого заплатят за свои преступные действия, – говорил он убежденно.

Работники провинциального комитета партии бывали у нас частыми гостями, и всеми нашими успехами в усилении ударов по коммуникациям противника, по созданию и изготовлению

нужных нам специальных средств мы во многом обязаны их самому активному участию и помощи. Все, что нужно было школе и можно было достать в провинции, она имела в достаточном количестве. А те материалы, которых не оказалось в Хаене, мы с помощью провинциального комитета партии получали в других городах.

Незабываемые встречи

Однажды в марте 1937 года мне позвонил полковник Кольман.

– Луиза, приезжайте срочно! Из Валенсии прибыло начальство.

– Здравствуйте, Луиза! – поздоровался вышедший навстречу статный, явно военный человек с тонкими чертами лица, в испанской куртке с молнией.

– Рад сообщить вам приятную весть: вас представили к награде вторым орденом, орденом Красного Знамени[33].

– Служу Советскому Союзу, – ответила я.

– Ну а теперь давайте обмоем! – предложил Кольман и повел нас в комнату, где Кончита красиво сервировала стол.

Прибывший начальник – тов. Григорович, он же Г.М. Штерн[34] вел себя так, что в его присутствии все чувствовали себя свободно, как это бывает среди добрых друзей.

– Разрешите спросить, почему меня награждают уже вторым орденом, а Рудольфо Вольфа нет? Ведь он очень много сделал того, что не может остаться не отмеченным наградами?

– Его тоже представили, и вы можете передать ему. Я очень жалею, что его нет в Хаене, и до сего времени я только слышу о нем, но ни разу его не видел.

Подняли тост за процветание нашей Родины, за скорый и полный разгром мятежников и фашистских интервентов. Неожиданно Григорович спросил меня:

– А как вы, Луиза, смотрите на возможность вашего перехода к полковнику Кольману, вы знаете, как ему трудно, а Рудольфо обойдется и без переводчика.

Перспектива этого перехода меня соблазнила, мне нравилось работать у энергичного и весьма симпатичного полковника Кольмана, но к тому времени я уже не мыслила своего пребывания в Испании вне коллектива партизан-диверсантов, да и они привыкли ко мне. Я растерялась и молчала.

– Вас не устраивает новая работа? – спросил Григорович, ласково глядя на меня.

– Я не ожидала такого поворота в своей судьбе и так привыкла к своим боевым друзьям, что не представляю себе, как смогу с ними расстаться. Очень прошу меня оставить в отряде, а когда будет очень нужно, я поеду с полковником Кольманом в качестве переводчицы, – ответила я и сама поразилась своей смелости.

– Плохо поставлено у вас дело с кадрами, товарищ

Кольман, – заметил Штерн. – До сего времени не могли привлечь к своей работе Луизу.

– Я вас понимаю, – сказал Григорий Михайлович, обращаясь ко мне, – и вполне согласен с вами. Хорошо, что вы так привязаны к своему коллективу. Что ж, уважим вашу просьбу и не будем отрывать вас от партизан, но когда ваша помощь Вильгельму Ивановичу будет особенно нужна, помогите и ему!

Я увидела явно обиженное лицо полковника Кольмана, но была довольна, что так и не состоялось новое назначение. Мы еще долго сидели, беседовали. Григорий Михайлович ознакомил нас с международным положением, рассказал об обстановке в Испании.

– На испанской земле, – говорил он, – решается судьба не только Испании, но и в значительной мере определяется ближайшее будущее Европы.

Видя, как внимательно мы слушаем, Григорович продолжал.

– Тяжело испанскому народу, трудности заключаются не только в военной интервенции, в блокаде, но в отсутствии необходимого единства в рядах рабочего класса, особенно во вредной, исключительно вредной деятельности анархистских и троцкистских раскольников. Правые социалисты и многие лидеры буржуазных республиканских партий боятся революции, боятся социального прогресса. Растущие масштабы иностранной интервенции, а также неудачи республиканских войск, особенно падение Малаги, усиливают колебания среди непоследовательных и нерешительных участников Народного фронта, вызывая у некоторых из них пораженческие настроения, даже стремление к компромиссу с врагом.

Сделав небольшую паузу, Григорович продолжал:

– Испанская революция продемонстрировала огромную созидательную роль коммунистической партии. Идеи Народного фонта в Испании доказали их жизненную силу. Трудящиеся республиканцы, социалисты, коммунисты, даже рядовые националисты и анархисты проявляют мужество и героизм, самоотверженность в борьбе против фашистских интервентов и мятежников. Коммунистической партии удалось добиться создания регулярной армии с централизованным управлением, налаживается работа военной промышленности, идет борьба за усиление бдительности, дисциплинированности, за усиление обороноспособности и наступательной способности войск, и мы должны, используя наши знания и опыт, всемерно помогать испанскому народу в отражении нашествия фашистских интервентов. И наши люди, наши добровольцы своими боевыми делами доказывают, что советский народ всюду выполняет свой интернациональный долг, выполняет его и здесь, в Испании.

И Григорович предложил тост:

– За тех, кто, не щадя жизни, дает врагу отпор!

Родина не забывает тех, кто сражается против фашизма в Испании. Вам известно, что 1 января 17 советским летчикам и танкистам за мужество и доблесть, проявленные в обороне Мадрида, присвоено высокое звание Героя Советского Союза? Они вместе с отрядами народной милиции, солдатами республиканской армии и интернациональных бригад отстояли Мадрид и сорвали все планы интервентов и реакции. Впереди еще много сражений, но мы смело смотрим в будущее.

В интербригадах сражается цвет пролетарских сил. Многие погибли в боях против фашистских орд, но велики их заслуги, и их подвиги не забудет испанский народ, не забудут и трудящиеся всего мира.

Прощаясь, он еще раз поздравил меня с предстоящей наградой.

– Осталось меньше восьми месяцев до празднования двадцатилетия Великого Октября. Надеемся, что к тому времени будут разгромлены мятежники, и мы соберемся и отметим эту знаменательную дату в торжественной обстановке, – сказал Григорович.

Но пожелания его, к сожалению, не сбылись. Не удалось разгромить фашистов и мятежников.

Еще раз встретилась с Григоровичем уже в Валенсии, перед отъездом на Родину. Это было в здании, где находились наши советники.

– Итак, Луиза, собираетесь домой. Завидую. Тянет и меня, но пока еще не могу. Нет смены. Желаю счастливого пути.

Он спешил и распрощался.

Вскоре после отъезда Григоровича из Хаены Рудольфо сказал мне, что на днях к нам приедут Туманян и Ксанти (Мамсуров – старший советник по партизанской борьбе)[35].

Ксанти мы ждали давно, а вот что с ним приедет и Туманян, для нас было новостью. Мы не знали, что он прибыл в Испанию.

Во время своего пребывания в Мадриде Доминго Унгрия встречался с Ксанти и передал ему подробный доклад Рудольфо о проделанной работе на Южном фронте. Ксанти поддержал предложение о создании батальона «Эспесиаль» и всем, чем мог, помог капитану.

Прибыв из Мадрида, Доминго был в восторге от Ксанти.

– Очень хороший товарищ – внимательный, спокойный и дело понимает! Да как ему не понимать, когда он сам много раз бывал в тылу врага во главе групп и отрядов и совершал смелые диверсии, – восхищался Доминго.

К тому времени и боевые дела Ксанти были уже известны далеко за пределами Мадрида, в героической обороне которого Мамсуров принимал самое активное участие. Помимо непосредственного участия в обороне Мадрида, в вылазках в тыл врага во главе отряда, Ксанти направлял деятельность большинства партизанских отрядов и спецгрупп и на других фронтах, в том числе и нашего отряда, а затем и батальона «Эспесиаль», которым командовал Доминго Унгрия, при нем Рудольфо был советником и инструктором.

Для обмена опытом Ксанти направил в отряд Доминго несколько товарищей, в том числе и югослава Тома Чачича, смелого, дисциплинированного и обаятельного товарища.

До создания батальона «Эспесиаль» Ксанти присылал Рудольфо крайне нужные для отряда материальные средства.

– Камарада Ксанти обещал скоро приехать к нам в отряд, – уверял Доминго.

Действительно, вскоре в батальон приехал Ксанти не один, а вместе с Г.Л. Туманяном, который отправлял нас с Рудольфо в Испанию.

– Куда ни приеду, всюду старые знакомые, – заметил Гай Лазаревич, здороваясь со мной.

Г.Л. Туманян и Хаджи Мамсуров ознакомились с состоянием подготовки батальона, его делами и людьми, осмотрели мастерскую-лабораторию, где мы мастерили мины и ручные гранаты. Понравилась мастерская, понравились и мастера.

Гостям захотелось побывать на базе северо-западнее Адамуса.

К моему удивлению, ни Рудольфо, ни Доминго не стали их отговаривать, и после посещения базы батальона в Вилья Нуэва де Кордова такая поездка состоялась.

Переводчиками поехали Ян Тихий и Иван Крбованец. Я вместе с небольшой группой осталась на маяке, чтобы обеспечить безопасность возвращения гостей из тыла врага.

Познакомившись со скрытой базой, Г.Л. Туманян и Х. Мамсуров под утро вернулись усталые, но довольные увиденным.

Ко времени встречи с Ксанти я о нем много знала по рассказам тех, кто вместе с ним ходил в тыл врага, оборонял Мадрид, но сам Хаджи Джиорович никогда не рассказывал о своих боевых делах. Он говорил много об отважных защитниках Мадрида, об удали и инициативе тех, кто в сложных условиях выполнял важные боевые задачи, проявляя отвагу и мужество. Рассказывали, да в этом убедились и те из отряда Доминго Унгрия, кто вместе с Мамсуровым и Туманяном ходили на базу в тыл мятежников под Кордовой, что Ксанти обладал острым

слухом, умением быстро ориентироваться в сложных условиях вражеского тыла.

В особом восторге от приезда Мамсурова был маленький Антонио Доминго, который был очарован тем, как умело Ксанти вскакивал на коня и как тот его слушался, то вихрем неся всадника, то мерно гарцуя.

В середине мая мне довелось вторично встретиться с Ксанти в Валенсии. Он только что вернулся из Барселоны, куда ездил вместе с Рудольфо. Там, вскоре после их приезда, произошел путч анархистов. Выезжали они из города, когда республиканские войска овладели положением в городе и надежды мятежников на помощь анархистов не сбылись, но на улицах еще оставались отдельные очаги сопротивления анархистских банд.

Мина с магнитом

С приездом Гая Лазаревича Туманяна и Хаджи Мамсурова в Хаен связано создание так называемых магнитных мин, предназначенных для подрыва цистерн с горючим, боеприпасов и самолетов. Возвратившись из вылазки в тыл врага на скрытую базу, северо-западнее Адамуса, Ксанти заметил Рудольфо:

– Много разных мин вы делаете, а одной, очень нужной, у вас нет. Нет у вас таких мин, которые можно было быстро установить на цистерну, на боеприпасы, на самолет или паровозы, которая могла бы прилипать к тем предметам, которые надо разрушить.

– Да, – согласился Рудольфо, – есть более сложные, но таких мин у нас действительно нет.

– А они ведь очень нужны, эти мины, – подтвердил Гай Лазаревич, – постарайтесь сделать их.

Провинциальный комитет имел людей, способных проникать на железнодорожные станции и даже аэродромы врага, но у них и в нашей школе не было нужных средств, дававших возможность, не будучи обнаруженными, не оставляя никаких следов, уничтожать материальные средства и выводить из строя самолеты, паровозы и цистерны. Требовались мины, прилипавшие к объекту, которые быстро бы устанавливались, не падали бы с него во время движения.

Даже Састре, всегда веселый и мастер на выдумки, потерял сон. Много экспериментировали, изготовляли всякие прилипающие смеси, испытывали их и разочаровывались, составляли новые, но успеха не добивались. Не помню уже, кто первым предложил использовать магниты. Их удалось достать в школах.

Помню радость работников мастерской, увидевших, как маленькие магниты удерживают нужный диверсантам заряд.

Взрывателей замедленного действия у нас было много, самых различных, вполне пригодных для использования в магнитных минах и способных их взрывать в пределах от нескольких минут до нескольких часов. Но оказалось, что имевшихся в Хаене магнитов хватило лишь для изготовления двух десятков мин, и тогда Састре предложил:

– Пойдемте в комитет, они помогут нам их достать.

– Сходим, – согласился Доминго.

Секретарь провинциального комитета партии товарищ Арока выслушал просьбу Састре и сам пришел в мастерскую.

Осмотрев самодельную магнитную мину, он повертел ее в руках, приставил к металлическому шкафу, снял, посмотрел на

Састре, потом на Доминго и сказал:

– Замечательно! Достанем магниты, и не такие, а лучше этих.

Он тут же написал письмо своему другу в Барселону, и через неделю Висенте привез из Каталонии первую большую партию магнитов, которые были меньше ученических по размерам, но значительно сильнее их. Два из них надежно удерживали мину с зарядом в четверть килограмма.

В 1942 году в СССР, в Высшей оперативной школе особого назначения[36], где были Дель Кастильо и Доминго, появились английские малые магнитные мины.

– Мошенники! Почему они называются английскими? – возмущался Доминго, осматривая их красивое оформление. – Это всего-навсего улучшенный вариант нашей хаенской магнитной мины.

Еще позже испанские товарищи, принимавшие участие в партизанской борьбе против фашистских оккупантов на временно оккупированной территории Советского Союза, увидели металлическую «лягушку», получившую название ПВ-42, и опять в массовом масштабе изготовленную англичанами.

– Наша рычажная была лучше, безопаснее и надежнее, хотя и больше по размерам, – не без основания гордились те, кто применял ее впервые в Испании.

Так по инициативе Ксанти, Туманяна и провинциального комитета партии была решена еще одна задача по усилению ударов по фашистским интервентам. С помощью магнитных мин было уничтожено много цистерн с горючим, вагонов и паровозов, а в годы Великой Отечественной войны ими было взорвано много самолетов и эшелонов с горюче-смазочными материалами, боеприпасами, живой силой врага. Эти мины применялись партизанами и подпольщиками на территории всех оккупированных врагом стран. Впервые же их применили в далекой Испании.

Осиное гнездо

Недалеко от Андухара, на высокой горе, в тылу республиканцев находился монастырь «Ла Вирхен де ла Кабеса» («Головы Богородицы»). При отступлении фашистов в конце 1936 г. в нем засели мятежники – полицейские с семьями, проводившие дерзкие вылазки. Несколько попыток ликвидировать это осиное гнездо не увенчались успехом. Толстые стены, прочные своды и труднодоступные подходы обеспечивали гарнизону надежную защиту, вследствие чего и артиллерийский обстрел, и бомбежка с воздуха, и попытки взять монастырь штурмом не приносили желаемого результата. Боеприпасы, оружие и продовольствие им сбрасывали фашистские самолеты. Иногда этот груз попадал в расположение республиканских войск.

Во время подготовки к новому штурму монастыря мне пришлось ездить вместе с Рудольфо, а позже и с Кольманом на командный пункт батальона, осаждавшего монастырь-крепость.

В первый раз, когда мы ехали вместе с Рудольфо, Доминго и Састре, нас остановил регулировщик, предупредив, что дальше продолжать путь на машине опасно, так как местность простреливается врагом, и лучше пройти около километра пешком немного ниже дороги.

– Но по ней же ездят! – сказал Рудольфо, показывая на следы недавно прошедших автомашин.

– Кто ездит, а кто оставляет машину и идет пешком. Дня три назад один «фиат» фашисты подбили, и только в темноте удалось его вытащить. Будь в монастыре прожекторы, они и ночью не давали бы проезда, – начал рассказывать словоохотливый регулировщик.

– Поедем на машине! – предложил Доминго.

– Поедем! – согласились Рудольфо и Састре.

– Ну, Пепе, теперь вся надежда на тебя. Разгоняй машину и стрелой через опасный участок, – сказал Доминго.

– Хорошо! – спокойно ответил Пепе.

Быстро набирая скорость, он на своем «форде» въехал на опасный участок дороги. Мятежники молчали. Нас отделяли от стен монастыря около полутора километров открытого пространства. Когда проехали уже больше половины, я с ужасом увидела бурунчики пыли впереди на обочине. Заметил их и Пепе, но продолжал гнать машину, прижимаясь к противоположной обочине.

Когда остался позади опасный участок, Пепе остановился, вытер пот со лба и устало сказал:

– Пронесло!

Комбат, подтянутый пожилой капитан, уже знал о цели приезда Доминго и Рудольфо и встретил нас очень радушно.

– Надоело мне это осиное гнездо! Ничего со своим батальоном сделать не могу. Стоит зараза на горе, и близко не подойдешь, а ночью еще устраивают вылазки, за овцами охотятся, – жаловался комбат.

– За чем? – переспросил Рудольфо.

– Да за овцами, у них с продуктами туго.

– Так, так, – ответил Рудольфо, что-то соображая.

– А поближе подойти и посмотреть это логово? – спросил он.

– Можно, но и передовой наблюдательный пункт удален почти на целый километр.

До него мы добирались минут двадцать, где по траншее, где пригибаясь за грядой камней.

В бинокль монастырь казался совсем близким. В стенах были видны следы попаданий снарядов, заделанные обвалы от авиабомб, амбразуры. На солнце блестели позолоченные кресты.

– Осиное гнездо, а выкурить не можем! Нечем! Подтянуть бы заряд динамита да взорвать, – перевела я слова комбата, когда закончился осмотр монастыря.

– К сожалению, этот вариант очень сложен, – заметил Рудольфо, и Доминго с ним согласился.

– Значит, ваши минеры тоже бессильны? – с горечью и явным разочарованием просил комбат.

– Почему бессильны? Дайте немного подумать, – ответил Рудольфо.

Мы молча возвратились на командный пункт и стали собираться в дорогу.

– Придется подождать до обеда. В монастыре уже ждут вашу машину. У этих гадов тоже есть приличные стрелки, но во время обеда они стрелять не будут, так как заняты трапезой, – заметил комбат.

– До обеда еще далеко, проскочим, да и как не проскочить. Смотрите! Пепе уже перекрасил машину под цвет дороги, – сказал Рудольфо, показывая на «форд». А довольный Пепе все еще продолжал подкрашивать его.

– Замечательно! – восхищался комбат.

– Очень хорошо, – сказал Састре, как будто он тоже участвовал в этом деле.

Мы распрощались, и Пепе повел машину по опасному участку. Казалось, что вот-вот «резанут» из монастыря. Об этом, видимо, думал и Пепе. Он увеличил скорость и, наконец, дал полный газ. Монастырь молчал.

На контрольном пункте нас остановил регулировщик и удивленно сказал:

– Простите! Не узнал! Откуда, думаю, появилась такая машина?

Састре, Пепе и Доминго улыбались. Рудольфо хоть и не понимал, о чем говорил регулировщик, но за компанию тоже улыбался.

Через несколько дней на командный пункт батальона, осаждающего монастырь, собрался выехать Кольман. Он попросил меня поехать с ним. И я согласилась.

В отличие от маленького спокойного Пепе, водитель Кольмана Эмилио обладал юмором и любил пошутить. Он уже не раз проезжал по опасному участку дороги перед монастырем и смеялся, узнав, как Пепе разукрасил свою машину перед выездом с КП.

– Наша и без того разукрашена так, что ее трудно заметить издали. Монастырь большой, а машина маленькая, она кажется дальше, – говорил Эмилио.

На контрольном пункте нас остановили, но регулировщик встретил водителя как старого приятеля:

– Счастливо, Эмилио, доехать!

– Вашими молитвами, – ответил тот.

В отличие от Пепе, Эмилио выехал на опасный участок действительно стрелой. Уже благополучно миновали половину трудного пути, как вдруг впереди по дороге точно пробежали какие-то зверьки, поднимая пыль. Эмилио резко затормозил машину, чуть не съехал в канаву, потом рванул вперед. Больше перед нами на дороге столбиков пыли не было видно.

– Из пулемета обстреляли, – заметил Кольман.

Но Эмилио, уже сбавляя скорость, подъезжал к командному пункту.

– Сеньор полковник! – обратился капитан к Кольману. – Ну сами вы ездите, я понимаю, вам нужно, но зачем вы заставляете рисковать сеньориту?

Я не стала переводить слов комбата и ответила ему сама.

– Ничего страшного нет. Ведь далеко! – повторила я слышанные мною рассуждения Эмилио.

– Да, далеко! Но пули летят еще дальше, – ответил капитан.

Кольман беседовал с комбатом, я переводила. Комбат жаловался на усталость людей, которым уже осточертела эта крепость. Затем Кольман вручил комбату таблицу сигналов связи с республиканской авиацией и схему дислокации батальона.

Капитан не сразу все понял, и мне пришлось долго переводить объяснения полковника Кольмана. Вильгельм

Иванович с помощью комбата изучал расположение подразделений батальона, окружавших монастырь, уточнял данные о составе и поведении мятежного гарнизона. Он говорил о резервах, о маскировке, дисциплине, о систематическом огневом и другом воздействии на вражеский гарнизон, постоянной боевой готовности, об окопах и заграждениях. Для меня было много непонятных слов и выражений из военной терминологии, вроде «эшелонирование подразделений батальона». Переводить беседу Кольмана с комбатом было трудно и несравнимо сложнее, чем все переговоры и беседы Рудольфо.

Ждали Переса Саласа, но позвонили, что он не приедет. Кольман вместе с комбатом, одним офицером и двумя солдатами решили на месте уточнить расположение некоторых подразделений. Кольман сменил гражданские брюки, мне принесли военную форму, и я переоделась.

– Посмотритесь в зеркало, – посоветовал Вильгельм Иванович. – Чем не солдат республиканской армии?

Действительно, форма мне шла, только брюки были коротковаты.

Пробирались по тропе пригнувшись, а метров двадцать пришлось ползти по-пластунски.

– Невыгодно здесь держать взвод, лучше его выдвинуть вперед метров на 50 и метров на 100 севернее, – посоветовал Кольман, и комбат согласился.

– Оставленные позиции можно использовать для введения противника в заблуждение, – сказал Вильгельм Иванович.

– Да почему вам для этой цели не использовать макеты? – спросил он.

– Хорошо! – согласился комбат. – Попробуем.

Возвращались по той же тропинке, но, видимо, менее осторожно. Вблизи о камень цокнула пуля, и мы залегли. Немного обождав, поползли дальше.

Выехали в обеденный перерыв. Какой-то снайпер обстрелял нас уже в конце пути, но Эмилио ловко и на этот раз спокойно лавировал. Об опасности я почему-то не думала. Может быть и потому, что все время была в работе: переводила все, что говорили Кольману, а может быть и потому, что была уверена в то, что все кончится благополучно и наш водитель вовремя сманеврирует. А когда выехали на безопасный участок, я посмотрела на горы, и мне показалось, что мы заблудились. Я привыкла видеть горы бурыми, причудливо изрезанными темными ущельями. Но после дождя цвет гор изменился, и они стали неузнаваемо желто-красными. Но шофер безошибочно вывел машину на нужную дорогу.

Как позже я узнала от Доминго, Рудольфо и минеры придумали, как выкурить мятежников из монастыря.

– Долго мы следили за ним, – рассказывал он, – решая, как уничтожить его гарнизон, не подходя самим к монастырским стенам. Наконец, придумали. Мятежники в монастыре остро нуждаются в продовольствии и боеприпасах, поэтому они так слабо обстреливают легковые машины, проезжающие днем по опасному участку, – Доминго сделал паузу, довольный тем, что я жду его повествования.

– Использовали мулов. Одного нагрузили двумя ящиками с патронами, и когда он попал под обстрел, всадник соскочил и скрылся. Мятежники не стреляли в животное, оно спокойно сошло с дороги и стало щипать траву. Дело было к вечеру. Утром, к нашему большому удовольствию, мула уже не было. Видимо, его увели в монастырь. Через два дня другой мул под вечер тоже вез два ящика. Только на этот раз груз был особенным. Животное выросло в монастыре, и его захватил батальон при преследовании группы мятежников, совершавшей вылазку из осиного гнезда.

– И подарили им еще одного мула? – не удержалась я.

– Подарили не только мула, но и два ящика, в одном была мина с зарядом в двадцать килограммов. Мула вел тот же погонщик. Их обстреляли, солдат скрылся за камнями. Предоставленное самому себе животное, видимо, узнало свое пастбище и спокойно направилось к монастырским стенам. Погонщик даже несколько раз вдогонку выстрелил, чтобы не убить мула, а подогнать его к монастырю.

Стемнело. Мы ждали и уже было потеряли надежду. Но вот часов в десять вечера из монастыря раздался мощный взрыв.

Через час над крепостью появилась вражеская авиация.

Приспособленные для обстрела самолетов артиллерия и зенитные пулеметы республиканского батальона открыли огонь. Это заставило летчиков сбрасывать парашюты с большой высоты, и большинство грузов ветер отнес в сторону от монастыря, в расположение республиканского батальона или на поле перед крепостью, куда не могли выйти мятежники.

Потом крепость бомбили наши самолеты. Утром над стенами ранее неприступной цитадели мятежников взвились долгожданные белые полотнища. Осиного гнезда не стало.

Так андалузский мул сработал не хуже троянского коня, но только вместо людей была мина, снабженная «мышебойкой». Она взорвалась при попытке открыть ящик.

– Это такие же «мышебойки», какие Рудольфо учил нас делать еще в Валенсии и которые мы уже применяли в других сюрпризах? – спросила я.

– Именно такие, но только ящик был попрочнее, металлический. Это привело к тому, что собралось много любопытных. Пленные потом показали: «Думали, что-то важное, ценное, и главари унесли к себе в убежище». При попытке вскрыть ящик «мина взорвалась». Все главари погибли, а без них, да еще с ранеными, оставшиеся решили сдаться. И сдались. Так смекалка минеров сослужила добрую службу. Цитадель мятежников была ликвидирована.

На новой базе

Когда отряд Доминго превратился в батальон специального назначения и его зачислили на все виды довольствия, командиру пришлось писать заявки и отчеты по форме, а также представлять донесения. Нужен был штаб батальона, а у Доминго был только один штабной работник – Эсперанса, небольшого роста круглолицая девушка в очках. Она составляла списки, раздаточные ведомости на обмундирование и денежное довольствие, учитывала продукты, но отчеты и донесения представлять было некому, увеличился и размах диверсионной работы. Нужны были штабные работники. Ни один из наших воинов для этой работы не годился. Рудольфо поехал в Альбасате и привез с собой небольшую группу интербригадовцев и среди них капитана Любо Илича. Он прекрасно знал французский, понимал испанский, мог составлять отчеты, донесения, и Доминго согласился возложить на него обязанности начальника штаба батальона, но Рудольфо уже планировал создание бригады и готовил Илича в качестве командира второго батальона. Для этого он часто привлекал капитана к непосредственному участию в операциях.

Илич не терял времени, работал и учился, не пренебрегая и опытом других. Он был точен, решителен и спокоен в самых сложных условиях.

Он быстро освоил коды, диверсионную технику и тактику и скоро просто врос в батальон «Эспесиаль». Через некоторое время Рудольфо и Доминго, уезжая, стали оставлять капитана Илича за старшего. Начали формировать и второй батальон. Теперь один батальон предназначался только для действий в тылу врага перед полосой Южного фронта, второй – для действий на других фронтах, где потребует обстановка. Пайков хватало, да и трофеи были.

К тому времени батальон «Эспесиаль» на Южном фронте имел несколько баз в тылу мятежников, куда доставлялись необходимые средства и силы для ударов по коммуникациям и другим объектам. Диверсанты Доминго уже хорошо знали местность, подходы к наиболее важным вражеским объектам и, по указанию провинциального комитета, устанавливали связи с людьми, которые привлекались для диверсий и ведения пропаганды.

Базы в тылу врага организовывались в горах, покрытых густой высокой растительностью, вдали от населенных пунктов, в 10–12 километрах от линии фронта, там, где обе стороны обычно

имели боевое соприкосновение лишь вдоль важных дорог, а остальное пространство между ними прикрывали патрулями, реже – засадами.

На этих базах диверсанты батальона Доминго, как правило, находились до тех пор, пока были уверены, что мятежники не знали об их существовании. Уходя, командование делало все необходимое, чтобы никаких следов пребывания не оставалось, но, как показал опыт, этого достигнуть в большинстве случаев не удавалось. Противник иногда находил признаки пребывания диверсантов, поэтому на старых базах диверсанты старались больше не появляться, располагаясь вблизи них и ведя за ними наблюдение, чтобы в случае появления вражеских лазутчиков или солдат захватить их в качестве «языков».

В начале апреля в Хаене было уже очень жарко, и многие непривычные к жаре интербригадовцы днем изнывали от горячего воздуха, потоки которого, нагреваясь от раскаленных камней и асфальта, поднимались кверху заметным голубоватым маревом.

В один из таких дней в штаб батальона зашли радист Кольмана Н.И. Миронов и его напарник шифровальщик И.А. Гарбар. У загадочно улыбающегося Николая, как обычно, на ремешке висел фотоаппарат. Ну, думаю, опять пришел фотографировать. Но по виду Ивана Алексеевича Гарбара, выглядевшего серьезнее обычного, поняла, что прибыли они не для этого.

Поздоровались. Иван Алексеевич вытер большим платком лицо и сказал:

– Рудольфо срочная шифровка от Кольмана!

– Но его нет! Он в Вилья Нуэва де Кордова, – ответила я.

– А как с ним связаться? – спросил Гарбар.

– Попробуем по телефону, – ответила я.

Пока дежурный вызывал Вилья Нуэва де Кордова, никогда не скучавший Миронов словчился заснять нас с Гарбаром на фоне ограды монастыря.

– Рудольфо в Вилья Нуэва де Кордова не оказалось. Он с Доминго выехал в Пособланко и возвратится только к исходу дня.

– Дело неотложное, – заметил Гарбар.

– Раз так срочно, то можно немедленно выехать, и через два часа будем в Вилья Нуэва де Кордова.

– Мы и рады были бы поехать с вами, но не можем. Скоро очередной сеанс связи, – ответил Николай Иванович. – Мы как на привязи, – добавил он и еще раз вытер пот со своего круглого улыбающегося лица.

Дозвонились Кольману, и он разрешил вручить шифровку

мне. Я немедленно выехала в Вилья Нуэва де Кордова вместе с двумя испанцами, отдохнувшими после вылазки в тыл мятежников.

Перевалило за полдень, но солнце было почти все еще в зените. Пепе, как всегда, вел машину быстро, но осторожно. Через открытые окна дул теплый, но все же освежающий воздух. В поле работали крестьяне, и все казалось таким мирным, что можно было бы позабыть про войну, если бы навстречу не попадались камуфлированные легковые автомашины, а при въездах в населенные пункты не было бы КПП, напоминавших о военном положении.

В Вилья Нуэва де Кордова на нашей базе только что закончился обед, но никто не отдыхал. Люди готовились к очередной вылазке. Рудольфо с Доминго приехали часа за два до наступления темноты.

– Вот замечательно, Луиза, что ты здесь, – обрадовался Рудольфо, – мы собираемся ехать на новую базу, там должна быть большая почта, переводить некому, Тихий и Хуан Пекеньо на задание собираются, да и вообще они этих переводов боятся как черт ладана.

– Есть срочная шифровка, – прервала я.

Рудольфо прочитал ее и сказал:

– Собирайся! Обязательно тебе надо ехать на базу.

И тут же написал ответ Кольману.

– Все ясно. Сегодня группы выходят на выполнение задания.

– Закодируй и передай дежурному, а сама собирайся.

Сборы были недолги. Через полчаса мы были уже в пути.

Я готовилась читать и переводить почту, извлеченную из наших тайных «почтовых ящиков». С их помощью Доминго и диверсанты батальона поддерживали связь с подпольщиками, разведчиками и диверсантами в Кордове, на аэродроме, на станциях. «Почтовые ящики» избавляли от организации встреч с людьми, работавшими во вражеском тылу и помогавшими спецбатальону. Наши разведчики клали закодированные разведывательные данные и донесения о проделанной работе в условленном месте, куда можно незаметно пройти. А связные затем извлекали донесения и приносили в «почтовый ящик» новые задания, инструкции, указания, а иногда нужные средства.

Когда Рудольфо и Доминго были на базе в тылу противника, они на месте изучали полученные данные и часто немедленно поручали новое задание. Доминго прислушивался к советам Рудольфо, но, чтобы получить этот совет, мне нужно было перевести полученные донесения, так как сам Рудольфо не понимал полностью, даже с помощью Доминго, что было

написано в поступившей почте. Пробовал он для этой цели привлекать Хуана Гранде, но тот не умел читать рукописный текст. Иван Хариш и Ян Тихий помогали иногда Рудольфо, но тяготились этой работой.

На этот раз ожидались важные и срочные разведывательные данные, поэтому на базу Рудольфо взял и меня.

С тех пор прошло уже много лет, но и сейчас я хорошо помню, как однажды наш начальник Ксанти (Хаджи Мамсуров) запретил Рудольфо и мне ходить в тыл врага, за исключением случаев, когда надо было быстро освоить поступившую с тайников почту и дать срочный ответ. Изучение почты на базе часто было просто необходимо, так как это давало выигрыш во времени иногда в двое суток, а обстановка часто требовала быстрых решений. У командования и состава только что организованного штаба батальона еще не было нужных знаний и опыта, и учиться приходилось на практике, часто в тылу врага, как это делал Ксанти и учил делать других. Следуя его совету, так работал и Рудольфо.

С наступлением темноты Доминго, Рудольфо, Маркес, Тихий, Буйтраго и я, а еще человек 12 с тяжело нагруженными мулами распрощались с нашими патрулями, прикрывающими дорогу Адамус – Вилья Нуэва де Кордова, и двинулись в путь. На фронте было спокойно, и только изредка где-то вдали, справа, западнее Пособланко, возникала редкая и короткая перестрелка.

Шли долго и как всегда осторожно. Потом стали петлять, как зайцы. Это означало, что мы заметаем следы на подходе к базе.

Мы спускались все ниже и ниже и, наконец, увидели спокойное зеркало водохранилища. Остановились на берегу. Было тихо, и только слева доносился мерный гул падающей воды.

С мулов быстро сняли вьюки и отправили животных с проводниками назад. Чтобы не было видно следов, к мулу, идущему последним, прицепили большое помело.

– Ну а теперь быстро соорудим свой баркас, – сказал Маркес. Люди закопошились в темноте: одни спускали в воду грузы в прорезиненных мешках, другие налаживали большую брезентовую лодку. Минут через 5 она уже была готова, в ней разместились 8 человек. Первая группа отчалила и скрылась.

Томительное ожидание. Тишина. Прошло более 20 минут, когда лодка возвратилась.

– Все в порядке! – доложил небольшого роста командир группы Хосе Нуэртас.

– Пойдемте! – сказал мне Доминго, и мы стали садиться в качающуюся лодку. Последним сел сильный Маркес. Он держал в

руках веревку от плота, составленного из наших грузов.

Тихий и еще трое сильных диверсантов стали грести, и мы медленно поплыли. На западном берегу нас уже ожидали свои. Все вышли, а Тихий направился обратно на восточный берег.

Мы стали взбираться на гору по крутой тропе, замаскировав на берегу имущество, которое не смогли сразу взять. Несколько раз люди возвращались за ним, и, наконец, все собрались на базе. Проверив охрану, Доминго и Рудольфо пожелали мне спокойной ночи.

Но выспаться мне не дали, рано утром принесли почту: тут и донесения, и схемы расположения охраны противника на аэродроме, фашистские газеты, заявки.

– Луиза, пожалуйста, переведи поскорее вот этот документ, – попросил Рудольфо, передавая мне два листа, исписанных крупным неровным почерком. Видно, что писал мало учившийся и много работавший человек.

Я начала читать и переводить и увлеклась этим документом, как хорошим рассказом очевидца. Закончив перевод, передала его Рудольфо и оригинал Доминго, и они начали их изучать.

В донесении шла речь о новом контрольно-пропускном пункте на дороге Кордова – Севилья и порядках на нем. Помещение ремонтировалось, и в ремонте участвовал патриот-подпольщик, связанный с батальоном «Эспесиаль».

– Немедленно надо туда послать группу! – предложил Доминго.

– Группу? Опасно! Риск необоснованный! – возражал Рудольфо. – Лучше поставить мину замедленного действия, и сама «Мария» (это была условная кличка подпольщика) ее установит на объекте. Взрыв произойдет в его отсутствие, и он останется вне подозрения.

– Хорошо! Согласен! – ответил Доминго.

Я перевела еще несколько документов и только тогда получила возможность ознакомиться с новой базой. Ее окружали развесистые деревья, на них висели незнакомые мне красивые и сладкие стручки. Они в большом количестве уже опали, покрывая землю.

– Очень хорошая пища для мулов! – заметил равнодушный к ним Доминго.

Солнечные лучи проникали сквозь кроны высоких раскидистых деревьев, на мягкой зеленой траве можно было рассматривать цветы и букашек.

– Смотрите, какое красивое водохранилище, какое оно чистое и спокойное! – сказал капитан, показывая вниз, где, точно

серебряная гладь, далеко простиралось искусственное озеро, образованное плотиной электростанции.

– Здесь все оливы уже убраны, и сюда никто не придет, незачем! – успокаивал меня Доминго, видя мою задумчивость.

В самую жару, в полдень, на базе в горах мы наслаждались прохладой, чистым воздухом и готовили группы Байтраго, Тихого и его друга Маркеса для одновременной вылазки на коммуникации врага. Нужно было взять все необходимое и так его по-хозяйски уложить, чтобы оно оказалось под рукой, комплектно, но в то же время и удобно для переноски. До выхода на задание требовалось изучить маршрут, распределить обязанности и предусмотреть, кто и как должен действовать при различных внезапных случаях.

Еще с раннего утра неутомимый Маркес занимался со своей группой подготовкой к очередной диверсии. Спокойно, со знанием дела, он все сам выполнял аккуратно. Внимание он прививал и своим людям. Маркес любил собраться пораньше, чтобы несколько часов отдохнуть перед выходом на операцию. Так сделал он и на этот раз.

Закончив подготовку, он прилег на землю и начал читать «Мундо Обреро»[37]. Я невольно залюбовалась отважным диверсантом: правильные черты его лица издали казались как бы высеченными из гранита; он был невысок ростом, с причесанными назад черными волосами и умными карими глазами. Ходил мягко, бесшумно, ступая носками, никогда не разлучался с пистолетом, часто чистил и берег его. Маркес был рыбаком, но теперь он ловил не рыбу, а поезда и машины противника. Он мастерил отличные легкие, разборные лодки из бамбука и брезента или другой непромокаемой ткани. Маркес обладал большой физической силой и крепким здоровьем. Он гордился своим участием в борьбе против мятежников в Кадиксе. Выйдя в расположение республиканских войск, он попал в отряд Доминго и вступил в Коммунистическую партию. Не было ни одного случая, чтобы Маркес не выполнил задания, но не всегда сделанное его удовлетворяло. Он никогда не преувеличивал результатов взрывов установленных им мин и часто докладывал:

– Взрывы были, но результаты неизвестны!

Его девиз: «Незаметно выйти к цели, без надобности не рисковать. Поставь мину, замаскируй и отойди!»

Маркес со своей группой ходил глубоко в тыл мятежников, минировал сильно охраняемые участки, нападал на автомобильные колонны. Его группа совершала налеты на охраняемые объекты, всегда внезапные, тщательно

подготовленные, удачные и, как правило, без потерь со своей стороны.

– Очистим землю от интервентов и мятежников, – сказал как-то Маркес, – пойду учиться, выучу русский язык, научусь строить большие корабли.

Ян Тихий перед очередной операцией не забывал и физической зарядки. Приготовив все к походу, он стал заниматься прыжками в длину с карабином, потом и другими упражнениями.

– Ему-то нужно! Смотрите, какой он рослый и здоровый, да и энергии у него хоть отбавляй, вот он и поднимается на руках, – говорил Маркес, глядя на Яна Тихого, занимавшегося физической зарядкой.

Тихий и группу свою постепенно увлек этим занятием.

В одной операции по разрушению моста севернее Кордовы Ян Тихий вынес из боя раненого Мануэля. Более 200 метров нес он его на руках как ребенка, хотя тот весил более 70 килограммов.

Тихий подобрал себе в группу людей физически сильных, а главное, способных быстро ходить днем и ночью. Недаром их некоторые называли скороходами.

Группа его собиралась на операцию, расположившись на склоне горы, обращенной в сторону электростанции. Сквозь кроны деревьев было видно растянувшееся озеро, доносился гул падающей на плотине воды.

После ознакомления с базой и завтрака я опять занялась переводом сводок, донесений, отдельных заметок из газет. День прошел спокойно. Вечером ушел связной к «Марии» с минами замедленного действия.

– Луиза! – сказал мне Рудольфо. – Сегодня я должен уйти с базы, а тебе придется еще задержаться. Тут, как ты убедилась, довольно спокойно. Я свяжусь с Ксанти, доложу ему новые разведданные и вернусь.

Доминго и Рудольфо пригласили Маркеса и Тихого.

– Судя по донесениям, обстановка изменилась, – сказал Рудольфо. – Есть основания задержаться с выходом наших групп на задание. Сегодня я отправлюсь в Вилья Нуэва де Кордова, свяжусь с командованием, а затем сообщу по радио о принятом решении. Постараюсь в следующую ночь вернуться на базу.

Перед наступлением темноты одна из групп ушла на выполнение задания, о котором просил Кольман. Когда она скрылась, Рудольфо вместе с возвратившейся из очередной вылазки группой Педро Буйтраго направился на восток.

– Итак, завтра обязательно слушайте нашу передачу, – напомнил он Доминго и мне.

Ночь прошла спокойно. Утром мы по радио услышали условную передачу, которая подтверждала выход групп старшего Буйтраго и Тихого согласно плану.

– Обидно! – заметил Доминго. – Мы слышим, понимаем, а ответить не можем.

Да, у нас были приемники, но не было передатчиков.

Карателі

Едва мы успели позавтракать, как подбежал взволнованный дежурный.

– Товарищ капитан! К электростанции едут пять грузовиков с солдатами и один броневик, – доложил он.

– Где вы их видите? – спросил Доминго.

– Да вот они! – сказал он и передал бинокль.

Доминго смотрел, и я заметила, как побагровело его лицо.

Тихий тоже вынул свой бинокль.

– В наши края едут непрошенные гости, – сказал он тихо. – Жалко, что так рано. Посмотрите, Луиза!

Я взяла бинокль и увидела шесть машин, свернувших с дороги на электростанцию и медленно ползущих в гору.

– Прекратить работы. По тревоге собрать всех, – приказал Доминго дежурному. Тот скрылся. Никакой тревоги, как я ее представляла, не было, но все прекратили работу и, захватив оружие и все необходимое, стали быстро собираться по группам под кронами огромных деревьев.

– Очень рано! – Доминго выругался.

– Смотрите! – сказал он Тихому, показывая на машины, остановившиеся у разрушенного кем-то небольшого мостика.

Мы видели, как грузовики расползались в сторону от дороги, становились под деревья и маскировались. Из них высыпало больше сотни вражеских солдат. Издали, с горы, они казались игрушечными.

Солнце еще не достигло зенита. Я взглянула на часы. Доминго невольно сделал то же, потом посмотрел на небо, увидел редкие высокие облака. Было 11 часов 42 минуты.

– Неужели попал и не выдержал Алекс? Неужто это он? – тихо сказал Доминго, собрав командиров групп.

Американец Алекс около недели назад пропал без вести после неудачной попытки разрушить мост.

Я мысленно представила себе этого дотошного, веселого, небольшого роста американца, быстро освоившего испанский язык и не раз упрекавшего при мне Рудольфо, что тот никак не может научиться разговаривать по-испански. Алекс был смел, но физически слаб. «Неужели поймали и выбили», – подумала я. И тут же ответила себе: «Не может быть. Алекс не из тех, кто может предать своих».

– Нет! Алекс нас не выдал! – тихо и уверенно сказал Маркес.

– А ты откуда знаешь? – спросил из бывших белых Федор.

– Смотрите! Они приехали вовсе не для того, чтобы нас

искать, а хотят восстанавливать мост по дороге на маслобойный завод. Вот они уже собирают камни и пилят деревья, – спокойно ответил Маркес.

Мы сверху смотрели на работу людей, казавшихся маленькими, безобидными, но видели положенные на землю ровными рядками винтовки. А тут появились вдали еще машины. «Неужто и эти сюда, а не на электростанцию?»

Я еще не представляла себе всей нависшей над отрядом опасности. Он насчитывал около 50 человек, имел только 2 ручных пулемета, остальные были вооружены винтовками, пистолетами и гранатами. В двух километрах находились хорошо вооруженные, в два раза превосходящие силы мятежников, которые могли быстро быть увеличены в случае столкновения. От Кордовы до разрушенного моста не более 30 километров, или меньше 40 минут езды. От моста до нас – час хода. Все это, видимо, хорошо представлял себе весь состав отряда.

Командиры с биноклями наблюдали за вновь появившимися машинами. Их было пять, они повернули к разрушенному мосту.

– Надо готовиться скорее уходить, – заметил Доминго.

Машины подъехали к мосту, и с одной из них спрыгнули два солдата с собаками.

– Собаки! Это еще хуже! – заметил капитан и на этот раз даже не выругался.

Около взвода противника двинулось в горы, в направлении заброшенного маслобойного завода. Собаки рвались вперед, и их поводыри убыстряли шаг.

– Хорошо! Очень хорошо! Пусть идут на нашу бывшую базу – там есть мины-сюрпризы, – заметил Доминго. И мы продолжали уже спокойнее наблюдать за поведением скопившихся у моста мятежников. Одни восстанавливали мост, другие отдыхали. Со стороны Кордовы в небе появились два самолета. Они, к счастью, пролетели восточнее водохранилища и, значит, не могли нас увидеть.

Солнце еще было высоко в небе, когда взвод с собаками стал с маслобойного завода спускаться в долину.

Работы на мосту были прекращены. Машины, наполненные солдатами, вышли из укрытий и направились на гидростанцию.

Подъехав к плотине, они остановились, солдаты скрылись в лесу на восточном берегу, и мы их потеряли из виду.

– Будем отходить, – решил Доминго.

Оставив на базе в хорошо замаскированных тайниках все, что нельзя было взять с собой, отряд тронулся в путь, поднимаясь в гору, петляя так, что, сделав около полукилометра по склону горы в одну сторону, мы вновь шли почти обратно. Сзади остался

Маркес с одним из своих помощников для установки мин натяжного действия с очень тонкой ниточкой, подкрашенной под цвет травы.

Мы продолжали отходить, поднимаясь в гору и удаляясь от гидростанции. Остановились, выйдя под огромные густолистые деревья, которые надежно скрывали нас от наблюдения с воздуха. Внизу на востоке от нас виднелось вытянутое гладкое искусственное озеро, через которое лежал наш путь в расположение республиканских войск.

Небо заволакивали все более плотные облака.

– Собаки и солдаты на переправе, – доложил дежурный.

В бинокль они были хорошо видны на восточном берегу водохранилища.

Доминго посмотрел на небо, потом на часы.

– До наступления темноты еще почти шесть часов! Очень плохо! – заключил он.

Шедшие по берегу озера мятежники вдруг остановились. Возможно, нашли место нашей переправы и дальше не пошли. Отделение с собакой направилось в сторону гидростанции, а остальные скрылись в лесу.

Через час на водохранилище появились два быстроходных катера. Оставляя за собой разбегающиеся в разные стороны волны, они прошли мимо места нашей переправы, развернулись и пристали к восточному берегу в том месте, где мы видели раньше солдат.

– Нашли, гады! – сказал Доминго, передавая мне бинокль.

И действительно, один катер пересек озеро и пристал к западному берегу.

Мы были ближе километра от катеров и видели, как жестикулировал, очевидно, командир. Завели мотор и на втором катере, и он направился к западному берегу. Высадились пять человек с собакой, и она явно взяла наш след. А солнце, казалось, так и повисло в зените.

Солдаты не рискнули подниматься в горы. Катера прошли на наших глазах километра два по водохранилищу и возвратились на электростанцию.

Мы ждали появления карателей, но их не было.

– Скоро обед! Теперь они раньше 16 часов не появятся. Давайте и мы подкрепим свои силы, – предложил Маркес.

Несмотря на опасность, Маркес был в приподнятом настроении.

– Пусть пообедают и идут по свежим следам, чтобы другой раз не ходили! Чтобы я не зря старался, не зря готовил им «гостинцы»! – сказал он, лукаво поглядывая на своих

помощников.

– Хотя время еще не наступило, но будем кушать! – сказал Доминго, и все, кроме боевого охранения, приступили к обеду. После него все убрали, замаскировали, а Педро, Маркес, Тихий и другие из консервных банок наделали гранат замедленного действия. Через некоторое время все внезапно услыхали сильный взрыв. Он был настолько силен, что, казалось, поблизости упала и взорвалась авиабомба, как это было в Хаене.

– Луиза! Иди сюда скорее! – звал меня радостно взволнованный Доминго.

Подойдя, я увидела на склоне горы, там, где Маркес устанавливал мину, черно-бурое пятно, а вдоль склона ветерок уносил огромное облако пыли. Справа от пятна, в непосредственной близости от него, лежали останки тех, кто недавно был еще мятежниками, дальше валялись тела других убитых, ползли раненые, а еще дальше, в оцепенении или недоумении, стояли те, кто уцелел.

– Замечательно! Уничтожили, наверное, десятка полтора, – слышала я одобрения, обращенные Маркесу и его помощникам.

– Там еще «гостинцы» остались, но дальше они уже не пойдут, а жалко, – сетовал Маркес.

– Прекрасно! Очень хорошо! – хвалил Доминго.

– Товарищ капитан! Разрешите ликвидировать остальных! – обратился Маркес к Доминго, но тот погрозил ему кулаком.

– Ни одного выстрела! Ничем не обнаруживать своего присутствия! – сурово сказал он.

– Но, смотрите, сзади стоит тот высокий, сухопарый, – заметил Маркес.

– Далековато, гад, стоит, – сказал Доминго.

– Попробовать из ручного? – не унимался Маркес.

– Нет. Не будем выдавать себя из-за этой дылды!

Оставшиеся в живых мятежники залегли, видимо, ожидая нападения.

– Можно полностью уничтожить весь взвод, но те, кто остался на электростанции, могли услышать выстрелы, и через час враг может направить на нас целый батальон, а из Кордовы второй, затем и самолеты, и до наступления темноты нас окружили бы плотным кольцом так, что и ночью не уйти бы восвояси, – толковал Доминго своим командирам, предлагавшим атаковать остатки вражеского взвода после взрыва камнемета.

– Вон, смотрите, они еще ворочаются, – показывал мне Доминго. – Пока разберутся, наступит ночь, а наш и след простынет, – добавил он.

Мятежники, наконец, осмелели и, перестав бояться

нападения партизан, оказывали помощь раненым, а двое, видимо, посланные кем-то из командиров, побежали вниз.

– Солнце пошло на закат! – заметил довольный Доминго.

– Хорошо! Очень хорошо! Пора уходить на задание! – сказал Тихий.

– Подождите! Какое тут задание! – сказал Доминго.

– Какое вы нам поставили! Вы отходите на Адамус, а мы пойдем на железную дорогу! И все! – поддержал Маркес Тихого.

– Подождите! – подтвердил свое решение Доминго. – Пока не пришло подкрепление, будем отходить, чтобы врагу не удалось нас обнаружить, – и приказал готовиться к походу.

– Поставьте пару хороших «сюрпризов», чтобы было слышно, когда они придут сюда, и пойдем! – приказал капитан Маркесу.

Минут через десять отряд начал отход на север. И вовремя. Вскоре на водохранилище появились опять оба катера, а еще немного позже над нами на малой высоте пролетели два самолета, но – то ли они нас не заметили, то ли только вели разведку – бомб не бросали и не обстреливали, круто развернулись и уже пролетели немного западнее.

– Не заметили. Возможно, нам их снизу виднее, чем им сверху, – сказал Маркес.

С трудом пробираясь по горам, прошли километра два. Солнце все ниже клонилось к горизонту.

– Отдохнуть! – скомандовал Доминго.

Расположились под деревьями, бросавшими длинные тени.

– Пора! А то потеряем ночь! – сказал капитану рослый Буйтраго, который до того как-то оставался незаметным.

– Ладно! Идите! А послезавтра возвращайтесь южнее Овехо через линию фронта сразу на маяк, – согласился Доминго.

Группы Тихого и Буйтраго, распрощавшись, пошли прямо на запад. Я хорошо знала их, и все они – и Тихий, и Буйтраго – мне были дороги как братья.

– Передайте моей жене! – сказал мне Антонио, вручая пакетик, в котором вместе с письмом явно был заметен алый лесной цветок.

– Обязательно передам! – сказала я.

– А мне некому, да и нечего передавать. Возьмите вот это, здесь 200 с лишним пезет! Раздайте, кому найдете нужным! – сказал пожилой андалузец из группы Буйтраго, сунув мне в руку свой сильно потертый небольшой кошелек.

– А эту записку передайте Эсперансе, – попросил Тихий, неравнодушный к молодой испанке в очках.

Группы ушли. Тяжело стало на душе, как будто что-то потеряла.

– Пошли! – сказал Доминго, когда группы скрылись из виду. – Все будет в порядке. Эти не подведут, – добавил он, видимо заметив, что я загрустила.

И капитан повел своих людей на север, по лесным тропам. Никто нас не преследовал. Самолеты летали теперь уже не над нами. Вечерело, и настроение у всех улучшилось, слышались даже шутки.

Вынужденное купанье

Не заметила, как подкрались сумерки. Мы направились к берегу водохранилища.

– А они нас не забывают, – заметил Маркес, показывая на яркий свет прожектора медленно плывшего катера.

– Подождем, когда пойдет назад, на другую сторону! Приготовиться к броску!

Сноровисто стали собирать брезентовую лодку.

Я приготовилась плыть: полевую сумку, верхнюю одежду и пистолет уложила в прорезиненный мешок, надула его и крепко завязала.

Все было готово, чтобы одним махом переправиться на противоположный берег. Уже садились в лодку не умевшие плавать. В это время катер опять развернулся и направился в нашу сторону.

– Быстрее! Быстрее! Лодку в кусты! – и Доминго выругался.

Мы успели спрятаться в зарослях до того, как по берегу стали шарить лучи прожектора. Пришлось подождать, пока катер, сделав еще один заход, направился мимо нас к плотине.

– Пошли! Вы, Луиза, полезайте в лодку, – скомандовал Доминго.

– Пусть сядет тот, кто плохо плавает, а для меня переплыть это озера большого труда не составляет, да еще с таким поплавком, как мой мешок, – ответила я.

– Переплыть вы можете, но и простудиться также. Садитесь! – властно сказал Доминго, и я не стала спорить.

Взялась за руль, двое наиболее сильных, но, к сожалению, неумелых, стали грести. Едва успели отплыть метров 25, заметили, что лодка стала наполняться водой. Начали искать дыру. Нашли ощупью. Пробовали заделать отверстие, но безуспешно, вода прибывала все больше и больше.

Тонкий и уже не новый брезент, видимо, прохудился при переноске, и справиться с течью в дне лодки мы не смогли. Стало ясно, что на ней мы не переплывем. Чтобы уменьшить напор, я спрыгнула в воду, предложила это сделать всем, кто может плыть, держась за надутые мешки. Осторожно спустился на воду один, за ним второй, третий. Двое, не умевших плавать, постепенно, вместе с лодкой, погружались в воду. Оказалось, у одного молодого андалузца вещевой мешок не был надут, второй боялся судороги и не оставлял лодки.

– Сальвадор! Бери мой мешок! – предложила я молодому андалузцу. – Бери! Держись! Не утонешь! – и его тяжелый мешок

привязала к лодке. Она держалась еще на плаву.

Сальвадор вырос там, где негде да и некогда было учиться плавать, и он крепко держал в руках мой мешок, но нет-нет, как-то неловко поворачивался, и приходилось помогать ему удерживаться на воде, чтобы не захлебнулся.

Кричать было нельзя, а умевшие плавать все дальше удалялись от лодки, не замечая, что с ней произошло. Холодная вода пронизывала тело. Полузатопленная лодка с державшимися за ее борта людьми очень медленно продвигалась вперед. В случае появления катера дело могло обернуться весьма плачевно. Для меня стало ясно, что своими силами цеплявшиеся за лодку не доберутся до берега.

– Держитесь за лодку и поплавки! – сказала я и быстро, напрягая все силы, стала догонять умевших плавать.

– Авария! В лодке течь! Люди едва держатся на воде! – с паузами проговорила я, догнав группу.

Доминго, Маркес и другие остановились, стоя в воде, как тюлени.

– Назад! За мной! Маркес и хорошие пловцы! – скомандовал капитан, задыхаясь, а потом добавил: – Остальные на берег и там ждать нас!

Тем временем лодка с горе-пловцами почти не сдвинулась с места.

– Поплавки под брезент! – посоветовала я по опыту спасательных работ на многоводной Мезени.

Доминго не сразу сообразил, но когда я показала ему, засунув его мешок под брезент лодки, понял, в чем дело, быстро ринулся к берегу.

Маркес тоже запрятал свой поплавок и пришвартовал к лодке, дно которой уже полоскалось над водой, поддерживаемое прорезиненными мешками.

Вскоре один за другим стали подплывать хорошие пловцы, волоча за собой надутые мешки. Их заталкивали под лодочный каркас, за который держались все не умевшие плавать. Казалось, что мы были уже вне опасности, но катер у плотины развернулся, и огни его фар напомнили нам о ней. К счастью, нас не заметили, и катер шел медленно вдоль берега.

– Быстрее! Еще быстрее! – хрипел Доминго. Маркес оказался находчивее всех. Он привязал прочную бечевку к каркасу лодки и, разматывая моток, быстро поплыл.

Скоро лодку потянули, и она, вместе с державшимися за каркас, быстрее стала приближаться к берегу.

Вот он, заветный берег!

– Быстро взять мешки и за мной! – приказал Доминго.

Пока мы разбирали мешки, катер приближался. Лучи фар его скользили над водохранилищем, попеременно освещали берега.

– Стой! – приказал капитан, когда мы немного поднялись над берегом и оказались в довольно густых кустарниках. Впереди был голый склон.

Остановились. Несмотря на теплую ночь, вынужденное купанье вызывало дрожь. А лучи прожектора шарили по берегам и, наконец, добрались до нас. Свет проникал сквозь заросли, катер шел медленно, и мне казалось, что нас заметили, но это только показалось. Катер проплыл мимо, и мы опять очутились в тени. В это время на противоположной стороне, в горах, раздался далекий взрыв.

Мы почувствовали облегчение. Небольшая самодельная мина замедленного действия, оставленная нами, сделала свое дело – отвлекла на себя противника.

– Вперед! За мной! – скомандовал стоящий в мокрых трусах Доминго, и все мы, полуголые, продолжали подъем. Когда не стало видно водной глади, сделали привал и оделись.

Я отошла в сторону, вынула одежду из мешка, вытерлась и оделась в сухое. Стало так тепло, так приятно, а тут еще Доминго выдал из НЗ по 20–25 граммов коньяка.

– Выпейте за мое спасение! – сказал Сальвадор, подавая мне свою порцию.

– Спасибо! Грейтесь сами да плавать обязательно научитесь!

– Ну хоть глоточек, и я научусь плавать, – не унимался он. – Обязательно научусь! Хоть немного отпейте!

Отказать уже было нельзя.

В это время на противоположном берегу взорвалась вторая граната.

– Теперь им не до нас! – заметил Маркес.

И действительно. На помощь одному катеру шел другой, блуждая лучами прожектора по противоположному берегу. Красивое зрелище, и, главное, оно ободряюще действовало на нашу группу.

Не впервой спецбатальон применял гранаты замедленного действия, и, безусловно, об их существовании уже хорошо было известно врагу, но всегда взрывы этих мин его задерживали, отвлекали. Так произошло и на этот раз. Вскоре мы услыхали выстрелы.

– Давайте подарим им лодку! – предложил Маркес.

Доминго, видимо, сразу понял, в чем дело.

– Только побольше тротила, чтобы от катера осталось одно воспоминание.

– Не пожалеем! Жаловаться не будут! – ответил Маркес.

– Только не задерживайтесь! – предупредил Доминго.

Маркес взял тротил, взрыватели и со своей группой скрылся в темноте.

На противоположном берегу изредка стреляли. Время тянулось медленно. Доминго уже стал нервничать.

– Что это он задерживается? – сказал капитан.

Маркес бесшумно вынырнул из темноты и доложил:

– Мы им оставили хороший «подарок»! – и добавил: – Обижаться не будут!

Тем временем лучи прожектора стали рыскать по нашему берегу и, наконец, осветили то место, где мы вышли из воды.

Доминго остановился, и мы стали наблюдать, что будет дальше.

Прожектор обшарил прибрежную полосу, и катер, как мы и ожидали, медленно направился к оставленной нами полузатопленной брезентовой лодке. Мы уже знали повадки мятежников и были уверены, что они не станут нас преследовать в темноте. Карателя боялись ночи, она всегда была нашей союзницей.

Внезапно светлое пятно у берега исчезло, земля вздрогнула, взметнулся водяной фонтан, и у врага одним катером стало меньше. Команда второго катера, видимо, еще не понимая того, что случилось, шарила прожектором по водной глади, точно пытаясь обнаружить исчезнувшего своего напарника.

Доминго в темноте обнимал Маркеса. Мы пошли довольные. Через несколько минут донесся отдаленный взрыв, затем послышалась беспорядочная стрельба.

– Еще должны взорваться три «сюрприза», – заметил капитан. – Они сработают под утро. Очень хороший и верный способ бить этих негодяев.

Мы шли к своим. Надо было переходить линию фронта.

Враг, безусловно, был встревожен происшедшим на водохранилище. Это могло вызвать повышение его бдительности, это могло привести к тому, что наш небольшой отряд будет замечен до того, как выйдет в расположение республиканских войск. Мы это понимали и поэтому шли осторожнее, чем всегда, чаще останавливались, прислушивались. Наготове были гранаты замедленного действия, чтобы, отходя, ими прикрыться.

Мы знали, что в это самое время Рудольфо с небольшой группой должен был возвращаться на базу и, возможно, шел к водохранилищу, где, вероятно, было уже много вражеских солдат.

– Главное, мы ничем не можем ему помочь, – прошептал Маркес.

– Ничем… – согласился Доминго.

Хотелось надеяться, что группа Рудольфо, услышав взрывы, стрельбу, не будет пытаться переправляться через водохранилище и не попадет в ловушку.

Еще немного – и мы выйдем из вражеского тыла.

Но вот головной дозор остановился.

– Патруль! – шепнул мне на ухо Маркес.

Действительно, впереди явно были слышны шаги. Мы замерли. Теперь все зависело от того, заметят нас или нет. Патруль шел медленно. Мы лежали, и было слышно, как бьется сердце.

Прошло несколько беспокойных минут. Наконец, стало ясно, что патруль прошел мимо. Мы отдохнули и пошли – медленно, осторожно…

Миновали линию фронта незаметно и, выйдя в наш тыл, пытались найти Рудольфо. Командир батальона, на участке которого мы пересекли передовую, спокойно ответил:

– Рудольфо с группой перешел фронт сразу после наступления темноты.

Когда мы оказались среди своих и в безопасности, все мысли переключились на тех, кто шел с Рудольфо по тылам врага.

Временами на фронте возникали перестрелки.

– Сегодня на участке неспокойно, – заметил комбат. – Мятежники нервничают.

– Конечно, будут нервничать, – ответил Доминго. – Ведь они обнаружили диверсантов около электростанции и потеряли при этом людей и катер.

– Как было бы важно вовремя предупредить Рудольфо и его группу! – думала я.

Отсутствие двусторонней связи дало себя знать. Мы не могли ни предупредить Рудольфо, ни повстречаться с ним при возвращении, и он мог со своей группой выйти на занятую врагом базу, попасть к нему в лапы.

«Что же сделать, – думала я, – чтобы предупредить группу Рудольфо?»

Доминго некоторое время молчал, что-то соображая.

– Что будем делать? – спросила я, не узнавая своего голоса.

– По моим расчетам Рудольфо уже должен выйти к водохранилищу. И ничего мы уже не сможем сделать, – с горечью ответил Доминго.

Отправив людей на базу в Вилья Нуэва де Кордова, мы с Маркесом и Доминго остались на командном пункте батальона, где наши группы переходили через линию фронта.

Ночь была тихая и теплая. По звездному небу медленно плыли небольшие облачка. На фронте было спокойно. От комбата

мы узнали, что группа Рудольфо может успеть возвратиться сегодня ночью. Посты на передовой предупреждены.

Доминго был настолько утомлен, что уснул сидя. Маркес весь превратился во внимание и, обладая отличным зрением и прекрасным слухом, улавливал все, что делалось вокруг.

Мне было не до сна. Теперь я почувствовала, что Рудольфо для меня значил больше, чем я думала до сих пор.

Перед рассветом он возвратился по другой тропе. Узнала – и точно гора с плеч свалилась.

Мы встретили его группу на подходе к командному пункту и бросились обниматься, точно люди вернулись после длительной разлуки.

– Что случилось с базой? – первым спросил Рудольфо.

– Это потом, расскажи сначала, как вы не попали в ловушку? – спросил его Доминго.

– Не будь взрывов и стрельбы, могли бы и влипнуть, они заставили нас насторожиться. Мы вышли к берегу, все передумали, опасались, что вы отрезаны, но связи у нас не было, и ничего не могли сделать. На всякий случай решили отвлечь мятежников от базы и установили на восточном берегу 7 гранат замедленного действия, они стали взрываться, а с катера начали обстреливать берег. Мы наблюдали со стороны. Наконец, игра с катером кончилась. В районе базы стало тихо. Мы решили вернуться.

– А я все думал, – заметил Доминго, – почему так много взрывов? Может быть, мятежники начали артиллерийский обстрел, а, оказывается, это вы добавили еще гранат?

– Добавили, – согласился Рудольфо. – А теперь расскажи, что произошло на базе?

И Доминго подробно рассказал о карателях и подвиге Маркеса. Тогда мы еще не знали, что на катере находились 14 мятежников во главе с капитаном, и в результате взрыва мины Маркеса их не стало. Разведчики рассказали, что на следующий день в водохранилище мятежники уже не ловили рыбу, а вылавливали то, что осталось от команды.

В Вилья Нуэва де Кордова вернулись, когда солнце было уже высоко и зной проник в каменные здания. Некоторые жаловались на жару, а мне было холодно. Знобило.

Один в тылу врага

В молодости мне не раз приходилось не только плавать, но и работать в куда более холодной воде. Осенью собирали на болоте клюкву, а летом – морошку. И не раз я проваливалась в скрытые ямы на болоте и в пойме реки и мокрая шла несколько километров, иногда в довольно прохладную погоду.

А сколько раз ловила рыбу бредешком в воде, которая вначале казалась нестерпимо холодной? А самое тяжелое – это работа по сплаву леса, попавшего на мель.

Часами трудились мы в ледяной воде, иногда ноги сводила судорога.

Усталые, продрогшие выходили из воды и бежали домой, чтобы не замерзнуть. Многим из нас это не проходило бесследно. У одних появлялись устойчивые боли в ногах, другие заболевали ревматизмом, а некоторые получали воспаление легких.

Болели и у меня ноги, но я продолжала работать.

Не ожидала, что ночное купанье в горном озере уложит меня в постель.

Уже днем почувствовала не только боли в ногах, но и общее недомогание. К вечеру резко поднялась температура, и Пепе срочно отвез меня в Хаен к доктору, который раньше уже лечил Рудольфо от радикулита и когда он был ранен при взрыве электродетонатора.

– С вашим здоровьем такие холодные ванны противопоказаны, – ласково сказал знакомый мне еще с первых дней прибытия на Южный фронт опытный врач, прекрасный товарищ, член Хаенского провинциального комитета партии Фредерико дель Кастильо.

От одного его присутствия мне, казалось, становилось легче.

– Ничего, все пройдет, – успокоил он меня, посмотрев на термометр, и выписал лекарства.

– Надо серьезно подлечиться, а то потом не оберетесь беды. Начинается лето. Вам бы в сосновый прохладный бор, в Советский Союз. Там у вас много прекрасных мест. Война кончится, и я к вам непременно в гости приеду, – высказал свою заветную мечту добрый доктор.

– Связалась с партизанами! Вот и выкупалась. Хватит! Прощайтесь с вашими диверсантами и переходите ко мне, у меня не будете принимать холодных ванн, – сказал мне Кольман, придя проведать меня.

Навещали во время болезни многие. Вслед за Кольманом пришел Доминго вдвоем с Алексом.

Американец сильно похудел, но остался все таким же неунывающим.

– Садитесь и расскажите, где пропадали целую неделю? Что с вами случилось?

– Одним словом, «не повезло», – сказал Алекс, сел на стул и стал еще меньше.

– Ну, выкладывай все по порядку! Тогда Луиза определит, повезло тебе или нет, – предложил Доминго.

– Мост подорвать не удалось, – начал свой рассказ Алекс. – Мятежники обнаружили, и мы стали отходить. Темнота. Я шел одним из последних. Споткнулся, упал и так сильно ушиб правую ногу, что сразу не мог встать. Видно, я лежал в стороне от тропы, и никто меня не заметил. Когда с трудом встал, никого поблизости не было. Где-то сзади стреляли каратели, да еще пускали осветительные ракеты. Сильно болела нога, но я пытался догнать своих. Заблудился. Нога ныла!

До рассвета надеялся подальше отойти от моста. Утро застало меня в оливковой роще. Такие редкие деревья, что видно как в поле, и, еще беда на мою голову, близко автомагистраль. Ну, думаю, влип.

– Положение незавидное, – заметил Доминго.

– Изучая местность, заметил каменный забор, высотой меньше метра, и весь он в зелени. Ничего лучшего поблизости не было. Решил добраться до него. Там местами, к счастью, рос колючий и довольно густой кустарник. Забрался под самый высокий, весь поцарапался. Лег. Теперь можно было заняться ногой. Она ниже колена распухла и стала толстой, как у слона, и при движении боль усиливалась. Пришлось разрезать альпаргатас. Хотелось спать, но из-за боли в ноге не мог уснуть. Оливы почти все опали, но никто их не собирал, будто все вымерли. По дороге иногда проходили тяжело груженые машины. Это я узнавал по гулу моторов.

Весь день я был как в аду: и нога болит, и никого нет. В сумерках увидел двух крестьян. Шли они вдоль ограды и временами припадали к камням забора, возможно, прислушивались и вглядывались.

Ну, думаю, этак они могут и меня обнаружить. Но немного выждав, незнакомцы бросились под деревья и стали собирать оливы… Значит, экспроприируют свое у феодалов, сообразил я.

Попробовал пойти, а нога стала словно чужая. Решил просить о помощи.

Призывал, кричал, но мой голос тонул в темноте. Никто не отвечал. Крестьяне, собиравшие оливы, замерли на месте.

Алекс сделал паузу, а мне хотелось знать, что же дальше.

– Камарадас! – еще громче, с отчаянием крикнул я.

Вскоре услышал шаги и первое время не мог понять, куда пошли крестьяне. Потом один из них спросил:

– Где вы?

– Тут, под оградой!

Напряг все силы, превозмогая сильную боль, вылез из кустарника. Подошел пожилой, сгорбленный человек.

– Что случилось?

– Повредил правую ногу и не могу идти.

– Откуда и кто ты? – тихим голосом спросил второй, только что подошедший.

Сверху на мне было все, как у мятежников, а под ним форма сержанта республиканской армии. Ответ на этот вопрос был обдуман ранее.

– Мобилизованный. Шел к своим, – сказал я на плохом кастелянском диалекте, зная, что южане из Андалузии не поймут баска с севера.

– Решил убежать? – спросил одобрительным тоном сгорбленный.

– Да! – согласился я. – Но упал, повредил ногу и не могу идти.

– Что будем делать, Антонио?

– Придется попросить моего брата. С ним мы донесем, – ответил второй.

– Подожди здесь. Наберем олив. Отнесем и придем за тобой, – сказал пожилой.

Крестьяне набрали олив, угостили меня и ушли.

Прошел час. Время тянулось медленно, нога ныла, и никто не шел.

По тону беседы я верил, что они не предадут меня, этого я не боялся. Страшно было, что их заметят. Ведь они занимались сбором олив на помещичьей земле.

Приближающиеся шаги услышал издалека. Кто-то шел осторожно и нет-нет останавливался. На всякий случай приготовил гранату и пистолет. Но опасался напрасно. Трое принесли самодельные носилки и тихо, останавливаясь и вслушиваясь, понесли меня.

До деревни шли, наверно, около часа. Когда на фоне неба стали заметны дома, носилки опустили на землю. Двое остались

со мной, третий пошел куда-то.

– Можно, – сказал вернувшийся, и меня, почти бегом, пронесли около ста метров по улице и внесли во двор, а затем в комнату, где при свете слабой керосиновой лампы я увидел пожилую женщину и красивую девушку, накрывавшую на стол.

– Что у тебя с ногой? – спросила первая.

– Упал, ушиб!

– Ну покажи!

Мне было неловко в присутствии девушки. Старшая это заметила.

– Снимай, снимай, она не смотрит!

Я повиновался. Женщина покачала головой, увидев опухоль, прощупала осторожно ногу и зацокала языком.

– Придется потерпеть! Только не крикни. Нельзя! Могут услышать.

– Энрике, помоги! – сказала она, и сильный молодой парень подошел ко мне.

– Берись за ногу. Вот так! – показала она, а ты держи его, чтобы не упал, – командовала энергичная женщина и так со своим помощником рванула ступню, что я от боли чуть не потерял сознание, но удержался и не крикнул.

– Потерпи, сынок! Теперь все пройдет! – сказала моя спасительница.

Меня накормили и спрятали на чердаке, в солому.

Я быстро уснул, когда проснулся, долго никак не мог понять, где я. Нога болела меньше, опухоль опадала. Стал выбираться из укрытия. Кругом тишина, полумрак. Услышал шаги и замер на месте. Кто-то поднимался на чердак.

Ко мне прокралась девушка, которую я видел в доме.

– Сеньор! Вот еда и посуда. Отсюда – никуда! – сказала она и тихо скрылась.

Я поел и снова уснул. Проснулся, когда было уже темно, боль в ноге заметно утихала.

Нарушив указание своих спасителей, вылез из соломы, но с чердака спускаться не стал.

В кромешной темноте ко мне опять приползла девушка с новой порцией вареной фасоли, обильно политой оливковым маслом, и куском не то творога, не то брынзы.

– Выполз, негодный, – ласково пожурила она меня. – Полезай обратно в свое укрытие и не вылезай! – строго приказала девушка, добавив: – Когда будет надо, я сама приду за тобой, а зовут меня Кончитой.

Дни и ночи сливались и тянулись медленно. Я уже мог ступать на правую ногу. Собирался поблагодарить и уходить к

своим. И вдруг слышу – лезут явно незнакомые:

– Нет, сеньоры, здесь очень плохо спать. Мыши завелись. Нагадили. Кошки нет. Мы вам удобно постелим в нашей комнате. Будете довольны, – говорила Кончита, появления которой я ждал с таким нетерпением. Признаться, я стал к ней уже неравнодушен.

Внезапно по чердаку скользнул луч фонарика, и я почувствовал, как бьется сердце, как стучит кровь в висках.

Человек влез на чердак, еще раз осветил кругом и сказал:

– Никакого запаха здесь нет. Приготовьте нам постель на этой соломе.

– Хорошо, сеньор, сейчас, а пока прошу к столу, – ответила девушка.

Пришельцы удалились, но мне никак не улыбалась перспектива спать вместе с незнакомцами.

Слышу, опять кто-то поднимается. Ко мне осторожно подобрался Энрике.

– В деревню пришли солдаты. Трое будут ночевать у нас. Быстро спускайтесь за мной, – сказал он, и, забрав посуду, мы бесшумно удалились.

– Спокойной ночи, сеньоры! Пора и отдыхать. Утро вечера мудренее, – напутствовала Кончита непрошенных гостей.

Через час она вышла ко мне, рассказала, как надо идти к линии фронта, дала сверток с едой. Я стал благодарить Кончиту, взял за руки и все не мог отпустить. Обнял!..

– Уходите! Не забудьте наш дом, когда вернетесь! – сказала она на прощанье. Я как-то невольно провел рукой по щеке и ужаснулся. Противная щетина! Хотелось побриться, вернуться и поцеловать Кончиту…

Алекс умолк. Только теперь я заметила, как он переживает, как трудно было ему все это рассказать.

Диверсанты бывают разные

– Анна! Можно? – раздался за дверью хорошо знакомый голос Валенсуэлы.

– Входите, пожалуйста!

– Придется вам, товарищи диверсанты, закругляться! – сказал вошедший, поздоровавшись, – а то Кейпо де Льяно все наши поезда и машины подорвет. Генерал начал действовать.

Валенсуэла сделал паузу, посмотрел вопросительно на удивленного Доминго.

– Да, генерал Кейпо де Льяно слов на ветер не бросает! – продолжал Валенсуэла. – Помните его угрозу по радио, что за каждое крушение поезда в тылу его войск он организует десять крушений в нашем тылу, за каждую уничтоженную минами или засадой автомашину он уничтожит десять наших.

– Помним! Сам слыхал! – ответил Доминго.

Лично я не слышала по радио этой угрозы командующего Южным фронтом мятежников, но знала о ней от Доминго и других.

– Неужели фашистские диверсанты уже подорвали наш поезд? – серьезным тоном и даже с заметной тревогой спросил Доминго.

– Нет, еще не подорвали, но диверсантов мятежники уже перебросили, даже снабдили их минами с колесными замыкателями, – ответил секретарь провинциального комитета.

– Диверсантов поймали или мину нашли? – спросил Алекс.

– Двух поймали, а двое сами пришли на станцию Линарес.

– Хорошо! Расскажи, пожалуйста, все по порядку без загадок! – попросил Доминго.

– Ладно! – согласился Валенсуэла. – Вчера на станцию Линарес около полуночи пришли два подростка: одному, Хоакину, 15 лет, а второму – Бенито – всего 12. Спрашивают главного начальника. «А вам куда ехать?» – справляется у них дежурный милисиано. «Мы никуда не хотим ехать, – отвечает старший паренек, – нам главный начальник нужен. Мы от фашистов из Кордовы».

– Я вас сам определю. Пойдемте со мной, до утра отдохнете, а затем я отправлю вас в комитет, – предложил милисиано.

– Но у нас мины для поездов! – робко сказал младший.

– А ну-ка покажите, что это у вас за мины! – приказал блюститель порядка.

Ребята стали развязывать свои свертки с одеждой, до того казавшиеся невинными. Увидев динамит и какие-то провода,

милисиано выхватил пистолет и крикнул:

– Руки вверх! Бандиты!

Незадачливые диверсанты испуганно подняли руки, и мины остались на столе дежурного.

Милисиано одной рукой держал пистолет, направленный на дрожавших от страха подростков, другой усиленно стучал в стену и орал: «Вставайте, черти! Быстрей вставайте!»

Прибежали два заспанных милисиано, отдыхавшие в соседней комнате.

– Чего орешь? Сам с двумя пацанами не можешь сладить? – спросил один спросонья.

– Смотри! Осторожней, вон динамит!

Ребят обыскали. Ни документов, ни оружия не нашли. Утром их доставили в Хаен, и вот что они рассказали.

Их вместе с родителями арестовали мятежники вскоре после захвата Кордовы. Держали в переполненной тюрьме. Очень они голодали. Многих расстреливали. А месяц назад пришел какой-то майор и отобрал несколько мальчиков. Их начали лучше кормить и сказали: «Скоро вся Испания будет освобождена от коммунистов и другой нечисти. Чтобы заслужить прощение для семей, детям нужно пойти в тыл к красным и выполнить простое задание». Какое, пока не говорили. Многие ребята не согласились. А эти двое, как и еще двенадцать, дали согласие. Их отделили от других, стали хорошо кормить. С ними разговаривал ксендз, беседовали военные и гражданские. Все доказывали, что дети должны внести свой вклад в дело борьбы против безбожных коммунистов, продавших Испанию русским большевикам, которые уже начали разрушать страну. Мальчиков пугали, обманывали и тренировали, тщательно наблюдая за их поведением. Тех, кто показался подозрительным, изъяли из команды, и судьба их неизвестна.

С остальными обращались вежливо и хорошо кормили, и не жалели вина. Учили совершать поджоги и в ночной темноте ставить на железной дороге простые мины с динамитом. Они освоили науку и могли сноровисто минировать днем и ночью. Этих мальчиков перебросили южнее Андухара, чтобы они подорвали поезд под Линаресом. Но они решили не выполнять задание, а найти главного милисиано. Утром поймали двух других мальчуганов. Они закопали свои мины и пришли в буфет попить кофе. Сперва они отпирались, а потом признались, и мины уже найдены. Милиция продолжает искать и других диверсантов, – закончил свой рассказ Валенсуэла.

Мы выслушали его и задумались…

Доминго выругался, а потом спросил:

– Что вы думаете делать с этими диверсантами?

– Вот я и пришел с вами посоветоваться, – ответил секретарь.

Все молчали. Действительно, что делать с подростками?

– А что они сами хотели бы делать? – спросила я.

– Хоакин просит, чтобы его послали в армию, Бенито хочет работать по слесарному делу, а двое других, которым тоже лет по 12–13, просятся на любую работу. Все ребята просят объявить, что их поймали на железной дороге и расстреляли, тогда, может быть, выпустят их семьи!

– А это неплохая идея, – заметил Доминго. – Может быть, еще объявить, что они подорвали и поезд?

– Вот этого уже не следует делать! – заметил Алекс. У фашистов есть агентура, и, обнаружив обман, они пустят в расход семьи этих мальчиков.

– А не велики расходы подорвать под Линаресом путь в двух-трех местах, чтобы выручить ребят? – предложил Доминго.

– Ну, а ты, Луиза, что предлагаешь? – спросил меня секретарь.

– Трудно предлагать, не видя этих несчастных, не побеседовав с ними, – ответила я.

– Может быть, того, который просится в армию, взять в отряд, чтобы стал нашим диверсантом? – предложил капитан. Его поддержали Алекс, я и остальные.

После я узнала, что Хоакин, когда ему предложили пойти в партизаны, задумался, а потом ответил:

– Где я найду партизан? Меня поймают и расстреляют, да и сестренку и маму тоже.

– Ну а если ты будешь партизанить вместе со мною? – предложил ему Доминго.

Мальчик недоверчиво посмотрел на капитана и сказал:

– Нет, сеньор офицер, не надо ходить в партизаны, вас-то сразу поймают!

– Ишь ты, какой пугливый!

– Нет, я не пугливый. Но я знаю, фашисты много имеют охраны и много ловят партизан!

– А ты видел пойманных?

– Нет, не видел, но так пишут, так говорят.

– Кто пишет и кто говорит?

– Газеты пишут, говорил майор, который нас отбирал, много говорил и тот, который нас учил мины ставить.

– А кто это вас учил мины ставить?

– «Эль динамито!» его звали. Да и его начальник тоже говорил.

– Кто его начальник?

– Такой высокий и, когда говорит, то сипло у него получается.

– Как его зовут?

– Не знаю, сеньор шеф! То большой сеньор, от него духами пахнет, волосы на голове волнами, ногти длинные. Он говорит, что сам у республиканцев в анархистах был, потом ушел к своим. Он нам награды обещал большие.

– Так! – протянул Доминго, пристально смотря на мальчика. – Запомни! Фашистские газеты брешут, майор и другие бандиты врут! – и точно чеканя слова, продолжал: – В тюрьмах у мятежников сидят не партизаны, а такие же несчастные, как твои братья и сестры, как твои родители. Эх ты, нашел, кому верить! Фашистским брехунам! Врать они насобачились! – закончил капитан, похлопывая Хоакина по спине.

– Так это – брехня, что партизан много забирают? – спросил удивленный мальчик.

– Брехня, да еще какая, рассчитанная на простаков! – ответил Доминго. – Мы вот уже не один месяц ходим в тыл фашистов, и никого из нас не поймали, а ты, может быть, слыхал, подорвали поезд с итальянскими летчиками?

– Слыхал! Как же не слыхать. Все слышали, но объявили, что эти злоумышленники пойманы! – ответил Хоакин.

– Брехня! Не только не пойманы, а продолжают пускать эшелоны мятежников под откос! Партизаны всюду, и они неуловимы! – выпалил Доминго.

– Если неуловимы, то возьмите меня, я умею ставить мины, возьмите! Я отомщу гадам за все, – попросил юный диверсант.

Хоакина взяли в отряд, но никому не рассказывали, откуда он прибыл, чтобы не дозналась вражеская агентура. Ночью для дезинформации произвели два взрыва на подходе к Линаресу. Это не вызвало нарушения подвоза. Поезда ходили редко.

В Валенсии

– Врач настоятельно советует тебе заняться своим здоровьем, – сказал однажды Рудольфо, возвратившись из очередного рейда.

– Что значит «заняться»? – спросила я.

– Поезжай в Валенсию, там есть все условия для отдыха и лечения, – ответил он.

– Если не прогоняешь, не буду спешить.

И я осталась в Хаене, но пришел Фредерико дель Кастильо, внимательно прослушал меня и сказал:

– Надо начинать лечиться и как можно скорее. Ваша медицина лучшая. У вас столько красивых мест для летнего отдыха и лечения именно вашего заболевания. Подлечитесь, Луиза, отдохните, а потом с новыми силами приедете к нам.

Рудольфо не возразил доктору.

– Подождите немного, поедемте вместе, а пока переходите ко мне, – сказал Вильгельм Иванович Кольман, когда я с ним прощалась перед отъездом из Хаена. – Я не разрешу плавать в горных озерах, и не будете болеть.

Мне не хотелось уезжать. На моих глазах рядовые воины превращались в командиров групп, взводов, рот и батальонов, мужали и увлекались борьбой против фашистских интервентов, познали возможности уничтожать врага и его технику в его тылу, почти без потерь со своей стороны.

За короткое время великая сила пролетарского интернационализма превратила в единую семью югославов и испанцев, словаков, чехов и итальянцев, поляков и болгар. И все они в борьбе с врагом проявляли мужество, смелость, находчивость, смекалку, а если надо – и хитрость. Они научились делать и применять совершенную технику в тылу врага, вести разведку, устанавливать связи с людьми, которые оказались на оккупированной мятежниками территории.

Трудно было расставаться с маленьким Пепе, отчаянным Рубио, жизнерадостным и спокойным Маркесом и многими, многими другими, но через два дня я уже была в Валенсии.

Шла тяжелая революционная война. Временная столица республиканской Испании, переполненная беженцами из Мадрида и других мест, Валенсия, как барометр, чувствовала обстановку на фронтах и положение в стране.

Разгром итало-фашистских интервентов под Гвадалахарой в марте вызвал ликование широких народных масс.

Эта победа связывалась с мартовским пленумом ЦК коммунистической партии Испании, выдвинувшим лозунг «Выиграть войну», и с требованием о наведении порядка в тылу республиканской армии, а также о переходе к активным действиям на фронтах.

После пребывания на фронте жизнь в Валенсии мне показалась странной и непонятной. Противник был в Теруэле, угрожая отрезать Каталонию, в ряде мест продолжали бесчинствовать анархисты и другие разрушители тыла, давала себя чувствовать предательская политика Англии, США и даже Франции, принявших участие в блокаде республики и поощрявших интервенцию фашистских Италии и Германии.

Как и в мирное время, по вечерам можно было видеть гулянье.

После обеда мы наблюдали, как прогуливались по улицам девушки и военные, как террасы кафе наполнялись пообедавшей публикой, среди которой преобладали военные.

Одни воевали на фронте, работали на заводах и фабриках, на полях и в рудниках, другие находили средства и свободное время обедать в ресторанах, на берегу лучезарного Средиземного моря, где играла музыка, а услужливые официанты подавали вино и обильную еду, ничего общего не имевшие с пищей воинов и трудящихся.

В Валенсию я приехала накануне дня провозглашения республики.

Временная столица находилась под угрозой очередного, возможно, сильного налета вражеской авиации. Но утром город ярко украсили флаги, транспаранты, красные знамена, плакаты, цветы. Среди них как-то потерялись черно-красные знамена анархистов.

Цветов было больше, чем в обычные дни. Они выращивались не только для украшения Валенсии и Мадрида, но и для экспорта за границу. Блокада интервентов лишила сотни людей заработка.

Вечером в театре Алькасар состоялось торжественное собрание, на которое пригласили много советских людей, пошла и я вместе с товарищами.

Мы отправились пораньше, чтобы до начала собрания повидаться с друзьями.

Несмотря на угрозу налета, перед театром бурлила большая толпа. Мы встретили своих, поговорили, а когда решили идти, оказалось, что театр уже переполнен, и остается лишь слушать на улице у репродуктора.

Но тут пронеслось по толпе: «Нуэстрос амигос русос! Лос

камарадас советикос!», – и к нам подошел испанец с красной повязкой и повел нас в театр.

Огромный зал гудел. Больше половины присутствующих были с винтовками и пистолетами. Входили все новые и новые люди. Они занимали ступеньки, проходы, подоконники.

Как это, по рассказам, напоминало дни первых празднований Великого Октября в больших городах Советского Союза!

Но вот гул стал затихать, прекратилось движение, и раздались бурные аплодисменты. На сцену шли члены президиума.

Присутствующие шумно реагировали на слова ораторов, выражавших мысли народа: громко аплодировали, когда речь шла о победах республиканцах, возмущенно кричали, когда говорили о подлых действиях предателей, о коварстве и зверствах фашистов.

Я переводила слова ораторов своим товарищам.

Когда один из выступавших сообщил, что на торжественном собрании присутствуют русские, перевести его слова мне уже не удалось. Раздались дружные аплодисменты, все встали, громко скандируя: «Вива Руссия! Вива нуэстрос амигос советикос!» Так испанцы в зале театра выразили свое отношение к нашей Советской Родине, к нашему народу. Собрание было недолгим.

Когда мы вышли из театра, нас снова приветствовали, обнимали, дарили цветы. Внезапно испанец-капитан с большим пистолетом на поясе бросился к одному из советских товарищей. Они обнялись, словно два брата, встретившихся после долгой разлуки.

– Этот капитан спас жизнь советскому танкисту! – сказал стоявший рядом наш товарищ, и я увидела слезы на его глазах.

В Валенсии врачи отнеслись ко мне весьма внимательно. Надавали всяких лекарств, назначили на рентген. Посмотрев снимок, терапевт сказал:

– Придется серьезно лечиться – и чем скорее, тем лучше.

Но пилюли и микстура все же мне помогли, возможно, и то, что я отдыхала в Валенсийской партизанской школе, организованной ЦК компартии Испании после нашей встречи с Хосе Диасом. Здесь оставались еще двое первых учеников Рудольфо, ставших уже инструкторами. Они готовили молодых партизан-диверсантов и занимались изготовлением нужной им техники.

– Не спешите уезжать, Луиза! Армия наша растет, в тылу тоже наведем порядок и тогда побьем фашистскую гадость, и поедете домой с победой, – говорил Педро, один из шести первых наших

«старичков»

– Отдыхайте, поправляйтесь, дорога дальняя, куда вы с таким здоровьем поедете! – поддерживала повариха, уже пожилая женщина. Она убежала из занятого мятежниками Толедо.

– А мы никуда ее и не пустим, вылечим, – заявил начальник Валенсийской школы лейтенант Гарсия, присланный Доминго после Хаенской подготовки и знавший меня еще по этому городу.

Я не знала, что делать, и колебалась: ехать или оставаться?

Дома ждали малолетняя дочь, родные. Как ни хорошо было в Испании, как она ни была красива, но хотелось на Родину, которая казалась еще краше.

– Нечего и думать. Поработала. Хватит. Надо и полечиться, – прямо сказала моя подруга Нора Чегодаева. За полгода пребывания в Испании она побывала почти на всех фронтах и так втянулась, словно всю жизнь была военной.

Несмотря на тяжелую, подчас очень опасную работу, она выглядела бодрой и жизнерадостной, молодой и красивой.

– Я вот не уехал своевременно, – вставил ее советник Н.Н. Воронов, – когда мне на смену приехал полковник, его убили на фронте, под Андухаром, пришлось остаться на вторую смену, а устал я изрядно. Поезжайте, Луиза, а приедете в Советский Союз, поцелуйте за меня первого попавшегося милиционера, так я соскучился по Родине. Обязательно поцелуйте, – сказал мне Воронов.

Хотя это была шутка, но тоска по родной земле давала о себе знать. Как ни прекрасна Испания, как ни привыкла я к партизанам, Доминго, наша комната в общежитии на Гоголевском бульваре казалась мне милее уютного домика на окраине Валенсии.

Неожиданно меня вызвали туда, где решался вопрос отправки советских людей из Испании на Родину.

– Вы, Анна Корниловна, – назвал меня впервые по имени и отчеству товарищ, к которому меня направили для беседы, – плавали когда-нибудь по морю?

– Приходилось, по Белому – из Мезени в Архангельск и обратно. Качку переносила, но не люблю плавать по морю, – ответила я.

– Сильно укачивает?

– Нет!

– Очень хорошо. Если выдержали в Белом, то на Средиземном будете себя чувствовать прекрасно и… выполните важное задание.

– Какое?

– Задание ответственное!

Он испытующе посмотрел на меня и сказал:

– Боевое задание. Вы будете в качестве переводчицы помогать товарищу Серебрянникову довести судно до места назначения, а если на него будет произведено нападение и фашисты попытаются его обыскать, вы не должны допустить, чтобы враг захватил чемодан с важными документами. А сейчас идите к фотографу.

На следующий день мне показали мой паспорт.

Меня превратили в болгарку. Видя мое недоумение, начальник сказал:

– Теперь, гражданка… – он назвал мою новую фамилию, имя и отчество, – прошу вас выучить вот эту биографию, – и он передал мне три листа машинописи.

Два дня учила свою новую «липовую» биографию. На третий день меня экзаменовали.

– Видимо, вы давно не были в Болгарии, что так плохо знаете свою родину?

– Никогда не была!

– Как никогда, а где же вы родились?

– В Болгарии…

– Следовательно, вы там были?

– Но я ничего не помню, еще ребенком меня вывезли в Советский Союз.

Мне задавали еще много вопросов и после беседы сказали:

– Если вас будут спрашивать во сне, то и тогда вы не должны забывать, что родились в Болгарии, но еще ребенком родители привезли вас в СССР, поэтому языка болгарского не знаете.

Наконец я заучила свою новую биографию наизусть. Через неделю простилась с друзьями в Валенсии и выехала в Картахену.

День выдался солнечный, жаркий. В Картахену можно ехать двумя дорогами: вдоль моря, через Аликанте, и через Мурсию. Я выбрала последнюю, где договорилась встретиться с Доминго и Рудольфо. Отъехав от Валенсии около 30 километров, мы увидели сотни крестьян возле распределительной системы на старинном канале. Толпа гудела.

– Это решают спорные вопросы о распределении воды, – сказал Пепе. – Испанская земля без орошения суха и жестка, морщиниста, как лица старых крестьян, но эта земля даст большие урожаи, если ее поить водой. Раньше были «трибуналас де лас агуас» (водяные суды), в которых господствовали помещики, теперь народ сам решает вопросы распределения воды для полива садов, огородов и полей.

После обеда мы приехали в Мурсию, главный город

одноименной провинции. Расположен он в центре огромного оазиса, питающегося водой по каналам из реки Сегура.

Мне и до этого однажды довелось быть в этом городе-саде, но тогда, весной, он был особенно красив.

Последняя встреча с Рудольфо и Доминго была короткой, а мне показалась еще короче. Они ехали в Мадрид и «по пути» заехали в Мурсию.

– Очистим Испанию от фашистов, обязательно приеду в Советский Союз, – уверял Доминго. – Если затянется война, приезжай снова! – сказал он.

Встреча с Рудольфо вызвала во мне только огорчение, еще сильнее захотелось остаться вместе с партизанами, но это уже было невозможно.

– Люди остаются, а я уезжаю, – думала я. Но передумывать было поздно, все было решено окончательно и бесповоротно! Потянуло на Родину, несмотря на то что я представляла все трудности возвращения морем, когда республиканская Испания была блокирована. Недаром у нас на севере есть такая пословица: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал». Но я сама подгоняла время, боялась опоздать и рано утром выехала в Картахену, город со стотысячным населением, с прекрасной естественной бухтой, главной базой испанского военного флота. Вблизи города имеются залежи железной руды, цинка и свинца. Много небольших рудников, есть и крупные заводы.

Порт, город и железнодорожный узел Картахены прикрывались зенитной артиллерией. Жерла устремленных в небо орудий были заметны несмотря на их маскировку.

Город выглядел деловым: мало видно праздных людей. Население города-порта было, по-боевому, начеку.

Картахена за полтысячи лет до нашей эры называлась Новым Карфагеном и являлась опорным пунктом и основным портом карфагенян, которые к тому времени вытеснили греков.

В Картахене мне вручили чемодан с особо важной почтой и тщательно проинструктировали, что я должна буду делать, если судно попытаются захватить мятежники или фашистские интервенты.

Девять суток в море

Наше командование дало наказ Н.Н. Серебрянникову следить за курсом парохода.

– Капитан, да и часть команды не надежны – анархисты. В душу им не влезешь, – напутствовал меня товарищ, выдавший паспорт. Хотя они и остались в составе республиканского флота, но многие из них в трудных условиях могут переметнуться к врагу, да попытаться продать судно со всем его содержимым. Надо быть начеку, ни в коем случае не допустить изменения заданного курса, а в случае вражеского нападения или измены команды не дать захватить чемодана с секретными документами.

Меня еще раз предупредили:

– Помогайте товарищу Серебрянникову!

Инструктаж окончился, мы распрощались и приготовились к отплытию, и вдруг – воздушная тревога.

Вскоре раздались сильные взрывы, пароход сотрясался от падавших в бухту бомб, но ни одна их них не попала в наше судно.

Бомбежка окончилась. Прозвучал отбой.

– По графику нам пора отплывать, – перевела я капитану слова Серебрянникова.

Капитан-анархист внимательно выслушал, мило улыбнулся и ответил:

– Обождем немного!

– Зачем дожидаться другого налета! Мы не заколдованы! Может и в нас угодить. Все надо делать вовремя. Задерживаться нельзя, чтобы на рассвете не заметили судно у республиканских берегов, тогда нас не спасет никакая маскировка, – перевела я слова Серебрянникова.

– Хорошо, пойдем! – согласился капитан.

Мы покинули порт-крепость в темноте. Теперь ветхое грузовое судно было оставлено на волю капитана, его экипажа и небольшой группы пассажиров из интербригады.

– Медленно мы очень идем, – заметил Серебрянников, когда я стояла с ним на капитанском мостике.

Я перевела капитану. Тот махнул рукой и с горечью изрек:

– Судно «Магеллонес» – не пассажирский экспресс, а старое грузовое судно, да еще не очищенное от наросших на нем ракушек. Быстрее невозможно.

Да, судно было действительно тихоходным. Позже нас обгоняли другие корабли, возможно, даже местного (каботажного) плавания.

Первый день был особенно тревожным. Интервенты и мятежники блокировали побережье Испании, и мы на ветхом судне должны были прорвать вражескую блокаду, вырваться к побережью Алжира.

Серебрянников почти не спал, не отдыхал, боясь, чтобы капитан-анархист или его команда (тоже сплошь анархисты) не завернули бы в занятое мятежниками Марокко.

Одетые в самую различную гражданскую одежду, пассажиры выходили на палубу, когда не было поблизости других судов. Они стояли небольшими группами и беседовали, видимо, по национальному признаку: одним говорили на близком испанскому языке – это была самая малочисленная группа – румыны, другие – на совершенно мне непонятном, и, как правило, стоя курили замысловатые трубки. Больше всего было людей славянской принадлежности. Последние вовсе прекращали всякий разговор, когда кто-то был поблизости.

Но вот шедшее сзади судно легло на наш курс и явно стало нас догонять. Дистанция между нами все сокращалась.

Тревога на лице Серебрянникова возрастала. Он точно сросся с биноклем: то смотрел на догоняющее нас судно, то внимательно наблюдал за тем, что творится на море на других направлениях.

– Догоняет! – сказал он с тревогой и досадой и на время опустил бинокль.

Капитан-анархист тоже напряженно всматривался в корабль, шедший сзади с значительно большей скоростью.

– Мне думается, военный, – сказал он взволнованно, а потом добавил, обращаясь к Николаю Николаевичу Серебрянникову:

– Мой друг, прикажите пассажирам немедленно покинуть палубу.

– Хотя нет признаков, что за нами следует вражеский военный корабль, но я сейчас приму меры, чтобы мои пассажиры до особого распоряжения исчезли с палубы, – перевела я ответ Николая Николаевича.

Палуба опустела.

Большой быстроходный корабль с видневшимися уже на палубе пассажирами приближался.

– Нет! Это не военный, – согласился капитан.

– Но корабль больше нашего и может иметь фашистских пиратов на борту, так что приготовься, Луиза, в случае чего быстро спуститься к себе и бросить в топку содержимое чемодана.

Капитал нервничал, и я заметила, как Серебрянников дотронулся до кармана, в котором был пистолет.

Наконец, судно сошло с нашего курса вправо, вскоре догнало нас и прошло мимо. Еще одна опасность миновала.

– Пусть выходят пассажиры, – распорядился Николай Николаевич, когда нам уже без бинокля не стало видно пассажиров на обгонявшем нас судне.

И я уже не помню, сколько раз обгоняли, проходили мимо встречные суда, но каждый раз наши пассажиры должны были уходить с палубы и прятаться в трюмы, а я – готовиться уничтожить секретные документы.

Летали над нами и фашистские самолеты. Захватила нас в море и сильная качка. Однако ответственный за прибытие судна по назначению, высокий и уже с проседью, бывший моряк Николай Николаевич Серебрянников неизменно находился на капитанском мостике.

– Пора бы вам, Луиза, отдохнуть, – не раз говорил он мне и отправлял в каюту. Он, как и я, почему-то не употреблял вновь назначенной мне фамилии. Возможно, потому, что Серебрянников при моем появлении на судне попросил предъявить ему все мои документы и оружие. Я отдала пистолет, удостоверение и пропуск для поездок в полосе Южного фронта на имя Луизы Куртинг.

В маленькой каюте я долго не могла уснуть. Море разбушевалось, судно сильно качало, разболелась голова, и мне было не до сна. Выпила порошок и подошла к иллюминатору. Сквозь толстое стекло виднелась тень судна, бросаемая луной. И мне вспомнилась лунная ночь в тайге: в малице и в огромном тулупе-совике[38], в валенках с унтами еду в санях-розвальнях. Дорога длинная, ночь морозная. Любуясь луной, уснула. Проснулась от толчка, огляделась и пришла в ужас: валяюсь на снегу. Сверху по-прежнему глядит луна. Мороз пробежал по коже: осталась одна ночью в тайге. Так много было на мне одежды и обуви, что не могла ни встать, ни даже повернуться. Страшно, очень страшно! Неужели возница не заметил, что я упала? Неужто раньше, чем он обнаружит меня, до меня доберутся волки? Как ужасно! Но вот слышу: по морозному насту цокают копыта лошади.

– Анна! Ау-у, Анна! – кричит мой возница.

Я откликаюсь, и он подбирает меня в сани.

Кто-то тревожно стучит в дверь.

– Сеньорита! Сеньорита! – кричит матрос, – нас нагоняет какой-то корабль! Капитан Руссо просил вас на капитанский мостик!

С мостика виден быстро идущий военный корабль неизвестной национальности. Он включает прожектор, и нам видно, как узкие лучи его кого-то ищут.

Минут через 15 и наше судно попало под ослепительные лучи

прожектора. Опять, в который раз, приготовилась к худшему – к захвату судна итало-фашистскими пиратами. Мы плыли в водах, где они нагло действовали.

Полчаса напряжения, полчаса волнений, и, к нашей радости, корабль пошел на север, к берегам Италии.

Все поднятые по тревоге, наконец, пошли отдыхать.

Когда наше «корыто» удалялось от Сицилии, с севера появились два самолета. Вначале они покружили над большим танкером, который шел слева от нас на запад, а потом направились к нам.

Палуба была пуста. Капитан на этот раз был спокоен или показывал вид, что он не боится. Самолеты с итальянскими опознавательными знаками появились над нами очень низко, но, видимо, увидев ящики с апельсинами, пролетели мимо.

– Какие подлые! Не боятся так низко летать над нашими безоружными посудами, и как они трусливо убегают от советских самолетов, – сказал невысокий моряк из Барселоны по имени Марио. Он был молод, ловок и силен, и, хотя и носил черно-красный галстук, но по своим убеждениям был красным.

– Русские летчики храбрые, – продолжал он с большим пафосом. Говорилось это с такой убежденностью, что трудно было поверить, что он анархист. Свои восторги Марио подкреплял фактами.

– Сам видел. Налетели на Картахену 8 фашистских самолетов, а поднялись только трое русских. Фашисты заметили это, сбросили бомбы куда попало в море и скрылись. Трусы! – и он выразительно махнул рукой, полный презрения и ненависти к фашистским летчикам.

Были среди команды и замкнутые люди с черно-красными галстуками, но и они приветливо улыбались непривычной для них пассажирке – советской женщине, единственной на всем судне.

Временами мы попадали в мертвую зыбь, нас сильно качало, пропадал аппетит, и тогда Марио приносил мне лимоны и апельсины.

Когда мы подплывали к Дарданеллам, он подошел ко мне. Была чудесная погода. Солнце уже садилось.

– Камарада! Я очень полюбил русских людей, ваш народ, который мог создать такие хорошие самолеты, иметь таких храбрых воинов, как ваши летчики, танкисты, пулеметчики, и очень хотел бы плавать на ваших судах вместе с вашими отважными моряками.

Но не было у него возможности перейти в советский морской флот, а я ему не могла в этом помочь.

Не заметили, как проплыли Дарданеллы, но Босфор миновали днем.

Под теплыми солнечными лучами по берегам Босфора раскинулся большой город с высокими минаретами, церквами и красивыми зданиями.

Очень узкий пролив был заполнен большим количеством судов и еще большим – лодок.

Но рассматривать природу и красивый город нам не пришлось: мы скрывались за ящиками, чтобы нас никто не заметил ни с берега, ни с судов и лодок. По сигналу судно наше остановилось, и к нему направился катер. Все пассажиры, в том числе и Серебрянников, по команде устремились в трюм и спрятались там за ящиками с апельсинами.

Тем временем на судно с катера поднялись контролеры. Не знаю, о чем они беседовали с капитаном, как проверяли документы, но хорошо слышала, как турки спустились в трюм и как капитан говорил, что везет апельсины. «Ну, – думаю, – если начнут детально осматривать трюм, найдут нас, и тогда будут большие неприятности, а рядом море и Родина». К счастью, контролеры стали подниматься.

Через несколько минут судно тронулось.

– Выходите! – громко и радостно позвал Серебрянников, – мы дома.

Наконец мы оказались в своем родном Черном море, показавшемся тогда отнюдь не черным – вода его отливала приятным голубоватым цветом.

– Итак, Луиза, мы дома! – сказал Николай Николаевич. На его лице расплылась ласковая, довольная улыбка, и он пошел отдыхать после девяти суток тревог и волнений.

Изменилось поведение наших пассажиров. Послышался громкий русский говор. Я узнала, что многие из них были первыми добровольцами, которых уже сменили другие.

На советскую землю сошли в теплый весенний день в Феодосии.

Трудно передать нашу радость. Возвратились домой, на Родину!

Вспомнила, но не решилась выполнить наказ Николая Николаевича Воронова и Норы Чегодаевой поцеловать первого попавшегося милиционера, когда увидела в порту стройного сержанта в форме блюстителя порядка. Он находился при исполнении служебных обязанностей.

Дома я застала сестру. Дочери не было, но по тому, как выглядела комната и как обрадовалась моему приезду Шура,

поняла, что дома все в порядке.

Дочь вошла раскрасневшаяся, видно, много бегала. Она уже знала, что я была в Испании, и, когда успокоилась от неожиданной встречи, сказала:

– Мама! Расскажи, что там делается в Испании, чем ты занималась?

Но тогда я о своей работе не имела права ничего рассказывать.

В Наркомпросе

Поздней осенью 1937 года я возвращалась домой после санаторного лечения. День был пасмурный, холодный. Вот и Гоголевский бульвар. Деревья уже сбросили листву, скамейки на бульваре пусты. Прохожие, зябко кутаясь, как всегда куда-то спешат.

При входе в подъезд нашего дома неожиданно встретила ректора Международной ленинской школы К.И. Кирсанову.

– Здравствуйте, Клавдия Ивановна. Что с вами? – не удержалась я. Передо мной стояла осунувшаяся, бледная женщина, которую я обожала, восторгаясь ее тактом, простотой.

Вместо ответа на глазах Клавдии Ивановны заблестели слезы.

– Не спрашивайте! Вам расскажут другие! – тихо проговорила она и заплакала.

Никогда ничего подобного я не могла предполагать, чтобы жизнерадостная, чуткая к нуждам других, бессменный с 1920 года (с момента создания школы) ректор Международной ленинской школы была так подавлена.

Еще не понимая всего, что случилось, я обратилась к взволнованной большим горем женщине:

– Клавдия Ивановна! Может быть, чем смогу помочь?

– Спасибо, товарищ Обручева, пока ничем вы не поможете. Только верьте, что была, есть и до конца своих дней буду большевичкой. – Клавдия Ивановна вытерла платком слезы и добавила: – Вы, наверное, знаете, что нашу школу закрыли?

От подруг, работавших в Международной ленинской школе, я уже знала об этом, но никто не понимал, чем вызвана эта ликвидация, не спросила об этом и я у бывшего ректора и только подтвердила:

– Да, знаю!

– Ликвидировали не только школу! Но вы не беспокойтесь, работы для всех хватит. Одни пошли в Профинтерн, другие в ЦК ВКП(б), – ответила Кирсанова.

Подошли еще знакомые мне по Ленинской школе, разговор закончился, и мы распрощались.

В доме жили в основном работники нашей школы. Я узнала, что Клавдию Ивановну исключили из партии за связи с «врагами народа»[39].

Прошло еще около недели, и я подала заявление в Наркомпрос с просьбой направить меня на работу в один из испанских детских домов.

– Работники нам очень нужны, – сказали мне в отделе кадров

Наркомпроса. Есть вакансия переводчиц в детском доме в Обнинском. Если вас устроит – заполняйте анкету, доложим руководству.

Долго я заполняла анкету, приложила к заявлению характеристику и записала номер телефона отдела кадров, но звонить не пришлось. Скоро меня вызвали в Наркомпрос.

– Сегодня вас примет нарком, – сказали мне в отделе кадров.

Неужели, подумала я, сам нарком беседует с работниками детских домов?

Через несколько минут я с заведующим отделом кадров уже была в приемной. До этого никогда с наркомами не разговаривала и очень волновалась.

Раздался звонок, секретарь зашел к наркому и, вскоре выйдя от него, сказал:

– Петр Андреевич приглашает вас к себе.

Вслед за заведующим вошла в кабинет, все еще сильно волнуясь.

Нарком просвещения Петр Андреевич Тюркин[40] поздоровался, предложил нам сесть, сел сам и, глядя в анкету, начал:

– Прочитал я, Анна Корниловна, ваше заявление и анкету и решил с вами побеседовать. – Нарком сделал паузу и, глядя на меня, продолжал: – Вы проситесь на работу в испанский детский дом?

– Да! Я знаю испанский, знаю страну и народ и поэтому, думаю, справлюсь в качестве переводчицы или воспитательницы в испанском детском доме.

Нарком загадочно улыбнулся.

– Переводчицы для нас не проблема. Нам нужны кадры на большую работу, – произнес он задумчиво.

– Мы посоветовались и решили предложить вам должность начальника управления детскими домами и спецшколами, – сказал нарком.

Показалось невероятным, чтобы мне, переводчице, предложили должность начальника целого управления, о работе которого не имела и представления, поэтому я сразу не могла ответить.

Видя мою растерянность, Петр Андреевич улыбнулся.

– О чем задумались? Что вас смущает?

– Товарищ народный комиссар, – начала я, – прошу дать мне работу по моим знаниям и опыту в испанском детском доме.

– Ну что вы, товарищ Обручева, – начал нарком, – теперь мы смело выдвигаем на большие руководящие посты достойных

товарищей, а вы воевали в Испании, орденоносец, имеете отличные служебные и партийные характеристики.

– Товарищ народный комиссар, я никогда не работала ни в каком управлении и не представляю, что там надо делать. Мне не приходилось никем управлять, и я прошу вас избавить меня от такого выдвижения, чтобы не подвести вас, – ответила я, испугавшись, что это получилось у меня слишком прямолинейно.

– Анна Корниловна, не пугайтесь, мы вам поможем освоить работу. В управлении есть хорошие, опытные люди, но нужен начальник.

– Нет, товарищ народный комиссар, есть русская пословица «Не в свои сани не садись»

– А есть и другая пословица, – прервал меня нарком. – «Не боги горшки обжигают». Не думайте отказываться, вы ведь член большевистской партии, которая требует сейчас от нас большого напряжения всех сил и смелого выдвижения молодых кадров.

Мне казалось, что нарком, так много времени уделивший моей персоне, да еще по моему заявлению, поданному в отдел кадров, наконец рассердится и прогонит меня, но ничего подобного не случилось.

– Товарищ Обручева! – начал спокойно Петр Андреевич, – назначим вас все же исполняющим обязанности начальника управления детскими домами и спецшколами, и приступайте к работе. Все условия для вас будут созданы.

Он встал, давая понять, что больше возражений слушать не будет. И сказано это было уже таким тоном, что я решила: «Будь что будет».

Почти всю ночь я не спала. Мысли не давали покоя, думала о будущей работе, которую я так себе и не представляла.

Встала разбитая, невыспавшаяся и поехала в Наркомпрос.

Зашла, как условились, к начальнику отдела кадров. Он пошел со мной в кабинет начальника управления детскими домами и спецшколами и представил меня личному составу. Всего налицо в управлении было человек двадцать.

Познакомившись со всеми, я осталась вдвоем с секретаршей – тов. Александровой.

Пожилая секретарша, с проседью в волосах, имя и отчество которой я, к сожалению, позабыла, положила мне на стол целую стопку всяких папок и сказала:

– Анна Корниловна! Тут и утренняя почта, и исходящие документы.

– Помогите мне разобраться в бумагах! – обратилась я к секретарю.

– Прочитайте входящие, примите решение и наложите резолюции. Исходящие от вашего имени – подпишите, а за подписью наркома – завизируйте. Если потребуется справка или кто-либо из работников, вызовите их через меня или непосредственно по телефону. Самый последний список их у вас на столе, под стеклом.

Глянула я на пухлые папки, и такая грусть меня обуяла, что хоть плачь, но делать было нечего. Пришлось читать.

Чего только не было в этой утренней почте! Тут разоблачали «врага народа», там убежал мальчишка, происшествия, просьбы, заявки… Исходящих бумаг было меньше, но и они для меня были загадкой.

Никаких решений я принять не могла. Все для меня было незнакомо. Вызвала секретаршу.

– Прошу вас, – назвала я ее по имени и отчеству, – помогите мне для начала.

Обилие неисполненных входящих явилось результатом длительного отсутствия начальника управления. «Временно исправляющие дела» дел не решали. На некоторых документах я увидела резолюции моего предшественника тов. Гасилова, которого уже объявили врагом народа, а потому его решения не принимались во внимание.

Весь день приходили посетители, мешали работать телефонные звонки. Для чтения документов оставалась только ночь.

Ушли мы с секретаршей уже за полночь. Болела голова, а, главное, было чувство тяжести от непосильной работы. Все для меня было совершенно ново. Вначале я думала, что спецшколы готовят разных специалистов, а оказалось, что это школы для глухонемых, слепых и других детей, которых нельзя было учить в общих школах.

Мне представили списки руководящих работников спецшкол и детских домов с указанием времени вступления в занимаемую должность и кем были эти работники до их выдвижения, я узнала, что в 1937 год были сняты более четырех пятых всех директоров и их заместителей.

Вновь назначенные в большинстве не имели ни нужных знаний, ни должного опыта, а потому состояние домов и школ, воспитание в них детей значительно ухудшилось. Выходило, что работать без знания дела заставили не одну меня.

Следующий день был еще тяжелее. Уже с самого утра шли директора спецшкол и детских домов, работники своего управления, представители из областных управлений.

И так каждый день. Хорошо, что секретарша была опытная и в

меру своих сил помогала мне разбираться в бумагах, но и с ее помощью я не могла справиться с огромным потоком бумаг.

Чем больше я вникала в суть работы начальника управления, пытаясь осилить возложенные на меня обязанности, тем больше убеждалась, что я не подготовлена для этой должности. Я приезжала рано утром, просиживала в управлении и на заседаниях до поздней ночи, но часто не могла полностью прочитать все входящие, на которых накладывала резолюции, иногда подписывала исходящие, составленные исполнителями, не будучи уверенной, что они являются правильными.

Нарком работал еще больше. Но и он не успевал все сделать вовремя. Очень важные вопросы, которые мог разрешить только он, не решались только потому, что у него до них не доходили руки.

А это было обусловлено тем, что многие вопросы, которые могли бы решаться на местах, там не решались, так как не осталось опытных квалифицированных кадров руководителей, а выдвинутые молодые коммунисты еще не освоились со своими правами и обязанностями, да и не имели должной подготовки.

Хуже всего было иметь дело с «временно исполняющими обязанности» и даже с «исполняющими обязанности». Они не думали о завтрашнем дне, а думали о том, чтобы не ошибиться. Таких в то время было немало.

Мешали работе и многочисленные плановые и неплановые совещания, на которых очень много говорилось о бдительности, которая иногда доходила до неоправданной подозрительности.

В этих условиях меня, несмотря на самоотвод, избрали членом партийного комитета Наркомата, и работы еще прибавилось.

Надежда Константиновна Крупская

Вскоре после начала работы в Наркомпросе совершенно неожиданно меня пригласила к себе заместитель наркома Надежда Константиновна Крупская. Я вспомнила, как мы тепло говорили о ней в далекой Испании.

Я не раз слышала о ее скромности, доступности и простоте, хотелось мне с ней встретиться и побеседовать, но когда шла к ней, все же волновалась. Да и как было не волноваться, я шла к человеку, прошедшему большой путь вместе с Владимиром Ильичом.

Я вошла и представилась. Поздоровались.

– Прошу, товарищ Обручева, – сказала Надежда Константиновна тихим голосом, показывая на стул.

– Простите меня, что я оторвала вас от дела, но мне хотелось с вами поговорить о детдомах и спецшколах, – начала она, и на меня устремился внимательный взгляд ее больших серовато-зеленых глаз, а на лице приветливая, доброжелательная улыбка. Неловкость и волнение мои исчезли, я почувствовала себя свободно и уверенно.

Надежда Константиновна живо интересовалась постановкой работы в детских домах и спецшколах, учебой, трудом, бытом, спрашивала, чем занимаются дети в свободное время, как обстоит дело с трудоустройством тех воспитанников, которые по возрасту уже не могут быть в детских домах? На все вопросы я отвечала, как могла и что знала.

– Ну вот мы с вами и познакомились, – заметила Надежда Константиновна, видимо, удовлетворенная моими ответами. – Когда в чем-либо понадобится моя помощь, не стесняйтесь, заходите.

– С кадрами, Надежда Константиновна, в детских домах и спецшколах плохо, – пожаловалась я.

– Да! Знаю! – согласилась Крупская. – Сейчас многие детские дома и спецшколы превратились в проходные дворы. Большая текучесть кадров. Директоров, проработавших много лет и посвятивших всю свою сознательную жизнь воспитанию детей, почти не осталось, трудностей много и моральных, и материальных, но надо работать при всех условиях. Дети не имеют родителей, им надо создавать коллектив, заменяющий семью. Дети – наше будущее, наша смена!

Мы распрощались, и от этой беседы у меня стало легче на душе.

Недели через две Надежда Константиновна опять пригласила

меня. Теперь я уже не волновалась и спокойно вошла в скромный кабинет. И на этот раз она была в довольно поношенном, но чистом и хорошо выглаженном темно-синем платье с закрытым воротом и длинными рукавами, в поношенных туфлях на низком каблуке.

– Товарищ Обручева! – начала Крупская, – я пригласила вас по вопросу об испанских детях. Как они чувствуют себя у нас?

– Пока еще не привыкли, хотя наши люди делают все, чтобы испанцы чувствовали себя в наших детских домах как дома у родной матери, чтобы они убедились, что обрели вторую родину.

– А как с воспитателями, знающими испанский?

– Очень трудно. Испанский язык в нашей стране изучали немногие. Другая трудность – наша зима. Сейчас даже в Одессе стоят такие холода, каких в большинстве районов Испании никогда не бывает. Многие испанские дети впервые увидели снег только у нас.

Надежда Константиновна внимательно слушала и, когда я сказала о первом снеге, который увидели испанские дети в Советском Союзе, улыбнулась.

– Недавно мне рассказали такой случай, – начала Крупская. – Это было в Ленинградском детском доме. Ночью выпал первый снег, а днем испанские дети уже научились играть в снежки. Позвали обедать. Многие дети набили карманы снежками. Сняв пальто, пошли в столовую, потом настал «мертвый час». Когда дети спали, одна из воспитательниц вошла в раздевалку и удивленная остановилась перед огромными лужами – из карманов многих пальто продолжали еще падать капли воды…

Надежда Константиновна сделала паузу. Хотя я и слыхала об этой истории, но ожидала, что дальше скажет Крупская.

– Когда дети проснулись, – продолжала Крупская, – луж на полу не было, их вытерли, только мокрые карманы и полы пальто напоминали о снежках, и, узнав, что снег растаял, дети огорчились.

– Трудно с учебниками, Надежда Константиновна, – доложила я. – Испанских учебников нет. Переводим русские на испанский.

– Дело сложное и, конечно, требует времени, – согласилась Крупская. – А как со средствами?

– Средства дает ВЦСПС[41], отпускает и на переводы, и на издания учебников.

– А как с преподавателями?

– В каждом испанском детском доме есть несколько педагогов-испанцев, они преподают родной язык и литературу, но основная масса учителей – наши, большинство из них испанского

не знают и ведут уроки через переводчиков, что весьма затрудняет учебу.

– Какие перспективы с кадрами? – спросила Крупская.

– ЦК ВКП(б) и ЦК комсомола много внимания уделяют испанским детским домам. Они посылают на работу в них хороших партийцев и комсомольцев-педагогов, врачей, воспитателей. Начальник отдела испанских детских домов товарищ Семенов И.П. сам воспитывался в детском доме, знает все вопросы и привычки детей-сирот. Он очень любит детей, сам часто бывает в детских домах.

– Ну а как с питанием? – поинтересовалась Надежда Константиновна.

– На первых порах и тут были трудности. Наши хозяйственники и повара не знали испанской кухни. Они все готовили на сливочном масле, а испанские дети привыкли к оливковому, которого у нас нет. Теперь привыкать стали к нашей пище. Гораздо труднее с медицинским обслуживанием.

– Почему?

– Многие дети приехали в сплошных струпьях, болячках. Их вывезли буквально из-под бомбежек, многие ребята потеряли не только родителей, но и своих братьев и сестер. Были такие случаи, когда брат попадал в один, а сестра – в другой детский дом, и нашим работникам приходилось их разыскивать и устраивать вместе.

После разговора по делам спецшкол Надежда Константиновна спросила:

– Товарищ Обручева, мне недавно сказали, что вы родились и выросли в Мезенском уезде Архангельской губернии.

– Да! – подтвердила я.

– Давно вы там были в последний раз?

– В 1929 году уехала на учебу, и с тех пор не была, хотя в селе Дорогорском остались мать, сестры.

– Надо бы навестить родных, нехорошо отрываться от земли, где впервые увидели свет, – с укоризной заметила Крупская,

– Рада бы навестить, да все не могла выкроить времени. Далеко. От Архангельска до нашего села Дорогорское за неделю не доберешься, да обратно больше недели. Вот почти и весь отпуск в пути.

– Знало царское правительство, куда революционеров ссылать, – заметила Надежда Константиновна.

– Да, ссыльных у нас было немало! Многому они научили местных жителей, даже косить траву косой (а до них косили горбушами[42]). Да! Политические просвещали нас!

При следующей встрече с Надеждой Константиновной я

обратилась к ней с просьбой.

– Надежда Константиновна! Нужного опыта не имею. Чувствую, что не могу справиться со своей работой, не по силам, не по знаниям она мне. Помогите перейти хотя бы инспектором по испанским детским домам, – взмолилась я.

– Анна Корниловна, вас понимаю, но боюсь, что помочь вам не смогу.

Надежда Константиновна расстроилась, и я уже не смела больше говорить с ней на эту тему.

Еще не раз встречалась я с Надеждой Константиновной. Много говорили с ней о практических нуждах школ. Не имея своих детей, она очень много внимая уделяла детям и особенно – сиротам.

Снова с испанцами

Я не могла выдержать чрезмерного напряжения. Недосыпание, неуверенность в правильности принятых решений, продолжавшиеся аресты руководящих работников на местах и в аппарате наркомата действовали угнетающе.

Опять начали давать о себе знать вынужденное купанье в ледяной воде и холодные ночи в горах Испании. Я чувствовала себя все хуже и хуже. Вечерами поднималась температура. Врачи рекомендовали лечиться, но у меня не было времени. Наконец, нарком, будучи внимательным человеком, заметил мое болезненное состояние.

– Вы нездоровы, Анна Корниловна? – спросил он.

– Да! Врачи говорят, что это рецидив болезни, приобретенной в Испании, и необходимо систематически принимать процедуры, а мне не до них.

– Знаю. Подыскиваем заместителя, тогда будете свободнее и сможете лечиться, а сейчас поезжайте в поликлинику.

– Товарищ народный комиссар, четыре месяца я работала без заместителя, утопая в бумагах, а я привыкла работать с живыми людьми. Прошу учесть мою просьбу.

– Ладно! Учтем, а сейчас в поликлинику.

В поликлинике меня упрекнули, что я долго не являлась и теперь все надо начинать сначала.

Вскоре нарком принял решение удовлетворить мою просьбу, назначив меня старшим инспектором испанских детских домов.

С большой радостью передала дела вновь назначенному начальнику М.С. Шифрину. Перейдя на новую работу в отдел испанских детских домов, я почувствовала облегчение. У меня появилась реальная возможность принимать прописанные процедуры и работать не с бумагами, а с детьми, отцы которых еще продолжали сражаться с фашистами.

Однако и в маленьком отделе было много работы. Но работа для меня была посильной, нередко приходилось уходить домой, когда другие уже возвращались из театров.

Трудились все – начиная от наркома просвещения П.А. Тюркина, кончая секретарями и инспекторами. Очень много работал и вновь назначенный начальник управления спецшкол и детских домов М.С. Шифрин, но и он не успевал всего сделать, решение многих вопросов задерживалось на длительные сроки. Все заключалось в том, что выдвижение молодых кадров производилось все в большем количестве, но вновь назначенные, как правило, не имели должного опыта[43].

Работая в Наркомпросе, довелось мне беседовать и с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко[44]. По роду своей деятельности, как член деткомиссии ВЦИК, он продолжал начатое Ф.Э. Дзержинским дело ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. А в первые послевоенные годы было очень много ободранных, голодных беспризорников, зябко греющихся у куч паровозного шлака. В то время, о котором идет речь, разруха, голод, беспризорность остались позади, но трудностей с детьми, особенно с испанскими, было много.

Нарком здравоохранения также был перегружен работой. Изредка на каком-либо совещании или при встрече в Наркомздраве, где мне тоже приходилось бывать, он осведомлялся о состоянии здоровья детей, об обеспечении медикаментами и о работе медицинского персонала.

– Работа трудная, но нужная и почетная, – сказал однажды Николай Александрович. – Дети есть дети, – продолжал он, – они наше будущее, но работа с ними полна неожиданностей. Возьмем какой-либо хороший детский дом. По всем показателям надо премировать руководителя и обслуживающий персонал, и вдруг один несмышленый малыш совершает ЧП, и все идет насмарку. Значит, увлеклись достижениями и не доглядели.

Вообще мое положение в Наркомпросе было не из легких. Тогда я была единственной женщиной с орденом Красной Звезды на груди. Заменителей – планочек – в то время еще не было, и все награжденные, как правило, носили награды.

Особым вниманием пользовались немногочисленные орденоносцы на районной партконференции в 1938 г., где мне довелось быть делегатом и сидеть рядом с Надеждой Константиновной Крупской.

Был и такой случай. Приехал из Ленинграда профессор Фельберг. Он возглавлял научно-исследовательский институт на набережной Жореса. В этом институте разрабатывали средства и способы по устранению у детей дефектов речи, приобщали к трудовой жизни слепых и глухонемых детей.

Приехав в Наркомпрос, Фельберг направился в кабинет начальника управления детскими домами и спецшколами, о судьбе моего предшественника он, видимо, не знал.

Я видела, как незнакомый мне мужчина открыл дверь. Секунду посмотрел в дверь и поспешил выйти раньше, чем я успела опомниться.

Тогда он зашел в отдел спецшкол и спросил:

– Где я мог бы видеть начальника управления детских домов и спецшкол?

– Он у себя в кабинете, – ответили ему.

– Но там его нет, а сидит какая-то актриса.

– Нет! Это не актриса, а наш новый начальник, – ответили ему.

Через некоторое время он приходит ко мне, мы знакомимся, и начинается деловой разговор.

9 ноября 1938 года в испанском детском доме № 7 (в Москве на ул. Пирогова) состоялся вечер, посвященный 21-й годовщине Великого Октября. Был на этом вечере сын Долорес Ибаррури – молодой, красивый Рубен. Он пел старинные астурийские песни. Пел так хорошо, увлеченно, что все, кто знали испанский, ему подпевали, среди них был и Михаил Кольцов. Он произнес яркую речь на испанском языке, а потом сам перевел ее на русский, и все присутствующие не раз прерывали его бурными аплодисментами.

Кольцов узнал меня. Стал расспрашивать о Доминго и Рудольфо.

– Меня очень интересует участие народов других стран в борьбе против мятежников в их тылу, – сказал он. – Я знаю, что у Доминго, в бытность там Рудольфо, были в отряде представители многих народов, участвовавших в войне против фашистских мятежников. Я собираю материалы и думаю, что скоро придет время, когда об этом можно будет сказать во всеуслышание, – добавил он.

Мы сели с ним в столовой, где был вечер, и Михаил Ефимович тут же записал фамилии и все известные мне данные о Харише, Тихом, Алексе, Крбованце и некоторых других.

– Конечно, Рудольфо знает больше, он дольше был в Испании и с большинством из интербригадовцев участвовал вместе в операциях под Мадридом и Сарагосой, – сказала я, когда не могла ответить на некоторые вопросы.

Михаил Кольцов пообещал вскоре опять приехать. Но эта встреча не состоялась. Мы узнали, что и он попал в число тех, о ком уже не говорили…[45]

Работая в Наркомпросе, я превратилась из Обручевой в Старинову. Проработав в Наркомпросе десять месяцев, я, по совету врачей, вынуждена была оставить работу.

Вести издалека

Встречаясь с испанскими детьми, вынужденными покинуть свою солнечную страну, я еще больше убеждалась, что за время моего пребывания в Испании я полюбила ее мужественный народ и навсегда оставила в ней частицу своего сердца.

В те годы мир следил за событиями в Испании, где продолжалась героическая война мужественного народа против фашизма.

Советский Союз оказывал моральную и материальную помощь республиканской Испании, но блокада затрудняла и резко сокращала ее размеры.

Все это мы знали и с горечью переживали.

Тем временем мятежникам и фашистским интервентам удалось осуществить ряд наступательных операций. 22 февраля 1938 года они заняли Теруэль. Это в значительной мере явилось следствием проводимой пораженческой линии министра национальной обороны Индалесио Прието, который отрицательно относился к коммунистам и всячески старался ограничить их роль в армии, выдвигая на высшие военные посты ненадежных офицеров. Некоторые из них переходили потом на сторону мятежников.

3 апреля 1938 года пала Лерида, главный город одноименной провинции. 8 апреля правительство было реорганизовано. Пораженец Прието был смещен, и пост занял Хуан Негрин. Наступление мятежников продолжалось, и 15 апреля 1938 года они вышли к Средиземному морю, расчленив республиканскую Испанию на две части: Каталонию и центрально-южную зону.

Летом 1938 года фашисты начали крупное наступление на Валенсию, но оно разбилось о стойкость республиканских войск. Правительство Негрина в это время получило большую партию советского оружия, вооружило каталонскую армию, и 25 июля 1938 года «Армия Эбро» под командованием Хуана Модесто на широком фронте форсировала р. Эбро и стремительной лавиной двинулась на юг.

Мы читали радостные сводки о победах республиканских войск. Наступление мятежников на Валенсию было приостановлено. Операция на Эбро продолжалась до середины ноября 1938 года.

Недостаток боеприпасов и вооружения у республиканской армии, усиление притока итало-фашистских войск привели к тому, что мятежникам удалось восстановить положение, но эта операция убедительно показала, что если бы не было блокады и

республиканская армия получала бы то, что мог дать Советский Союз, мятежники и интервенты были бы разбиты.

Мощь республиканской армии, зрелость ее командиров к тому времени возросли настолько, что правительство Негрина решило вывести из армии всех иностранных добровольцев, надеясь, что это будет способствовать пересмотру политики невмешательства и снятия блокады с республиканской Испании.

В начале декабря 1938 года закончилась эвакуация всех добровольцев из республиканской Испании. Их участие в борьбе с мятежниками и фашистами было настоящим подвигом, интернациональной помощью в отражении фашистской интервенции.

23 декабря началось наступление резко превосходящих войск фашистов в Каталонии.

Героические республиканские войска мужественно отражали фашистское наступление, но интервенты имели многократное превосходство в войсках и особенно в боевой технике, а оружие и боеприпасы, направленные из Советского Союза, были задержаны во Франции.

26 января 1939 года интервенты заняли Барселону. К началу февраля они оккупировали Каталонию.

9 февраля предатель – адмирал Убиета – под нажимом англичан сдал мятежникам бастион республиканцев на Средиземном море, остров Менорку. 22 февраля английское и французское правительства признали Франко и разорвали дипломатические отношения с законным республиканским правительством, тем самым нанесли еще один удар в спину испанскому народу.

Начали действовать заговорщики. Командующий армией Центра полковник Сихисмундо Касадо, лидер правых социалистов Хулиан Бейстеро и командир IV корпуса анархист полковник Сиприано Мера возглавили заговор. В начале марта 1939 года мир узнал о подлом предательстве группы Касадо, которая несмотря на героическое сопротивление патриотов во главе с коммунистами, используя части 4-го корпуса, находившегося под командованием анархистов, предала республику и открыла фронт фашистам.

В конце марта 1939 года Республиканская Испания пала.

В сердце словно что-то оборвалось. Не хотелось верить, что мятежники заняли Испанию.

Тридцать два месяца героический испанский народ отважно вел мужественную вооруженную борьбу против сил международного фашизма.

Подрывная деятельность анархистов, граничащая с

предательством, соглашательская политика правых социалистов и мелкобуржуазных партий, политика поощрения и практическое содействие фашистским интервентам со стороны правительств США, Англии и Франции сделали свое черное дело.

Республиканская Испания пала, но героическая борьба мужественного испанского народа, кровь испанских и прибывших им на помощь иностранных добровольцев не пропала даром. Мужественные защитники Испанской республики доказали огромное значение международной солидарности антифашистов в борьбе против коричневой чумы.

В Испании добровольцы-интербригадовцы отдали борьбе с врагом человечества все: свою юность или свою зрелость, свои знания и опыт, свою кровь, свои надежды и стремления, а многие и жизнь. И ничего не требовали: ни почестей, ни наград. Уцелевшие интернационалисты использовали свой опыт в борьбе против фашизма в рядах движения Сопротивления, в партизанской борьбе в тылу оккупантов во Второй мировой войне.

Содержание

Александр Дюков. Предисловие. 5
Впереди Испания. 13
На испанской земле. 25
Чемодан с минами. 36
Первые вылазки в тыл мятежников. 51
Валенсийские будни. 77
Впереди Андалузия. 85
Партизаны действуют. 99
Партизанская разведка. 106
Вести из Севильи. 111
Перес Салас. 114
Минеры могут ошибаться не один раз. 119
Иван Хариш – Хуан Пекеньо. 124
База в тылу мятежников. 133
Батальон «Эспесиаль». 143
Рубио и другие. 149
Матадор. 158
Андухарская трагедия. 166
Встреча в Пособланко. 169
Не помогло и соседство с монастырем. 178
Незабываемые встречи. 181
Мина с магнитом. 188
Осиное гнездо. 191

На новой базе. 198
Каратели. 208
Вынужденное купанье. 215
Один в тылу врага. 223
Диверсанты бывают разные. 229
В Валенсии. 234
Девять суток в море. 242
В Наркомпросе. 249
Надежда Константиновна Крупская. 256
Снова с испанцами. 261
Вести издалека. 266

notes

Примечания

1

Старинова А.К. Советник Кольман (Вильгельм Кумелан) // Борцы Латвии в Испании, 1936–1939: Воспоминания и документы. Рига, 1970; *Старинова А.К.* В тылу у мятежников // Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986; *Старинова А.К.* Наша союзница – ночь // Профи. 1997. № 5–6; 1998, № 1

Starinov A.K. Behind Fascist Lines. A firsthand account of guerrilla warfare during the Spanish revolution. New York, 1995

Псевдоним И.Г. Старинова. (*Примеч. ред.*)

4

Ижемцы – финно-угорская этногруппа коми (коми-зырян). Ижемцы традиционно занимались кочевым оленеводством. (*Примеч. ред.*)

5

Широкое пальто без пуговиц, одевается с подола через голову. (*Примеч. ред.*)

Пришитый к малице капюшон из пыжика. (*Примеч. ред.*)

7

Комвуз – коммунистическое высшее учебное заведение. Наименование высших партийных учебных заведений в 1920–1930 гг. А.К. Старинова окончила Северный краевой комвуз в Архангельске. (*Примеч. ред.*)

8

Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе (с 1920 по 1922 гг. – Центральный институт живых восточных языков, с 1922 по 1924 гг. – Петроградский институт живых восточных языков, с 1924 по 1927 гг. – Ленинградский институт живых восточных языков, ликвидирован в 1938 г.) – высшее учебное заведение, готовившее работников для практической деятельности в странах Востока, а также научных работников для востоковедных вузов и академических учреждений. (*Примеч. ред*.)

9

Международная ленинская школа – учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки, действовала с 1926 по 1938 гг. (*Примеч. ред.*)

10

В 1930–1933 гг. И.Г. Старинов являлся сотрудником разведотдела штаба Украинского военного округа и участвовал в подготовке к партизанской войне. Подробнее об этой работе см.: *Дюков А.Р.* Работа по линии «Д»: довоенная подготовка партизанской войны в СССР // *Старинов И.Г.* Супердиверсант Сталина. Мины ждут своего часа. М., 2004. (*Примеч. ред.*)

11

Кирсанова Клавдия Ивановна (1887–1947), советский партийный деятель. Член коммунистической партии с 1904 г… Родилась в семье служащего Кулебакского завода. Исключена из гимназии за участие в революционном движении. Во время революции 1905 г. вела партийную работу в Пермской организации РСДРП. Подвергалась репрессиям; отбывала 4 года каторги. В Якутской ссылке вышла замуж за Е. Ярославского. В 1922–1924 гг. заместитель ректора Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова в Москве. В 1926–1938 ректор Международной ленинской школы. В 1938 возглавляла Отдел вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. С 1941 работала в агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП (б) лектором. С 1945 г. вела работу в Международной демократической федерации женщин, член Президиума Антифашистского комитета советских женщин. Награждена орденом Ленина и орденом Красной Звезды. (*Примеч. ред.*)

12

Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940), советский писатель и публицист. Во время гражданской войны в Испании корреспондент газеты «Правда»; впоследствии испанские газетные репортажи послужили основой книги Кольцова «Испанский дневник» (1938). В 1938 г. отозван из Испании, арестован. Расстрелян в 1940 г., реабилитирован в 1954 г… (*Примеч. ред.*)

13

Речь идет о здании Разведуправления ГШ РККА, располагавшемся по адресу Гоголевский бульвар, дом 6. (*Примеч. ред.*)

14

Туманян Гай Лазаревич (1901–1971), советский военный деятель. Член коммунистической партии с 1917 г. В РККА – с 1924, в 1930–1935 гг. в распоряжении Разведывательного управления штаба РККА, работал в Китае. В 1935–1938 гг. начальник спецотделения «А» Разведупра. Участник гражданской войны в Испании. С 1938 – военный комиссар Военно-инженерной академии РККА. Во время Великой Отечественной войны – член Военного совета танковой армии. В 1957 г. – заместитель начальника Бронетанковой академии по политической части. С 1969 г. в отставке. (*Примеч. ред.*)

15

Уриицкий Семен Петрович (1895–1938), руководитель советской военной разведки. Член коммунистической партии с 1912 г. В 1915 г. призван в царскую армию. В 1917 один из создателей Красной гвардии в Одессе. В Гражданскую войну командир и комиссар кавалерийских частей 3-й армии, начальник штаба 58-й дивизии, командир бригады особого назначения 2-й Конной армии. В 1920 – начальник оперативного отдела Разведывательного управления Полевого штаба РВСР. В 1922–1924 годах нелегально работал в Германии, Франции и Чехословакии. С 1924 – помощник начальника, начальник и комиссар Московской интернациональной пехотной школы. С июня 1927 – командир и комиссар 20-й стрелковой дивизии. В 1929–1930 гг. – заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1930–1931 гг. командир и комиссар 13-го стрелкового корпуса. В 1931–1932 гг. начальник штаба Ленинградского военного округа. В 1932–1935 гг. заместитель начальника Управления механизации и моторизации (с ноября 1934 – Автобронетанковое управление) РККА. В апреле 1935 г. возглавил 4-е (разведывательное) управление Генштаба РККА. В июне 1937 г. назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа. Арестован 1 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже, расстрелян в 1938 г… В 1956 г. реабилитирован посмертно. (*Примеч. ред.*)

16

CNT (Confederación Nacional del Trabajo, Национальная конфедерация труда) – испанская конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов. FAI (Federación Anarquista Ibérica, Федерация Анархистов Иберии) – боевое крыло CNT. (*Примеч. ред.*)

17

В начале октября 1936 года, перед наступлением на Мадрид, конкурент Франко на пост главнокомандующего мятежными силами, генерал Моле, заявил, что против Мадрида действуют пять колонн: четыре с фронта, а пятая – подпольная, в самом городе. Тогда Мадрид устоял от наступления всех пяти колонн благодаря героизму войск, защищавших столицу Испании, и помощи Советского Союза. С тех пор «пятая колонна» стала символом для фашистов, действовавших в тылу республиканской армии. (*Примеч. ред*.)

18

Берзин Ян Карлович (латыш. Bērziņš Jānis; настоящее имя – Петерис Янович Кюзис (Pēteris Ķuzis), 1889–1938), руководитель советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга. Родился в семье батрака-латыша. В 1905 году вступил в РСДРП. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1907 г. за убийство полицейского приговорён к 8 годам каторги, но ввиду несовершеннолетия срок сокращён до 2 лет. В 1911 г. снова арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал. Во время Первой мировой войны призван в армию, откуда дезертировал. Работал слесарем на заводах Петрограда. Во время Октябрьского вооружённого восстания член партийного комитета в Выборгском районе и член Петроградского комитета. С декабря 1917 г. работал в аппарате ВЧК РСФСР. В январе – мае 1919 г. – заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии. С декабря 1920 на службе в Разведуправление РККА. В марте 1924 – апреле 1935 начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА. С апреля 1935 г. по июнь 1936 г. – заместитель командующего войсками Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В 1936–1937 гг. главный военный советник в армии республиканской Испании. В конце мая 1937 г. вернулся в СССР и вновь занял пост начальника Разведуправления. 1 августа 1937 снят с поста начальника Разведуправления с направлением в распоряжение Наркома обороны СССР. Арестован 27 ноября 1937 г. по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. (*Примеч. ред.*)

19

Спрогис Артур Карлович (Sproģis Arturs, 1904–1980) – сотрудник советской военной разведки. В РККА с 1919 г., после гражданской войны – на службе в пограничных войсках и органах ОГПУ-НКВД. В начале 30-х гг. участвовал в подготовке к партизанской войне в Белорусском военном округ по линии ОГПУ, начальник спецшколы, уполномоченный особого отдела ОГПУ БССР по линии «Д». Участник войны в Испании (конец 1936 – октябрь 1937), после возвращения в СССР – на работе в Разведуправлении. В начале Великой Отечественной войны – особо уполномоченный Военного Совета Западного Фронта по организации партизанского движения, одновременно начальник Оперативного диверсионного пункта по подготовке партизанских разведчиков и подрывников (в/ч 9903). В 1943–1944 гг. – начальник Латвийского штаба партизанского движения. (*Примеч. ред.*)

20

Регина Цитрон – переводчица А.К. Спрогиса. Как вспоминал Лев Хургес, «приданная поначалу к группе Спрогиса переводчица Регина Цитрон, старая коммунистка, работавшая в подполье в Польше, по своему возрасту – за сорок лет, по здоровью и природным склонностям, оказалась непригодной для такой работы. Ее быстро забрали обратно и направили в авиацию в город Альбасете, а взамен прислали молодую девушку – Хосефу, в миру Елизавету Александровну Паршину» (*Хургес Л.* Москва – Испания – Колыма: Из жизни радиста и зэка. М., 2011). (*Примеч. ред.*)

21

По всей видимости, «генералом Ивоном» являлся резидент НКВД в Испании Александр Орлов, курировавший вопросы ведения партизанской войны. В своих воспоминаниях И.Г. Старинов описывает «генерала Ивона» как «плотного темно-русого человека».

Орлов Александр Михайлович (настоящее имя Лев Лазаревич Фельдбин, 1895–1973 гг.), советский разведчик. Участник Гражданской войны, в мае 1920 года вступил в РКП(б). В 1920–1921 сотрудник Архангельской ЧК, в 1921–1924 студент Школы правоведения при Московском университете, с 1924 на работе Экономическом управлении ГПУ, с 1926 – на работе в Иностранном отделе ОГПУ. Выезжал командировки во Францию, Германию, США, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Великобританию, Эстонию, Швецию, Данию. В частности, с 1934 года работал с Кимом Филби и «Кембриджской группой». В сентябре 1936 года был направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве. Принимал непосредственное участие в организации контрразведывательной службы республиканцев и создании школ для подготовки партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В июле 1937, после получения приказа прибыть на советское судно «Свирь» в Антверптене, бежал во Францию, а затем в США. В 1953 г. опубликовал в США книгу «Тайная история сталинских преступлений», в 1962 г. – «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны». На многочисленных допросах в ФБР сообщил ряд сведений о работе органов госбезопасности СССР, но не выдал известную ему заграничную агентуру советской разведки. (*Примеч. ред.*)

22

Чегодаева Нора Павловна (1905–1971 гг.) – сотрудница советской военной разведки. Выпускница военной академии им. М.В. Фрунзе, участница войны в Испании. В 1943 – начальник Центральной женской школы снайперской подготовки. (*Примеч. ред.*)

23

Воронов Николай Николаевич (1899–1968 гг.), советский военачальник. В коммунистической партии с 1919 г., в РККА – с 1918. В 1930 окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, назначен командиром артиллерийского полка 1-й Московской Пролетарской дивизии. С апреля 1934 г. начальник и военком 1-й артиллерийской школы. В конце 1936 г. направлен в Испанию старшим советником по артиллерии при руководстве республиканской армии, в июне 1937 отозван в Москву. В 1937–1940 гг. начальник артиллерии РККА, с июля 1940 – первый заместитель начальника Главного артиллерийского управления по боевой подготовке. С июня 1941 начальник Главного управления ПВО, затем начальник артиллерии РККА, заместитель наркома обороны. В 1950 г. назначен на пост президента Академии артиллерийских наук. (*Примеч. ред.*)

24

Псевдоним В.Я. Колпакчи. Колпакчи Владимир Яковлевич (1899–1961), советский военачальник. Родился в Киеве в семье служащего, после окончания гимназии поступил на юридический факультет Киевского университета, осенью 1916 г. был призван на военную службу, участник Первой мировой войны. В Красной Гвардии – с 1917, участник штурма Зимнего дворца. В 1923 году участвовал в боевых действиях против басмачей. С 1924 по 1936 год занимал должности командира полка, начальника штаба, командира стрелковой дивизии, заместителя начальника штаба Белорусского военного округа. В 1936 году направлен в специальную командировку в Испанию. В марте 1938 года вернулся на Родину на должность командира 12-го стрелкового корпуса. В декабре 1940 года назначен начальником штаба Харьковского военного округа. Во время Великой Отечественной войны – начальник штаба 18-й армии, заместитель командующего 4-й ударной армией, командующий 7-й резервной армией, 62-й, 30-й, 63-й, 69-й армиями. После войны командовал войсками Бакинского военного округа (июль – октябрь 1945), 40-й, 1-й Краснознамённой, 6-й армиями, войсками Северного военного округа (май 1954 – январь 1956). С августа 1956 года – начальник Главного управления боевой подготовки сухопутных войск. (*Примеч. ред.*)

25

Дороги, которые привели переводчицу Елену Константиновскую в Испанию, были довольно причудливыми. «Весной 1934 г. Шостакович познакомился со студенткой-филологом Еленой Константиновской, выполнявшей обязанности переводчика на встречах с иностранными музыкантами. В отличие от Нины Васильевны (первой жены Шостаковича), равнодушной к нарядам, Константиновская одевалась элегантно, культивировала свое изящество, женственность, тонкость. Летом 1934 года он стал брать у нее уроки английского языка. Кончилось это бурным романом с ежедневными письмами Шостаковича к Ляле (так он её называл в письмах) во время их разлуки, когда Шостакович уехал в концертную поездку в Баку. Константиновская эти письма сохранила и в 1975 г., когда она преподавала в Ленинградской консерватории иностранные языки, предоставила для обнародования… В 1935 г. Шостакович стал появляться с Константиновской открыто на спектаклях, концертах, приходить к ней домой на Кировский проспект. Тогда же он написал письмо с просьбой о разводе жене Нине, уехавшей с матерью в Дом отдыха Академии наук… Она дала согласие на развод. Но Шостакович вдруг заколебался. Спустя сорок лет Константиновская так рассказала о грустном финале их романа: «Я была измучена. Наконец он решился. Всё было как в дурном романе. Я прождала до глубокой ночи. Позвонила ему. Жена ответила: «Дмитрий Дмитриевич остается дома». На этом всё кончилось…» А на Константиновскую обрушились несчастья. По ложному доносу её исключили из комсомола и арестовали. В тюрьме она получила открыточку от Шостаковича (написать подобную открыточку было в те годы делом далеко не безопасным для пишущего). Константиновской повезло, шел еще только 1936 год и, разобравшись в её деле, Константиновскую выпустили – тогда еще отпускали. Шостакович пришел к ней домой с альбомом вырезок из газет с разносными статьями о его творчестве. Это было после знаменитой статьи в газете «Правда» о сумбуре вместо музыки. Шостакович тогда сказал Константиновской: «Вот видите как хорошо, что Вы не вышли за меня замуж». Константиновская попросилась в Испанию, где шла гражданская война. Там она познакомилась с выдающимся кинорежиссером-документалистом Романом Карменом и, выйдя за него замуж, стала Кармен» (*Хентова С.* Удивительный Шостакович. СПб., 1993). (*Примеч. ред.*)

26

Псевдоним Н.Г. Кузнецова. Кузнецов Николай Герасимович (1904–1974 гг.), советский военачальник. В военном флоте с 1919 г., в 1926 окончил Военно-морское училище им. Фрунзе, в 1932 – Военно-морскую академию. В 1932–1933 гг. старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ». С ноября 1933 по август 1936 года командир крейсера «Червона Украина». В августе 1936 года отправлен в Испанию, главный военно-морской советник республиканского правительства (под псевдонимом Николас Лепанто). С августа 1937 заместитель командующего, с января 1938 года по март 1939 командующий Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 Нарком ВМФ. С февраля 1947 г. – начальник Управления военно-морских учебных заведений, с июня 1948 г. заместитель Главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. В 1950–1951 командующий 5-м военно-морским флотом на Тихом океане, в 1951–1953 военно-морской министр СССР. В 1953–1955 гг. первый заместитель Министра обороны СССР, Главнокомандующий ВМФ. С 1956 г. в отставке. (*Примеч. ред.*)

27

Смушкевич Яков Владимирович (1902–1941 гг.), советский военачальник. В РККА с 1918, участник Гражданской войны. В 1931 году окончил Качинскую военную школу лётчиков, комиссар авиабригады. С ноября 1936 по июнь 1937 старший военный советник по авиации испанской республиканской армии. По возвращении из Испании в 1937 г. окончил курсы усовершенствования начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе, вступил в должность заместителя начальника Управления ВВС РККА. В мае – августе 1939 г. во время конфликта на реке Халхин-Гол командовал авиацией 1-й армейской группы. С ноября 1939 года начальник ВВС РККА, с августа 1940 генерал-инспектор ВВС РККА, с декабря 1940 г. помощник начальник Генерального штаба РККА по авиации. 8 июня 1941 г. арестован органами НКВД СССР по обвинению в участии в военной заговорщической организации. Расстрелян в октябре 1941 г..

И.Г. Старинов познакомился с Я.В. Смушкевичем в 1932 году, во время военных учений, в ходе которых отрабатывались вопросы взаимодействия партизанских формирований с авиацией. (*Примеч. ред.*)

28

Плоскогорье Месета, или Центральное Кастильское плоскогорье, расположено на высоте 600–800 метров и занимает больше половины Пиренейского полуострова. (*Примеч. ред.*)

29

«Сковорода Андалузии» – так называют равнину южнее Гвадалквивира между Севильей и Кордовой. (*Примеч. автора.*)

30

«Печь Андалузии» – так называют город Эсиха в восьмидесяти километрах восточнее Севильи. (*Примеч. автора.*)

31

Псевдоним В.И. Кумелана. Кумелан Вильгельм Иванович (1898–1952 гг.), советский военачальник. Участник Гражданской войны, войны в Испании, советский военный советник на Южном фронте. Во время Великой Отечественной войны – начальник артиллерии 15-й армии, с 1944 г. заместитель командующего артиллерией 2-го Украинского фронта. После окончания войны преподавал в Военной артиллерийской инженерной академии имени Ф.Э. Дзержинского, в 1946–1947 гг. заместитель начальника Академии по оперативно-тактической подготовке. (*Примеч. ред.*)

32

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), советский писатель и публицист. Во время гражданской войны в Испании военный корреспондент «Известий». (*Примеч. ред.*)

33

Это представление сгорело в топке советского корабля, остановленного франкистами для досмотра. См.: *Могилевский В.М.* Жизнь и судьба профессора полковника И.Г. Старинова. URL: http://kuos-vympel.ru/memory/starinov.pdf (*Примеч. ред.*)

34

Штерн Григорий Михайлович (1900–1941), советский военачальник. В Красной Армии с 1919 года. Член РКП(б) с 1919 года. В 1926 г. окончил курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе и в 1929 году – восточный факультет той же академии. С ноября 1931 года – секретарь Народного комиссара обороны СССР, с мая 1933 года – начальник Управления делами Народного комиссара по военным и морским делам СССР. С марта 1936 года – командир и военком 7-й Самарской кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. В январе 1937 – апреле 1938 главный военный советник при республиканском правительстве Испании. С апреля 1938 начальник штаба Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии, с августа 1938 года командующий 1-й отдельной Краснознамённой армией на Дальнем Востоке. Во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов командующий 8-й армией. С 22 июня 1940 года командующий Дальневосточным фронтом, в 1941 – начальник управления ПВО РККА. Арестован 7 июня 1941 г., расстрелян в октябре 1941 г… Реабилитирован в 1954. (*Примеч. ред.*)

35

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903–1968), руководитель советской военной разведки. В РККА с 1918. В 1935–1938 гг. в распоряжении Разведуправления РККА. В 1936–1938 секретный уполномоченный специального отделения «А» Разведуправления. Участник войны в Испании, старший советник по разведке XIV специального корпуса. Во время советско-финской войны – командир особой лыжной бригады. В 1940–1941 гг. начальник 5-го (диверсионного) отдела Разведуправления. Во время Великой Отечественной войны командир 311-й стрелковой дивизии, командир 114 кавалерийской дивизии, заместитель командира 7-го кавалерийского корпуса. С мая 1942 г. заместитель начальница Центрального штаба партизанского движения по разведке, начальник оперативного отдела ЦШПД, начальник Южного штаба партизанского движения. С марта 1943 командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1948–1955 гг. командир дивизии, корпуса, в 1955–1957 командующий армией. В 1956 г. участвовал в подавлении венгерского восстания. В 1957–1968 гг. первый заместитель начальника Главного разведывательного управления. (*Примеч. ред.*)

36

Высшая оперативная школа особого назначения была создана в августе 1942 г. при Центральном штабе партизанского движения. Начальником школы стал И.Г. Старинов (*Примеч. ред.*)

«Рабочий мир», орган ЦК Коммунистической партии Испании. (*Примеч. ред.*)

38

Совик – шуба из оленьего меха, шерстью сверху, одеваемая через голову. (*Примеч. ред.*)

39

В середине ноября 1937 г. Секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала принял решение об увольнении К.И. Кирсановой с должности ректора Международной ленинской школы (МЛШ). Кирсанова обвинялась в том, что, имея «длительную и тесную связь с врагами народа», она «по существу превратила Школу в рассадник троцкистско-шпионских элементов». 19 ноября 1937 г. состоялось закрытое партсобрание МЛШ, на котором Кирсанова была подвергнута жестокой «проработке». Стенограмму партсобрания см.: http://labas.livejournal.com/907281.html (*Примеч. ред.*)

40

Тюркин Петр Андреевич (1897–1950 гг.), советский государственный и партийный деятель. В 1920–1926 гг. инструктор, заведующий губернским отделом народного образования в Самаре. С 1926 года заместитель начальника Главного управления по соцвоспитанию в Москве. В 1929–1932 на партийной работе в Нижнем Новгороде. В 1931–1933 гг. член ВЦИК. С 1933 г. директор Горьковского Механико-машиностроительного (Индустриального) института. В 1935–1936 гг. директор Ленинградского индустриального института. В 1937–1940 гг. народный комиссар просвещения РСФСР. В 1940–1941 гг. – директор Ленинградского политехнического института имени М.И.Калинина. В годы блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) – член военного совета 67-й армии, начальник политического управления Ленинградского фронта. После войны – заместитель председателя Ленгорисполкома, директор Института истории партии. 19 ноября 1949 года арестован в связи с «Ленинградским делом». Умер 2 мая 1950 г. в больнице Бутырской тюрьмы в Москве. Реабилитирован в 1954 г… (*Примеч. ред.*)

41

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) – центральный орган профессиональных союзов, осуществлявший руководство деятельностью всех профсоюзных организаций в СССР. (*Примеч. ред.*)

42

Кривая коса, которой не косили, а сплеча рубили траву. (*Примеч. автора*).

43

Начальник управления спецшкол и детских домов М.С. Шифрин была арестован 31 декабря 1938 г. по обвинению в «развале работы» детских домов. В 1939 г. Шифрин был освобожден. См.: *Жирнов Е.* «Давал санкции на аресты по телефону из дома отдыха» // Коммерсантъ-Власть. 2008. № 46. С. 64. (*Примеч. ред.*)

44

Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач, один из организаторов системы здравоохранения в СССР. В 1901 г. окончил медицинский факультет Казанского университета, работал врачом в Орловской и Самарской губернии». С 1904 г. член Нижегородского комитета РСДРП, в 1906 эмигрировал. С июля 1918 до 1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР. С 1930 по 1936 работал во ВЦИК, занимая должности члена Президиума, председателя Деткомиссии (ей «была поручена борьба с беспризорностью, руководство лечебно-профилактической работой в детских оздоровительных учреждениях»). В 1945–1949 гг. – «директор института школьной гигиены АПН РСФСР и одновременно (1947–1949 гг.) – института организации здравоохранения и истории медицины АМН СССР. (*Примеч. ред*.)

45

М.Е. Кольцов был арестован в ночь с 12 на 13 декабря 1938 г. (*Примеч. ред.*)